

Клуб N

Литературный альманах

Москва

Центр поэтической книги (при Русском ПЕН-центре)

2014

УДК 821.161.1-1
ББК 84 (2Рос=Рус)-5
К51

Клуб N. *Литературный альманах*. – М.: Центр поэтической книги (при Русском Пен-центре), – 2014. – 184с. – ил.
ISBN 978-5-9903616-1-4
ISBN 978-5-9904715-1-1
ISBN 978-5-88161-373-0

Русская литературная традиция всегда была отзывчива не только к западной художественной мысли, она так же обращала свой взор на Восток – старалась воспринять тонкость восточной поэзии, найти общее между русским пейзажем и буддистской медитацией, между японским рисунком и авангардной каллиграфией.

«Восток и не только» – вот сквозная тема нового выпуска ежегодного альманаха «Клуб N». Восток широк, он разный – и ближний, и дальний, и юго-восточный. В русском мироощущении Восток – это всё, что не Запад. Многие произведения альманаха посвящены художественному и историческому освоению богатства восточных культур.

Документальное исследование и веселая пародия на квазиисследование, историческое повествование и рассказ о любви, стихи, классическое эссе и детектив, – все эти жанры авторы успешно применяют, чтобы показать взаимодействие культурных традиций России и других стран, как Востока, так и Запада.

Литературный альманах «Клуб N» также продолжает публикацию литературного архива. В этом году раздел «Эхо» посвящен 85-летию выдающегося поэта Генриха Сапгира (1928–1999), которое отмечалось в прошлом году.

ББК 84(2Рос=Рус)-5

- © Центр поэтической книги (при Русском ПЕН-центре), 2014
- © Михайловская Т.Г., составление, 2014
- © Коллектив авторов, 2014
- © Галечьян В.А., Михайловская Т.Г., Осеян Л.О., обложка, 2014
- © Галечьян В.А. оформление заставок, 2014
- © Осеян Л., Кузнецов В., Голубкова А. и др., фотографии, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ЭХО

К 85-летию ГЕНРИХА САПГИРА (1928-2013)

Генрих Сапгир. «Я чувствую свои корни». <i>Интервью 1991 года.</i> <i>Публикация Юрия Орлицкого</i>	7
Еврейские песни. <i>Перевод Генриха Сапгира.</i> <i>Публикация Юрия Орлицкого</i>	8
Карлос Поррас. Перевод стихов Генриха Сапгира на испанский язык. 14	
Элла Опальная (Певзнер-Ницберг). Что я помню про клуб «Факел». <i>Воспоминания</i>	28
Валерий Сафранский. Кто там на дудочке играет?.. <i>Эссе</i>	37

ПРИГЛАШЕННЫЕ ГОСТИ

Александр Лозовой. Сладкий рис. <i>Глава из романа «Бог перекрестных дорог»</i>	57
Роза Хуснутдинова. Два рассказа	65

СВОЯ ТРАЕКТОРИЯ

Дмитрий Авалиани. Самурай. <i>Каллиграфемы и рисунки</i>	81
Наталья Осипова. <i>Стихи</i>	88
Валерий Галечьян. Примиряюсь с Конфуцием	89
Вилли Мельников. Человеколандшафт: начало исследования	93
Елена Твердислова. Живое ходячее чудо. <i>Документальный очерк</i>	98
Эсфирь Коблер. Дядюшка Ли. <i>Фрагмент из книги «Сны и Сновидения»</i>	121
Наталья Юлина. <i>Китайский дневник. Главы из романа «Чокан Валиханов»</i>	128
Александр Лаврухин. Образы пространства. <i>Графика</i>	138
Андрей Цуканов. <i>Стихи</i>	142
Андрей Цуканов, Людмила Вязмитинова. Гуси-лебеди. <i>Рассказ</i>	148
Борис Ванталов. Зимнее время. <i>Стихи</i>	155
Наталья Кузьмина. Аквариум. <i>Стихи</i>	158
Татьяна Михайловская <i>Целование ветра, воды и земли... Чувства. Стихи</i>	169
Людмила Вязмитинова. Месяцеслов. <i>Стихи</i>	176
Об авторах	179

210

ГЕНРИХ САПГИР “Я ЧУВСТВУЮ СВОИ КОРНИ”

Интервью 1991 года, данное еврейской газете “Тарбут-Лаам” (Самара)

Г. Сапгир. — Я очень рад, что сегодня народы приобретают свой голос, начинают заниматься своей культурой; все это вполне нормально, так и должно быть, поскольку пробуждается самосознание.

Дело в том, что с русскими евреями вообще очень сложно получилось. Когда было, так сказать, веяние интернационализма, национальность была как бы на втором плане. И многие российские евреи ощущали себя русскими.

Ю.О. — *То есть, по-вашему, это было естественно?*

— Да, тогда — естественно, они целиком принадлежали к российской культуре, считали себя русскими и развивались таким образом; но поскольку наше коммунистическое правительство уже давно, начиная с послевоенных лет, официально поддерживало антисемитизм — всякими квотами, допусками, и так далее — все это зарождало у людей сознание своей национальной особенности.

Кроме официального антисемитизма была и другая причина — возникло государство Израиль, которое процветало, побеждало и принимало к себе людей. Я, право, не думаю, чтобы все наши евреи почувствовали себя настоящими израильтянами, но движение к этому было.

А есть еще и третья причина. Человек же ищет, где ему экономически лучше, и так как люди, которые уехали в Израиль или Америку, жили там гораздо лучше по сравнению с тем, как они жили здесь, — то они писали своим друзьям, знакомым и родственникам письма оттуда. Следовательно, с одной стороны официальный антисемитизм, с другой стороны — возможность уехать в страну, где ты будешь не отщепенцем, не инородцем.

Я чувствую свои корни: у меня есть корни русские, а есть — иудейские. Конечно, люди хотят жить лучше. А русскому человеку

бежать некуда. Если бы была Аляска, я думаю, что была бы эмиграция и туда, в русскую Америку. Но, к сожалению, русскому человеку бежать некуда, а человек, у которого в 5-м пункте написано «еврей», может уехать на свою историческую родину. Но, поскольку для этого нужно учить язык, значит, он начинает приобщаться к культуре, он начинает понимать многое из того, что он не понимал раньше, — так сказать, важность и нужность своей нации в общемировой культуре. Ведь мы все принадлежим к мировой культуре, и чем больше каждая нация проявит свое, тем богаче становится мировая культура, поэтому замечательно, что в Самаре открылась газета и действуют еврейские организации.

Ю. О. — Вы сделали переводы народных еврейских песен и собственные переложения псалмов.

Г. Сапгир. — Да. Я в свое время обратился к псалмам Давида. Но дело в том, что это ведь вообще русская традиция: Ломоносов, Сумароков, Тредьяковский, Федор Глинка писали переложения псалмов и довольно вольно, довольно свободно. Я поэтому решил написать еще более вольно, еще более свободно. Но дело в том, что пафос псалмов: голый человек на голой земле, стоящий на холме и бряцающий на арфе, обратясь к Богу, — я, конечно, сохранил. Потому что это не только хвала Богу, но и спор с Богом.

С Генрихом Сапгиром беседовал Юрий Орлицкий.

ЕВРЕЙСКИЕ ПЕСНИ

в переводе Генриха Сапгира

ТУМ-БАЛАЛАЙКА

Думал парень у ворот,
Думал, думал целый год:
Как бы жениться — не ошибиться,
Как бы жениться — не ошибиться.

П р и п е в:

Тум-бала, тум-бала, тум-балалайка,
Тум-бала, тум-бала, тум-балалайка,
Тум-балалайка, пой, балалайка,
Пой, балалайка, пой веселей.

— Девушки, девушка, вот вам загадка.

Что это, пробуешь, горько и сладко?
Что без конца смеется и плачет?
Что, отгадайте, все это значит?
– Глупый ты, парень, простая отгадка.
Это душе моей горько и сладко.
Сердце мое смеется и плачет,
Я полюбила, все это значит.

П р и п е в:
Тум-бала, тум-бала, тум-балалайка,
Тум-бала, тум-бала, тум-балалайка,
Тум-балалайка, пой, балалайка,
Пой, балалайка, пой веселей.

ЕВРЕЙСКАЯ МАМА

Еврейская мама – добрее в целом мире нет!
Еврейская мама – без нее неласков свет.
С нею – столько тепла и любви,
Столько света впереди!
Мама милая, с нами живи,
Никогда не уходи.
Еврейская мама, такие нежные слова!
Еврейская мама всегда детьми была жива.
Вся мечта ее – дом уберечь,
Чтобы не был он пустой,
Даже взрослых детей обогреть
Материнской добротой.
Еврейская мама – добрее в целом мире нет!
Еврейская мама, без нее неласков свет.
Моя милая мама...
Мама... мама...

БЭЛЦ

Когда взгрустнется
И если детство вспомню,
Местечко вижу, как во сне.
На солнце окнами
Наш домик весь блестел,
Отцом посаженный

Мой тополь шелестел.
Мой старенький дом,
Какой ты теперь?
Все окна разбиты
И сорвана дверь.

Бэлц, местечко мое,
Мой кров, мое счастье,
Где я свои детские годы провел!
Ой, ой, ой!
Помню, возле синагоги
Стоял высокий клен,
Дети каждую субботу
Мы прятались на нем.
Бэлц, местечко мое,
Мой кров, мое счастье,
Где я свои детские годы провел!
Ой, ой, ой!

ВОКРУГ КОСТРА

Костер пылает
В ночной пустыне.
Поем мы песни
Свои простые.
Сближает пламя
Людей в изгнании,
Родное племя,
Ты всюду с нами.
И лица близких —
Как искры в дыме...
До скорой встречи
В Иерусалиме!
Но исчезают
Шатры родные.
И всюду — звезды.
Как ледяные.

ДЕРЕВО

У дороги дуб стоит, ветер сучья гложет,
Да и птицы из гнезда разлетелись тоже;

Три – на север, три – на запад, остальные – к югу.
И остался дуб один слушать ночь да вьюгу.
– Мама, мама, вновь и вновь сердцу больно биться,
Только мне не прекословь, стану легкой птицей.
Буду жить в его ветвях и под свист метельный –
Убаюкаю его песней колыбельной.
– Подожди, мое дитя, ты меня тревожишь,
Там вверху ты не шутя простудиться можешь.
Я укутаю платком доченьку-голубку.
Не забудь еще надеть валенки и шубку.
– Я закуталась в платок теплый и красивый.
Тянет сердце в вышину, а взлететь не в силах.
Материнская любовь тяжким грузом стала,
Не пустила в небеса, к дому привязала.

ТЫ – ДЛЯ МЕНЯ

Ты вся так мила,
Ты вся для меня.
Как небо для голубя, одна.
Твой взгляд поутру
Как хлеб, я беру,
Как воздух, ты радости нужна.
Красивых девушек
Пускай другие ищут.
Тебя давно я выбрал.
Ведь ты была
Всегда так мила.

МЕЙЕРКЕ, МОЙ СЫН

– Мейерке, мой сын, Мейерке, мой сын.
Мейерке, мой сын,
Признайся мне, скажи, сыночек мой.
Признайся мне, скажи, сыночек мой.
Мейерке, мой сын, ты часом не влюбился?
Дают ли что за нею?
А нет – я запрещаю!
На свадьбу даже не приду к тебе.
Мейерке, мой сын.

– Люблю такую девушку, папочка,
Приданного ни ниточки, папочка.
Тебя не будем спрашивать, папочка.
А не придешь на свадьбу, как папочка.
Пришлем мы за тобой внука, дедушка.

– Мейерке, Мейерке, мой сын.
Мейерке, мой сын...

ЛЭХАИМ

Лэхаим, нальем винца немного,
Лэхаим, за счастье у порога.
Мы бокалы поднимаем
За здоровье всех, лэхаим,
Лэхаим, лэхаим.
Стаканчики наполним
И выпьем поскорее
За всех, кто за праздничным столом.
Стаканчики поднимем
За близких, и друзей,
Мир наполним светом и теплом.
Стаканчики мы сдвинем
И пожелаем долгих лет.
И снова их поднимем
За тех, кого здесь больше нет.
Стаканчики поднимем,
Закуска – на столе.
Пусть настанет мир на всей Земле.
Еврейам – пить за жизнь!
Лэхаим – пить за жизнь!
Пейте, пойте
Все до одного.
И с жаром всех сердец
Воскликнем, наконец:
– Лэхаим всем – и больше ничего!

ПОРТНОЙ И САПОЖНИК

– Местечковый я портной,
Я веселый – ой, ой, ой! Сшить могу из старых брюк
Новенький сюртук.

– Скажи, портной, чтоб сразу стало ясно,
Ну как игла – дает на хлеб и масло?
– Тружусь всю ночь, ложусь, когда светает,
И ем свой хлеб – на масло не хватает.
– Я – сапожник озорной,
Я веселый – ой, ой, ой!
Каблуки подбить могу
Прямо на бегу.
– Скажи, чудак, чтоб сразу стало ясно,
Твой молоток дает на хлеб и масло?
– Тружусь всю ночь, ложусь, когда светает,
И ем свой хлеб – на масло не хватает.

МОЙШЕЛЕ, МОЙ ДРУГ

Как поживаешь, Мойшеле?
Все тот же грустный взгляд.
Ты был моим товарищем
Лет тысячу назад.
Мы вместе в школу бегали
И не забуду, как
Боялись мы учителя
С линейкою в руках.
Ах, кто вернет нам прежние
Прошедшие года?
Ах, друг милый мой,
Никто и никогда.
А что случилось с Рохеле?
Жива ль твоя сестра?
Она была, ты знаешь сам,
Прекрасна и добра.
Она любила Береле,
Ты, верно, позабыл,
Меня же – ненавидела.
А я ее любил.
Ах, кто вернет нам прежние
Прошедшие года?
Ах, друг милый мой,
Никто и никогда.

Публикация Ю.Б. Орлицкого

Генрих Сапгир

Стихотворения

Перевел на испанский Карлос Поррас

В ресторане

Стол

Похож на белый стул.

Бокал

Похож на унитаз.

Мой нос

Похож на множество носов.

И на меня похож

Мой собеседник Носов.

А гладкие рожи

Похожи...

И губы соседки

Похожи...

Я пьян?

Нет, я в своем рассудке.

Сравнения бывают и похуже...

А ресторан

Похож на сон.

Пьяный гам

С джаз-оркестром пополам

Удивительно похож на шум.

Офицер

Похож на официанта,

Швейцар

Похож на лейтенанта.

Мы все похожи друг на друга:

EN EL RESTAURANTE

La mesa
se parece a la silla blanca
la copa
se parece a un váter
mi cabeza
se parece a muchas cabezas
y yo me parezco
a mi interlocutor el señor Cabezas
y los caretos lisos
se parecen
y los labios de los demás
se parecen
¿estoy borracho?
No, estoy sobrio
comparaciones... las hay peores
y este restaurante
se parece a una aparición
el gentío etílico/la algazara alcohólica
unto con la orquesta de jazz
sin duda se parece a un estruendo
el jefe
se parece al chef
el consetje
se parece al consejero
nos parecemos todos unos a otros

Друг
Похож на врага,
Враг
Похож на друга.
Ненависть похожа на любовь,
Вино пролитое — на кровь.
И только нож
Похож
На нож.

ПАРАД ИДИОТОВ

Иду. А навстречу
Идут идиоты
Идиот бородатый
Идиот безбородый
Идиот ноздреватый
Идиот большеротый
Идиот угловатый
Идиот головатый
Идиот — из ушей пучки ваты

Идет идиот веселый
Идет идиот тяжелый
Идет идиот симпатичный
Идет идиот апатичный
Идет идиот нормальный
Идет идиот нахальный
Идет идиот гениальный
Идет идиот эпохальный

Одни идиоты прилично одеты
Другие похуже — небриты помяты
Одни завернулись по-римски в газеты
Другие — в свои чертежи и расчеты
Иные свой стыд прикрывают зарплатой
Иные ученостью эти — работой

el amigo
se parece al enemigo
y el enemigo
se parece al amigo
el odio se parece al amor
el vino derramado, a la sangre
y solo el cuchillo
es igual que un cuchillo

EL DESFILE DE LOS BOBOS

voy. Al encuentro
van bobos
un bobo imberbe
un bobo barbudo
un bobo narigudo
un bobo huesudo
un bobo cabezón
un bobo con boca de buzón
un bobo con las orejas taponadas con algodón

va un bobo lento
va un bobo contento
va un bobo simpático
va un bobo apático
va un bobo desobediente
va un bobo influyente
va un bobo trascendente

unos bobos van bien vestidos
otros no tanto, sin afeitarse y desaseados
algunos van envueltos en periódicos
imitando el vestir de los romanos
otros, en planos y cuentas
otros se tapan sus vergüenzas con el salario
otros con su saber, pero estos, con su trabajo

Большие задачи
Несут идиоты
Машины и дачи
Несут идиоты
Идет идиот чуть не плача
«Несу я одни неудачи
Жена — истеричка
Начальник — дебил
И я — неврастеник
Себя загубил»

Идут идиоты — несут комбинаты
Заводы научные институты
Какие-то колбы колеса ракеты
Какие-то книги скульптуры этюды
Несут фотографии мертвой планеты
И вовсе невиданные предметы

Идут идиоты идут идиоты
Вот двое из них избивают кого-то
А двое других украшают кого-то
Какого-то карлика и идиота

Идиоты честные
как лопаты
Идиоты ясные
Как плакаты
Идиоты хорошие в общем ребята
Да только идти среди них жутковато
Идиотские песни поют идиоты
Идиотские мысли твердят идиоты
И не знают и знать не хотят идиоты
Что однажды придумали их идиоты

Идут работяги идут дипломаты
Идут коллективы активы и роты
И вдоль бесконечной кирпичной ограды
Идут идиоты идут идиоты

gran tarea
la de estos bobos
coches y casas de campo
llevan los bobos
va un bobo casi llorando
“ay de mí, pues nada llevo
mi mujer es una histérica
mi jefe, un lila
y yo, un neurótico
anegado en la ruina”.

Van los bobos, llevan factorías
fábricas, institutos científicos,
unos matraces, ruedas, misiles,
unos libros, esculturas, estudios musicales,
llevan fotos de un planeta ya inexistente
y demás objetos inverosímiles

van los bobos, van los bobos
ahí dos de ellos golpean a otro
y dos más cubren de gloria a
algún enano bobo

los bobos son inocentes
como las tartas
los bobos son elocuentes
como pancartas
los bobos suelen ser buena gente
es solo que ir entre ellos se hace algo raro
los bobos cantan canciones bobas
los bobos repiten pensamientos bobos
y no saben los bobos ni quieren saber
que fueron una vez inventados

van currantes y licenciados
van activos colectivos y tropas
en paralelo al muro de ladrillos
van los bobos van los bobos

Играет оркестр «Марш идиотов»
Идут — и конца нет параду уродов
И кажешься сам среди них идиотом
Затянутым общим круговоротом
А может быть это нормально? Природа?
И есть и движение и цель и свобода?
Недаром же лезли на ствол пулемета
Как листья осенние гибли без счета...

Так пусть же умру за мечту идиота
С блаженной улыбкою идиота

1. НОВОГОДНИЙ СОНЕТ

Посвящается Герловиным

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

la orquesta toca “El desfile de los bobos”
van y no tiene fin esta marcha de monstruos
y te ves ahí en medio de los bobos
encerrados en un círculo vicioso
¿acaso esto es normal? ¿es natural?
¿y hay sentido, objetivo y final?
no se abrirían paso ante las armas así como si nada
como en otoño perecen un sinfín de hojas pisoteadas

muera pues yo por el sueño de un bobo
con la sonrisa celestial de un bobo

1. SONETO DE AÑO NUEVO

A los Gerlovin

.....
.....
.....
.....

.....
.....
.....
.....

.....

На первой строчке пусто и бело
Вторая – чей-то след порошей стертый
На третьей – то что было и прошло
И зимний чистый воздух на четвертой

На пятой – вздох: «как поздно рассвело»
Шестая – фортепьянные аккорды
Седьмая – ваше белое письмо
Восьмая – мысль: «здесь нечто от кроссворда»

Ни две терцины: все что вам придет
На ум когда наступит Новый Год
И все о чем вы здесь не прочитали

И основное: то что мой концепт
Из белых звуков сотканный концерт
Поэзия же – просто комментарий

ПЕРСОНАЛЬНЫЙ КОМПЬЮТЕР

1. т е к с т: навык тексты компьютер работать приобрести
вы быстро необходимый персональный (см.)
2. работая с текстами на персональном компьютере вы быстро
приобретаете необходимый навык (см. № 1)
3. работая с вами персональный компьютер быстро приобретает
необходимый навык (см. текст)
4. вас быстро приобретает персональный компьютер и работает
на вашем навыке (необходимо см. текст)
5. необходимый навык приобретает персонально вас. вы быстро
работаете как компьютер (см. текст)
6. вы – компьютер. приобретаете необходимый персональный
быстро работаете с текстами (см. № 1)

2. SONETO / COMENTARIO

El primer verso, blanco por todos lados
del segundo, apenas un rastro de nieve incierto
el tercero es todo lo que fue y ha pasado
y en el cuarto una cristalina ráfaga de invierno

en el quinto: “con qué lentitud el amanecer se avecina”
en el sexto, un acorde en forte sobre un pentagrama
en el séptimo, pálida misiva de letra blanquecina
en el octavo, pensar que algo “recuerda a un crucigrama”

en los dos tercetos se incluye todo lo relativo
al significado y sentido que el año nuevo plantea
así como otras cosas que no habéis leído

y luego lo que yo pienso, atención a esta idea,
de blancos sonidos está el concierto tejido
la poesía tan sólo es un comentario para que se lea

ORDENADOR PERSONAL

1. Texto: capacidad textos trabajar adquirir usted rápido necesario personal (ver).
2. Al trabajar con textos en el ordenador personal, usted adquiere la capacidad necesaria (ver N°1).
3. Al trabajar con usted, el ordenador personal adquiere la capacidad necesaria (ver texto).
4. Al adquirirle a usted, el ordenador personal trabaja con su capacidad (es necesario ver el texto).
5. La capacidad necesaria le adquiere personalmente. Usted trabaja en el ordenador con rapidez (ver texto).

7. вы — текст. вы — текст. вы — текст.

к о м п ь ю т е р : работать! быстро!

т е к с т : необходим персональный навык (см. № 1)

8. вы — навык. вы — навык. вы — навык.

т е к с т : вы приобретаете персональный компьютер
работать быстро необходимо (см. № 1)

н а в ы к : вы при пер комп ра бы необх (см. № 1)

**9. ЗАПОМНИТЕ! РАБОТАЯ БЫСТРО, ВЫ ПРИОБРЕТАЕТЕ!
ПЕРСОНАЛЬНЫЙ КОМПЬЮТЕР С ТЕКСТАМИ
НЕОБХОДИМ (см. № 1)**

ДЕТИ В САДУ

сон моей ду
дети в саду
теяли игр
вочку настиг
леблемый свет
шуном налет
прыг и повал

взгля — наповал
деялся и смущ
маленький мужч
взгля исподлоб
женская проб

дудка во сне
с площади-снег
тесная комн
взгл исподлоб
даже не вспом
нарь и сугроб
блестки снеж

6. Usted es el ordenador. Usted adquiere la capacidad personal necesaria y trabaja con rapidez con los textos (Nº1).

7. Usted es el texto. Usted es el texto. Usted es el texto.

Ordenador: ¡A trabajar! ¡Rápido!

Texto: Es necesaria la capacidad personal (ver Nº1).

8. Usted es la capacidad. Usted es la capacidad. Usted es la capacidad.

Texto: Usted adquiere un ordenador personal.

Es necesario trabajar con rapidez (ver Nº1).

Capacidad: us ad ord per trab ra neces (ver Nº1).

9. ¡RECUERDE! ¡AL TRABAJAR CON RAPIDEZ, USTED ADQUIERE!

NIÑOS EN EL JARDÍN

A Mila, 7.7.88

Sueño de mi espí

Niños en el jardín

Empezó la parti

atrapó a una ni

luz que tembla

omo un milano la atra

saltó y la derri

respondió con una mi

edó ansioso y nervio

el hombre disminu

pero el mirar de ella lo derro

sas de mu

en sueños suena una fla

plaza cubierta de nie

tación llena de obje

en el rostro su mira

de ella que ni reco

el monte nevado y la faro

rpurina y copos de nie

с новой неж
скали друг дру
думал:умру
лежа ничком-
так и не вспом

жизнь испыт
дудоч спит
ветв колеб
свет и неб
стулья тарел
игры «горел
с криками беж
робко и с неж
смуглое пле
как тебя зва
жется Еле
взгл напова

ренью закат
стало смеркат
острый луэт
торого нет
тетя стара
сходит с терра
шалью укут
-к чаю зовут
дети а вы
так и не вы
ляют в саду
спят наши ду

familiar delicade
ciándose el uno al o
“muero”, él pensó
bado boca aba
pero no reco
la vida te pone a prue
La flauta dulce due
las ramas tembla
luz y cie
sillas y pla
pieza el jue
tre gritos correm
timidez y ternu
hombro broncea
omo te llamab
izá Elena, no estoy segu
respondió con una mi

sol se pone tras las li
cae la no
silueta visi
que queda escon
la tía vie
ciende de la terraz
con el chal pue
llaman a tomar té
ños y vosotros
no habéis sali
pasean por el jardín
duermen nuestros espí

Элла Опальная (Певзнер-Ницберг)

ЧТО Я ПОМНЮ ПРО КЛУБ «ФАКЕЛ»

Середина 50-х была очень интересным временем для нас, молодежи послесталинского поколения «оттепели», большей частью студентов. Всё вдруг как-то зашевелилось, в воздухе носилось подобие чего-то нового. Это очень чувствовалось – прошли первые кинофестивали французских и итальянских фильмов, запахло чем-то невообразимым – свободой, пусть пока еще в зачатке, в коконе. И забрезжило вообще *ничто*, что просто в голове не укладывалось: было официально объявлено, что летом 1957 года в Москве пройдет 6-й Всемирный фестиваль молодежи и студентов! Это означало, что к нам (!) впервые (!!) приедет огромное количество иностранцев (!!!) и что мы должны «не ударить в грязь лицом». До этого немыслимого события оставался почти год, и райкомы комсомола ломали головы, что бы такое придумать.

Я жила в то время в знаменитом доме у Красных ворот (теперь он считается вторым – после «Дома на набережной» – по количеству жертв террора 37–39-го годов), и район наш назывался Куйбышевским. А в Куйбышевском райкоме ВЛКСМ инструктором по работе со школами была активная и неглупая молодая женщина – Маша Солдатова. Ей и пришла в голову гениальная мысль – открыть в бывшей, пустующей 314-й школе Куйбышевского района, в Харитоньевском переулке, первый молодежный клуб «Факел».

Официальное название клуба было – КИМ «Факел», что расшифровывалось как «Клуб инициативной молодежи», но это не привилось. Предполагалось создать в клубе различные кружки по интересам – как, например, хоровой, вязания, вышивания, кройки и шитья, спортивный и т. п. И вдруг именно там впервые возникло абсолютно свободное, неподцензурное общество молодых поэтов, куда со всех сторон потянулись ребята, которые до этого писали «в стол», а теперь, видимо, решили, что наконец-то появилась возможность «соорудить» настоящий, официальный,

свой собственный журнал, что совершенно серьезно и было обещано Машей Солдатовой.

Почему-то получилось так, что в это поэтическое объединение «Факел» пришли молодые люди, ставшие впоследствии или официальными диссидентами (как, например, Владимир Альбрехт), или близкими к тем кругам. В большинстве своем (на моей памяти) это были странные интеллигентные лохматые мальчики, как бы уже ухватившие этот «глоток свободы». Девочек, насколько я помню, было всего две¹ – моя младшая подруга по городскому Дому пионеров (Студия художественного слова) Вика Писак, впоследствии жена и друг знаменитого правозащитника Алика Есенина-Вольпина, и я, ваш покорный слуга, Элла Певзнер.

Жили мы рядом с Харитоньевским переулком, и я зачастила в клуб «Факел» – мне казалось там всё совершенно новым, увлекательным и интересным. Мальчишки обожали Хемингуэя, бравировали своим «западничеством», ходили в узких брючках (но еще не в джинсах), а в клубе (очевидно, по уговору) появлялись в белых рубашках и черных бантиках-«бабочках». Я старалась ни в чем от них не отставать: черная плиссированная юбочка и белая блузка, сохранившиеся еще от пионерской формы, нашлись в моем скудном гардеробе, а вывязать под воротничком бантик из черной школьной ленточки для кос было делом пустяковым. (Кос давно не было – густая челка и пышный «конский хвост» вполне соответствовали моде того времени.) Лишь в одном мне не хотелось равняться с мальчиками: они все – поголовно – дико курили, дым в буквальном смысле столбом стоял, всё было сизым. Уже из-за одного этого наш поэтический кружок сразу же вошел в конфликт с пожарником (он же дежурный), про которого наши пижоны сочинили такие строки (нарисовали и повесили плакат):

Войти нельзя, а выйти можно.
«Друг человека» – осторожно!

Конечно, всех ребят по именам я не могу припомнить, но расскажу о тех, что запомнились.

Признанным лидером, главой нашего поэтического объединения клуба «Факел» считался Саша Лайко, который сегодня проживает

¹ Кажется, туда приходили и более старшие барышни – вроде бы Алла Гербер и Аня Абрамович, – но мне они совершенно не запомнились.

в Берлине. Он активно пишет, издает в России и Германии книги и журналы. Мы с ним дружим всю жизнь. А тогда, в молодости, я смотрела на него с нескрываемым обожанием и была влюблена в его стихи. Свое поэтическое направление он называл «эмюризм» (настроение).

Снова осень, снова арбуз на столе,
Снова с курортов съезжаются люди...
Я оставался, я здесь болел...
Снова арбуз на столе
В красивом и круглом блюде...

Золотыми шарами цветут перроны...
Кто-то встречает, прощается кто-то,
А в зеленых и пыльных вагонах
Загорелые лица – люди курортов.

Я пришел сюда просто так, –
Не встречать, не проститься, –
Просто так...
Бывают разные лица...

И, бывает, совсем незначай
Происходит встреча...
Торопливо носильщик берет «на чай»,
Тихо вагоны прошли,
И приходит вечер...

Незаурядной личностью был странного вида подросток, называвший себя «Семен Чертополох». Кудрявый, темноволосый. Типично еврейская внешность. Его стихи были абсолютно неожиданны. Они поразили меня еще тогда и запомнились на всю жизнь:

Вот здорово! В кармане ни копейки!
День отпылил... Темнеет... Зацветут
Людьми при фонарях зеленые скамейки...
А с этой встали: кажется, уйдут...
Присесть, быть может? Вроде бы не хватит
Усталым места... Дальше побреду...
Купить бы сигарет?.. Да кто за них заплатит?
Стрельнуть «бычка»?.. Пожалуй, снизойдут...
А впрочем, обойдусь без сигареты,
Дымлюсь и без табачного огня...
– Нужны вам старые трамвайные билеты?!
Спешите, покупайте у меня!

Теперь этот человек – настоящее имя его Семен Гринберг – живет в Израиле и печатается там. На родине тоже выходят его сборники. А во времена «Факела» помню его всегда в паре с неким юношей с личиком ребенка – его псевдоним звучал очень оригинально: Мишо Пингвин. Он был просто помешан на Франции (он и окончил свои дни в эмиграции, довольно рано, но зато в Париже).

Отчетливо вспоминаю такую уличную сцену (думаю, что она повторялась неоднократно): проходя по тогдашней улице Кирова (теперь Мясницкая), Семен Чертополох с воплем «На колени!» заставлял Мишо Пингвина, который был мал ростом, в буквальном смысле падать ниц перед знаменитым домом Корбюзье, прозванным в народе «дом на курьих ножках», где помещалось очень важное учреждение советского времени: ВЦСПС.

Они, наши мальчики, уже тогда понимали, чуяли, что эти игры не надолго, что скоро всё опять «прикроют». Недаром еще в относительно спокойное время они сочинили своего рода гимн нашего «Факела», который все мы дружно пели на мотив знаменитого чаплинского «Я Чарли безработный». Всю песню целиком я, конечно, уже не помню, но некоторые выразительные куплеты сохранились в памяти:

Все тюрьмы упразднили,
Врачей освободили,
Как Берию убили, –
В милициях не бьют, –
Эх, демократия,
Эх, демократия...

И последний – самый *явный*:

Эх, золотая рама,
Картина Левитана,
Родная панорама:
Дорога, сухари...
Эх, по Владимирке,
Эх, по Владимирке...

Как в воду глядели мои молодые и рано прозревшие друзья – грянули-таки «венгерские события». И тут было уже не до обещанного нам журнала, не до публикаций каких-то весьма сомнительных (с точки зрения официальной пропаганды) виршей. Судьба самой Маши Солдатовой висела на волоске – как это она

допустила в центре города (!) чуть ли не антисоветчину! Все наши тексты, отобранные для публикации в журнале, который так и не вышел, подверглись жесточайшему разбору с последовательным осуждением. Ну, как могли, например, напечатать стихотворение моей подруги Вики «Ворона»:

На два крыла – полтора пера...
Птицу шатает и клонит, как пьяницу...
– Мама, я эту ворону нашла вчера,
Мама, пускай она здесь останется!

Птица забилась, хмурая, в угол,
Косила больное, угасшее веко,
А я – ей вернее сиделки и друга –
Неслась под дождем с трехрублевкой в аптеку.

Смотрела – дыханье горячее хрипло,
Удушьем ее задыхалась коротким...
А утром у дома, под старую липой
Ее я зарыла в картонной коробке.

Сквозь слезы немного видится былою,
А мне и сквозь слезы – видней и большее:
Почти невесомые, сонные крылья,
Худая, холодная, слабая шея.

Я много нелепого помню за днями,
Но не было горше и не было хуже:
Больная ворона с большими глазами,
Холодные, мокрые серые лужи.

Или – мое, вполне невинное, но явно «упадочного» содержания, так называемое «любовное», что тогда явно не поощрялось, так как отвлекало от общесоциалистических задач:

Долгих встреч мимолетное счастье,
Запоздалое слово «милый»...
Только это не в нашей власти,
Только это не в наших силах,

Чтобы больше не повторялись
Все прощенья и все прощанья,
Чтобы мы наконец расстались
Навсегда и без обещанья.

Вновь увидеться очень скоро,
Заглянуть в глаза, не робея...

Телефонные разговоры...
Автомат... Пятнадцать копеек...

Это слишком ничтожная плата
За возможность – поймите, люди! –
Слышать голос, слегка глуховатый
В проводов запутанных гуде.

Это слишком тяжелые муки,
И от них нелегко отмахнуться, –
Знать, что рядом родные руки,
До которых не дотянуться.

В общем, наш клуб «Факел» дышал на ладан. Но всё же кто-то из участников успел пригласить меня на спектакль «Мандат», разрешенный для показа, кажется, всего пару раз. Это было событием. Сумели еще в самом клубе провести бурное обсуждение знаменитого романа Дудинцева «Не хлебом единым», – собралось много народу, тогда же я познакомилась с Генрихом Сапгиром, который стал потом часто бывать у нас в «Факеле». Приходил и наш инязовский гений – Стасик Красовицкий и читал мое любимое стихотворение:

Кто-то тихо уснул на краю очага,
И дорога его не долга,
И пурга
Бушевала всё утро вокруг и окрест
До последнего дерева вымерших мест.
И просторна у моря рыбацкая площадь,
Ошалелый петух покидает насест,
И тяжелый баркас уплывает за роццу.
На последние сны не скупятся грачи,
Не затерта следами холодная тропка,
Еще в городе рано, но кто-то кричит,
Чтобы взяли последний забор на растопку.
А по мне – всё равно не топиться печи,
Как не слышно любви в этом окрике грубом,
И не сыщешь добра, и дурманят грачи
Не по-русски в пустыне, раскольничьи трубы.

Стасик вполне серьезно о себе так и говорил: «Я гений».

Генрих Сапгир, наверное, тоже понимал, какого масштаба он сам как поэт, но всегда держал себя очень скромно – дружелюбно и с юмором. Я потом несколько раз бывала с ним у Рабиных в Лианозове, где у моей подруги Тани Эрастовой была зимняя дача,

Александр Лайко и

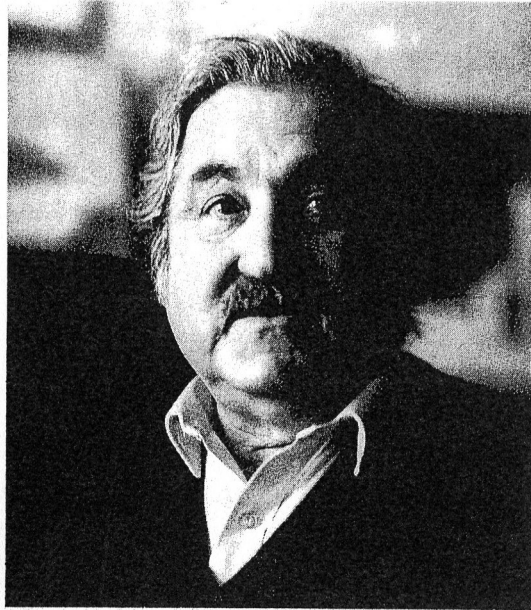
Дмитрий Владимирович
Московские жанры

Эпоха
на камерной
и классической музыке
С. С. Соловьев

Александр Лайко

Berlin
18.08.07

Мюнхен
1999

Дарови ДАБ
на номери 0
"Гакел" 4 —
автор Јули
15.12.98
Пинска

на которой одно время она приютила знаменитого впоследствии поэта и нашего большого друга Гену Айги.

Бывали в «Факеле» и многие другие поэты – начинающие и вполне сложившиеся, очень остроумные, веселые ребята, немного постарше нас. Имя автора я, к сожалению, не запомнила, но один стишок-пародию помню с тех пор – может, кто знает, откликнется:

Мой подручный, друг мой Ваня,
Знай, что всё цветет и зреет,
Даже оборудованье,
Даже и оно стареет.
Ваня, ставь сверло в кондуктор!
Ваня, ток давай в кондуктор!
Твой ближайший друг – редуктор.
Мой ближайший враг – редактор.

Вот и весь мой маленький рассказ о клубе «Факел». Кажется, это вообще первое упоминание о нем. Хотя нет – вру: спасибо Евгению Евтушенко, он написал о «Факеле» в «Строфах века», ставших уже библиографической редкостью.

Валерий Сафранский

КТО ТАМ НА ДУДОЧКЕ ИГРАЕТ?..

В поисках Крысолова

Да-да. Совсем неоригинально: «в начале было...»

Тогда было, когда я ещё не вполне осознавал, что такое *слово*. Во всяком случае, писать-выстраивать слова, следуя восторгу Вдохновения, совершенно не опасался. Напротив, сладостно ожидал: что нашепчут мне в конце, какие строки подтвердят мне правильность избранного ремесла.

Итак, весной 1994 года, сидя уже на чемоданах... Билеты заказаны, все слёзы родственников выплаканы, остатки сомнений запрятаны в очень долгий ящик. Германия нас ждёт. И вот как-то неожиданно для себя, практически на коленке, у меня выписывается странный стишок. Там было что-то про Крысолова. Конец получился откровенно пессимистичный. Это внезапно рождённое откровение встревожило меня до такой степени, что листок я вырвал и суеверно запрятал куда-то. Как изгоняют из себя плохие сны. Да так зарыл, что потом и найти не смог. Сказку о Крысолове я, разумеется, читал ещё в детстве, но не помню, чтобы этот сюжет меня когда-либо занимал. А декадентско-модернистская поэма Цветаевой мне совершенно не понравилась и тоже загнула без последствий в мусорной корзине памяти. Наконец взбодрённо покатались мы в Германию с какими-то предвкушениями познания неизведанного и высосанными из пальца желанными надеждами на чудо нового начала.

И вот те раз!.. Случайно засидевшись у знакомого в Ганновере, мы попали на последний поезд в сторону нашего первого обиталища в маленьком курортном Бад-Пирмонте. Посредине пути оказалось,

что поезд дальше не пойдёт и, как говорится, «просьба освободить вагоны». Ждать нужно утра. А промежуточная остановка называется «Хамельн». Да-да, тот самый, что в малопонятной русской версии зовётся «Гаммельном». Ну и сказку вспомнили, и Марину Ивановну, и под хорошую майскую погоду отправились на экскурсию. Старый город очаровал. Он был тем самым сказочным и пряничным, как на картинках из детства. Своё печальное стихотворное пророчество я даже не вспомнил.

Через недельки три, выдержав нелёгкую борьбу с немецким бюрократическим «орднунгом», мы выскочили из предписанного процесса адаптации и обнаружили себя в романтической квартирке в центре старого Хамельна. И – началось! Итогом моих первых впечатлений стала открытка единственному человеку, которого я не хотел оставить на родине: «Если хочешь умереть, приезжай...» Открытка мистическим образом нашла адресата только через семнадцать лет, когда было уже поздно... Такие вот *слова* начали эту не слишком весёлую повесть. Которую я вряд ли захочу писать. Поскольку конец хоть и просматривается, но всё же не состоялся. Пророчить – *страшно*.

Первые ноты

А получилось всё же и не так. Вначале случилось *дело*...

Тут следует расстаться со славным легендарным Хамельном. С делаю лишь найденное мной уточнение известного сюжета. Забудьте сказку вместе с цветаевским кошмаром. Крысолов – и загадочнее, и проще. Во-первых, происхождение повествования до сих пор неясно. Её не сочинил ни один из писателей, коих перечисляют в истории легенды – откуда мы в детстве узнали о ней. Это всё были вольные литературные переложения.

...При реконструкции одного старого здания в центре города была найдена рукопись, более всего похожая на добросовестную хронику современника, в которой описаны события, датированные 26 июня 1284 года. Ну а сюжет хроники совсем прост. Бургомистр нанял человека извести в городе крыс, а когда дело было сделано, расплатиться отказался. Мол, больно легко у тебя это вышло: экое дело, на дудочке поиграть! Обман пришлого умельца был поддержан и другими знатными горожанами, за что все были наказаны:

рассерженный Крысолов увёл из города детей. Под звуки той же дудочки. Не достойны, дескать, вы, лжецы, детей воспитывать. С крысами ясно: он завлёл их в воды местной реки Везер. А куда ушли дети – вопрос и по сей день. Легенда недвусмысленна и одновременно поражает своей библейской лаконичностью и простотой. Напоминая притчу. Но оттого проступает в ней загадка, свойственная многим притчам. Есть в ней и другая интересная деталь. Пытаясь следовать за уходящими с Крысоловом детьми, пошёл старик. Он и вернулся потом. Он был слеп. Желающие авторы могут сколько угодно фантазировать на эти темы. Что они и делали во многих версиях. Мне же хочется вернуться туда, где всё началось для меня...

Конец сентября 1989 года. Будучи всю жизнь безнадёжно невыездным, оказываюсь я вдруг в центре города Амстердам. С очень слабым разговорным английским, практически без денег, но – «без намордника». Как и положено участнику международного фестиваля неформалов со всего света «Европа против течения». Тогда не было богатых неформалов со спонсорами. Благотворителями были сами организаторы, выдавая участникам небольшие денежки и угощая их простеньким обедом. Кстати сказать, там я и получил очень хорошую прививку подлинной толерантности. Участниками действа были некоммерческие художники, писатели, сторонники различных общественных и политических течений, от троцкистов до лесбиянок. Все мирно и дружелюбно тусовались, рассказывали друг другу о себе и своих представлениях о жизни.

Впрочем, простенькой тусовкой назвать это было трудно. Организаторы сняли для фестиваля одну из достопримечательностей Амстердама De Beurs van Berlage, памятник архитектуры начала XX века в югендстиле. По-русски: здание Биржи известного архитектора Хендрика Берлаге. Помещение, где были аккуратно расположены стенды участников, напоминает московский Манеж. Это самый центр города на улице Дамрак. Все, кто бывает в столице Голландии, непременно мимо него проходят. Но атмосфера общения была очень приятна и склоняла к болтовне. Потому к концу мероприятия мой пассивный английский заметно оживился. И когда фестиваль закончился, я мог уже более-менее внятно изучать город самостоятельно.

Тем, для кого это время – не история, не нужно объяснять первые впечатления человека из предреволюционного СССР, попавшего не

просто за границу, а в один из главнейших и впечатляющих городов Запада. Ощущение первых вечера и ночи (заснёшь тут!) походило на впечатления новорожденного, впервые увидевшего белый свет. Прогулка по центру закончилась в огромном ночном клубе, где всю ночь шёл джем-сейшн и рекой текло пиво невероятного количества сортов. Потом начались «трудовые будни» фестиваля, которые явно помогли не растеряться и родили чувство некой встроенности в местную жизнь. В ушах и в голове стала потихоньку звучать мелодия этого сумасшедшего и очаровательного города, где кроме ярких витрин царит терпимость к ближнему, невероятная красота, неповторимость улочек, набережных каналов и его круглосуточная многообразная жизнь. Фантастика! Но уже через несколько дней я ощутил себя вполне в своей тарелке, а к концу поездки просто решил, что так оно всё и должно быть. Музыка понравилась...

Потом, прожив немало лет в Европе, я неоднократно бывал в этом городе. То показывая его своим заезжим гостям, то отправлялся туда с фотоаппаратом на очередную фотосессию, то – просто побродить, чтобы узнать, ощутить эту экзотическую реальность. Амстердам – неисчерпаем. Но постепенно, мне кажется, какое-то, в достаточной степени верное, понимание его у меня сложилось. И не рассказать об этом главном персонаже моей не слишком весёлой «повести» было бы неправильно...

Город тотальной канализации

Любители научной фантастики знакомы, конечно, с творчеством Пола Андерсона и его знаменитым циклом о «политехнической лиге» с её находчивым героем Дэвидом Фолкейном. А помните, кто такой Фолкейн? Правильно, представитель «Галактической компании по доставке пряностей и вина». А кто в этой компании начальник? Точно, Николас ван Рийн, персонаж, тоже чрезвычайно детально выписанный Полом Андерсоном. Писатель любит ван Рийном не меньше, чем главным героем. Собственно, вся концепция литературного цикла на том и строится: галактику объединяет торговая лига. Они и смелые, рискованные разведчики новых миров, они и находчивые дипломаты и миротворцы, они, если нет иных вариантов, смелые воины. В общем, это книга о голландцах. Голландское купечество – это мореплаватели, а знаменитая Ост-

Индская компания немало способствовала знакомству народов Земли между собой и развитию её экономики.

Мне, как читателю и путешественнику, бывавшему в Голландии не раз, кажется, что Андерсон очень неплохо знал прототипов своей галактической эпопеи. Казалось бы, что общего между расхожим образом высокого блондинистого голландца с жирной тушей ван Рийна? Не обращайтесь внимания! Это внешне голландец высокий и стройный. Внутри он довольно тучное существо. Голландия – едва ли не самая буржуазная страна в мире. Её главные добродетели: скрупулёзный труд с целью получения максимального достатка. «Правильный» голландец должен собрать в течение жизни максимально большой и цветастый букет обывательских радостей и ценностей. Чем больше, тем и «правильнее». Много не бывает! Один из богатейших людей Галактики ван Рийн поет: «А что до меня, то я старый бедный одинокий толстячок, которому всего-то и нужно накопить немного деньжонок, чтобы не кончить жизнь под забором». Наполненные юмором описания Андерсона весьма точно изображают купца галактического масштаба. Ван Рийн, толстый любитель пива, роскоши и хорошеньких девушек, на деле педантичный предприниматель, весьма поворотливый, когда требуют обстоятельства, и обладает холодным острым умом. Он владеет десятками языков, контролирует каждый нюанс своего огромного бизнеса и способен оптимально разрешать труднейшие задачи, связанные не только с бухгалтерией, но, что более важно, с отношениями между людьми и расами. Он не упускает ни копейки своей выгоды, но очень трезво учитывает интересы окружающих. «Не такой уж я злыдень. Если всё это общество провалится в тартарары, на чём же я буду делать деньги?» – восклицает персонаж Андерсона.

Не буду, естественно, пересказывать хроники Фолкейна. Но советую обратиться лучше к этому источнику, чем к тому документальному, где наш современник утверждает, что голландцы – это этикие «китайцы Европы», которых никогда не понять, ибо говорят они одно, а думают – бог весть что. На самом деле и голландцы, и их неформальная столица не такие уж загадки. Многие особенности жизни города легко объяснимы единственным принципом: делается то, что выгодно и разумно. Имидж Амстердама как города вседозволенности и просто даже распущенных нравов

– это в значительной степени своего рода торговая марка. Если спросить обычного жителя Амстердама, то мы получим очень простые и несколько неожиданные ответы.

– Вам не мешают наркотики в кафе-шопах?

– Мне же не 18 лет!..

– А вот все эти эротические шоу, секс-шопы?..

– Мне же не 14 лет!..

– А вот геи?

– Да бог с ними!..

Ну и т. д. Словом, обыкновенный абориген относится к аттракционам, как и положено человеку, строящему своё будущее всерьёз, и тратить время-деньги на мишуру ему некогда. Да и вообще эта «неограниченная свобода» на самом деле просчитана до деталей и постоянно регулируется. В Амстердаме многое дозволяется, но в очень дозированном и контролируемом виде. Если, к примеру, двое захотят выяснить свои отношения на кулаках, то окружающие воспримут это как очередной аттракцион. Остановятся, посмотрят с лёгкой улыбочкой. Но. Как только кто-то из драчунов окажется на земле, тут же несколько человек подойдут и прекратят действие. То есть много всего можно, но – только в разумной дозе. Голландцы прекрасно понимают значение слова «ущерб». Это – убыток, проигрыш. Для всех. Зачем запрещать? Нужно лишь разумно направлять и ограничивать, дабы быть в прибыли, а не в убытке.

Амстердам – это город тотальной «канализации». Все человеческие проявления здесь стараются не перегордить, а осторожно подконтрольно канализировать: пусть потихоньку «стекает» и рассасывается. А полиция Амстердама, заработавшая славу предельно улыбочивой и вежливой, продолжает жёстко бороться с настоящей преступностью и всем прочим, что мешает процветанию столицы. Жители Амстердама говорят на английском не потому, что они плохие патриоты, а потому, что знать языки выгодно. Старая закваска купцов-мореходов. Словом, голландец загадочен тем, что до безобразия логичен. Голландский крестьянин, в отличие от амстердамца, английского может и не знать. Зачем он ему? Другое дело, если он живет, к примеру, возле германской границы: немецкий он точно знает – полезно, выгодно.

Амстердам – не вся Голландия. Даже в столице есть и другие голландцы. Я захожу в квартиру одного знакомого и поражаюсь

спартанской обстановке: компьютер на столе, кровать с балдахином от комаров, пара дешёвых кресел. С потолка свисает голая лампочка на голом кабеле. Всё. Все «буржуазные» излишества категорически отвергаются. Есть только то, что необходимо. Таких много в столице. Они отвергают стандартный набор обывательских ценностей. Так живут и многие представители местной богемы. Хотя – тоже очень логично. «Я художник и интересен тем, что пишу картины. Зачем мне все эти рюшечки?» И много подобного люда, чьи политические, философские, эстетические взгляды на жизнь вовсе не совпадают с «мейнстримом». Но и эти диссиденты верят в то же известное правило: «живи и давай жить другим». Сценка на улице, когда кто-то стоит в прямом смысле на голове, а другой рядом читает спокойно газетку за чашкой кофе, – типична для Амстердама.

В общем, голландцы живут, ориентируясь на некий негласный общественный договор, который и есть один из главных ключей к загадке их характера и их образа жизни. Индивидуалисты, занятые личным благополучием и накоплением, они удивительно быстро объединяются перед лицом общей опасности и беды. Или – для совместного извлечения выгоды. Они построили уникальную страну, добрая половина которой находится ниже уровня моря. В жесткой многовековой борьбе отстояли свою независимость и гордо надевают по случаю оранжевые одежды, символ королевского дома Оранских-Нассау. Они гостеприимны, толерантны и при этом горды и независимы. Таков и Амстердам с его музыкой. Симпатичный образ, честно говоря.

На этом я ставлю точку. Это та правда, которую я готов рассказать любому. Но – не себе...

Имеющий уши да не слышит!..

Однажды в конце 70-х в одной богемной хабаровской компании случился такой эпизод. Вечеринка в довольно узком кругу была посвящена прослушиванию только что добытого альбома Пинк Флойд «Тёмная сторона Луны». Мощная, довольно не простая по тем временам музыка с элементами нарождающегося рок-симфонизма. Тогда это было событие для меломанов. Звучало непривычно, взъерошивало нервы и воображение. Рок, понятно, полагалось слушать достаточно громко. Тем более что и запись, и

аппаратура были на уровне. Мы наслаждались вволю, взбадривая себя «сухеньким» и смакуя особо впечатляющие музыкальные фразы и ритмические переливы. И в разгар этого соединившего наши души кайфа в дверь постучалась одна девица. Студенточка какая-то. Из тех, что обыкновенно прибывались к подобным мужским компашкам. Ну, налили и ей, место освободили удобное. Что называется, балдеем дальше. Через несколько минут девица заёрзала и спросила, нельзя ли потише бы сделать? Ей, конечно, ответили, что такую музыку необходимо слушать громко. Потом её просьба с тем же неуспехом повторилась. А ещё через некоторое время девушка просто закричала: «Выключите! Я не могу это слышать!» Присутствующие стали свидетелями настоящей истерики. Мы ничего не понимали, а она уже залилась слезами...

Этот случай всплыл в памяти годы спустя в Амстердаме. Моим напарником по первым прогулкам и впечатлениям стал русский коллега по фестивалю из одного подмосковного города. Мы прилетели одним рейсом, а его английский был ещё слабее моего. Поскольку жили мы в самом центре, то маршрут неизбежно вывел нас в самое экзотическое и яркое место. Ну, а «Красный квартал» – это не только красные фонари над витринами с проститутками и секс-шопы, но и старейшая в архитектурном отношении часть столицы Нидерландов. Всё те же живописные набережные каналов, одна из старейших церквей города, радужное разнообразие сияния рекламных вывесок и – нескончаемый поток туристов со всего мира. Львиная доля романтики Амстердама как раз здесь. Особенно ночью. Шли мы, болтая о своём: о России с её перестройкой главным образом. Я мимоходом пококетничал с одной из жриц любви – сквозь толстое стекло витрины её номера, показав жестами, что не могу в настоящий момент принять приглашение ввиду слабого бюджета; она так же жестами пожелала мне его укрепить и заходить непременно в другой раз. Словом, весело так гуляем с баночками пива в руках. И вдруг! Мой спутник ни с того ни с сего требует увести его *отсюда*. Следует выразительный поток слов, из которого я узнаю и то, что он думает обо всём этом безобразии, и то, что он депутат какого-то там местного Совета (!), и прочие детали, которые должны убедить меня, что маршрут прогулки следует резко поменять. Попытки переключить его внимание на архитектуру, стекающие к водам каналов ветви деревьев и другие прелести старого города

успеха не имели – пришлось свернуть. Я тогда не знал, плакать тут или смеяться, так как не находил вокруг решительно ничего возмутительного и непереносимого.

Позже, живя уже в Европе, мне не раз приходилось наблюдать довольно странные реакции «наших» в местной реальности. Это называется: культурный шок. Довольно сложный комплекс чувств от соприкосновения с чем-то новым и непонятным. Тогда в Амстердаме меня это просто удивило и позабавило. «Но почему у меня это не сработало?» – вопию я сейчас. У меня было полное ощущение того, что я нахожусь совершенно в своей тарелке, и всё вокруг – естественно и симпатично. Музыка звучала правильная и ласкала слух...

Хотя тут же совершенно честно хочу заметить, что Запад мне никогда в оттенках розового не рисовался, и даже такие первые приятные впечатления отнюдь не вызывали каких-либо восторженных иллюзий. Удалось другие цвета заметить и за эти первые две недели... Просто совпали мы тогда с этим городом на фоне последних лет СССР. Будто спели по случаю вдвоём со встреченным симпатичным кем-то...

«Пузыри»

(Этюд для Сангира)

А ну-ка, пусть скажут мне, сострадательна ли, по их мнению, вот эта музыка. ... Они воображают, будто пойманные звуки струятся в них, сладкие и питательные, и страдания преобразуются в музыку, вроде страданий молодого Вертера; они думают, что красота им соболезнует. Кретины.

Жан-Поль Сартр «Тошнота»

1993 год. Срок, обещанный жене на размышление, истёк, и я сказал «да». Нас отговаривали. Некий молодой поэт вернулся только что именно из этого самого Амстердама. Он был не особенно разговорчив. «Надоело каждое утро слышать “Хуэс морген” («Доброе утро» на голландском). Не моё».

Аркадий Ровнер, только что возвратившийся с женой из Штатов, восклицал: «Как же так?! Зачем? Мы вот оттуда, а вы зачем-то туда. Там нечего нам делать...»

И только один Генрих Сапгир дал однозначный совет ехать. «А что же ты?..» – «Ну, я из России никуда. Всё, что мне нужно, у меня здесь. Хватает регулярных поездок за границу». Обсуждение с ним большого вопроса сводилось к простой, как казалось тогда, формуле: почему бы русскому писателю не пожить за границей? За этой тезой угадывалась какая-то «сладкая, питательная» мелодия. Отчего же нет?..

И вот спустя год – Хамельн. Где-то через месяц жизни на родине известной легенды, прогуливаясь светлым летним вечером в декорациях, разукрашенных излишествами везерского ренессанса, я вдруг подумал: «Вот я и вернулся, уведённый некогда давным-давно ребёнок; я – дома».

Потом стали возникать вопросы... А ещё потом жизнь решительно перевернулась, и стало уже не до завитушек везерского ренессанса. Восемнадцать лет в Германии – этого достаточно, чтобы «поживший в Европе писатель» мог, и просто должен, что-то уже понять и разгадать. Но так уж вышло, что крысоловская история не отпускает и по сей день.

Генрих был у меня в Дортмунде. В очень трудный момент. Мы вместе выступали на поэтическом вечере. Мы – это несколько эмигрантских поэтов и он, уважаемый и желанный для местных изгоев, почётный соучастник. После выступления почтение резко куда-то растворилось, и выяснилось, что ночевать званому гостю негде. Пришлось мне взять явно разобиженного и нетрезвого Сапгира к себе.

Пустая, покинутая бывшей семьёй, огромная квартира на пятом этаже без лифта. Диванчик для Генриха, спальник для себя. Да, ещё был стол с компьютером. Допивать не стали – было уже некуда. Утром гостя нужно было проводить в аэропорт.

И вот утром, совершенно уже протрезвевший Сапгир, оглядевшись, заявил, что правильно я уехал. При том житейском раскладе, что явно просматривался, я был потрясён: почему?!

«Ну-у... это всё твоё...» И что-то про «образуется ещё»... Это был серый поздний ноябрь 1997 года.

А вот, Генрих, ты ведь знаешь – послесловие к той моей книжке поди писал, – она заканчивается строчками, написанными в 1989 году по пути из Амстердама на родину:

сел в поезд
фрагмент Небытия
уже не тут — ещё не там
меня уже нет
меня ещё нет
если произойдёт крушение
и окажется что меня вообще не было
не удивлюсь

Что-то мне сейчас это самому напоминает. То, чего я тогда совершенно не понимал...

Дорогой Генрих! Разгадку и этой, и крысоловской загадок я посвящаю тебе.

Итак. Крысолов — был голландцем. Из того самого Амстердама. Только не старый, толстый и добродушный герой Пола Андерсона, а молодой, поджарый, голодный ещё до жизненного успеха, умелый парень. Возможно, успевший постранствовать по свету с торговыми кораблями и научившийся всяким заморским чудесам. В том числе на дудочке волшебное «приговаривать». Чем проще, тем доходчивее. Ведь не случайно Голландия так и не дала миру великих композиторов. Германия, Италия и прочие — да. Голландцы... Хотя я о них уже выше писал. Чем проще путь к цели, тем лучше. Но уж это простое нужно делать в совершенстве! Уверен, парень явился оттуда. И когда столкнулся с проблемой, разрешил её по-деловому и «не заморачиваясь». У плохих родителей детей нужно отбирать. Теперь, кстати, эта практика благополучно прижилась во многих странах.

Словом, логика процесса понятна. А что дальше? Почему так ноет и свербит эта загадка? Почему Марина Цветаева, которая не знала ни современного Амстердама (и Хамельн ей был — понаслышке), вдруг разразилась своей не слишком вразумительной поэмой? Где и факты были искажены, и даже названия. Она её как бы выплеснула из себя, не заботясь о деталях. Даже название в первой публикации было «Крыселов»... Что за странная музыка породила этот сумасшедший текст?

Поэму пытались трактовать как антибольшевистскую. Дескать, большевизм соблазнил деток обещаниями сладкой жизни, а на самом деле, как крысок, в речку заманил. Но в поэме есть вполне внятное опровержение этой версии. Её последняя часть называется: «Детский рай». И ведя за собой хамельнских ребятишек, Крысолов

сам идёт вперед. Рассказ Крысолова о «его» подводном царстве – простенький, совсем не мудрёный. Он явно не похож на экзальтированные фантазмагорические предыдущие главы. По сути, любой профи от стихотворства может подобное написать.

Нет, Марина Ивановна, не судите Крысолова за массовое убийство. Его не было и по первоисточнику, и не могло быть по логике самого персонажа. Он совершил правосудие на свой прагматичный манер. Его вина – это простодушное неведение молодого человека, которому не знаком иной опыт: не бизнесмена, но гуманитария, который и жизнь видит под другим углом зрения, и музыку... Вагнер написал однажды: «Самая лучшая музыка будет иметь незавидную судьбу, если доверится посредственной поэзии». Крысолов смог загипнотизировать своей тайной, но нехитрой мелодией и крыс, и детишек малых. А вот старик, как мы уже заметили, смог повернуть назад... Простовата и несоблазнительна оказалась для него поэтическая составляющая крысоловского шаманства. Вина героя этой истории, что ему в голову не пришло, что, отрывая ребёнка от матери (сколь бы неидеальна она ни была), он разорвал священную связь естественной, безотчётной любви и обрёл их обоих на долгое, если не пожизненное, одиночество. Ну а ежели взглянуть на это с вполне либеральной, вполне амстердамской точки зрения, то и тут, во всяком случае, с высоты нашего века – герой тоже напорточил. Ты же этих (как бы спасённых от неправильного воспитания) маленьких людей лишил свободы выбора! Гордыня непомерная! Даже Бог оставляет это право человеку. Увёл ты их в голландские земли или, как предполагали некоторые ранние толкователи легенды, в Трансильванию – безразлично. Ты смог предложить этим детям лишь одну модель жизни – выживание. Может, и успешное по твоей логике – как у кого выйдет, – но глуповатое. Любой материальный достаток рухнет под ударом душевной пустоты. Надеюсь, добравшись до более зрелого возраста, и ты столкнулся с этой простой истиной. Не для того нам дана душа, чтобы подстёгивать погоню за внешним благополучием. Ты смог на момент подчинить сознание этих детей из Хамельна, но души – это не по твоему рангу.

Дорогой Генрих, знаешь ли ты, какие психические синдромы возникают у одиноких людей на чужбине? Постоянно бормочущий телевизор и даже разговоры вслух с самим собой – это простенькие и легко отступающие заскоки. А вот между нами, меломанами:

страх слушать хорошую музыку. Ту, которая душу бережит и чем-то её наполняет... Страшно. Страх услышать *нечто* и сойти с ума. Или, по крайней мере, ну очень сильно потерять равновесие. Тут я опять вспоминаю, как девица Пинк Флойд слушала... И. Ещё одну мысль Рихарда Вагнера: «Искусство перестаёт быть искусством, как только наше сознание начинает воспринимать его как искусство». Несколько витиевато выразился. Но – великий композитор. Знал что-то. И мне кажется, что я теперь догадываюсь, что он имел в виду. К тому же и более поздний по векам Сартр нам знаком...

И вот знаешь, перечитал я ещё раз Цветаевскую поэму. И особенно последнюю часть. Впечатление всё то же. Как-то хоть и очень профессионально, но надуманно, почти графомански она там «убиение» невинных деток описывает. Но вот последние строчки!.. (Ты же понимаешь, что такое для поэта завершение текста.) Резануло. Вероятно, всё, что в ней ворошилось и болело в этой истории, вспыхнуло под конец опять и родилось вот так:

А сердце всё тише, а флейта всё слаще...
Не думай, а следуй, не думай, а слушай...
А флейта всё слаще, а сердце всё глуше...
Мутер, ужинать не зови!
Пу – зы – ри.

И вроде всё про то же.

Можно сравнить уход из родного дома, эмиграцию с «крушением поезда», как мне тогда пригрезилось, – не знаю. Есть и более жёсткие дефиниции. Но это – в конце...

Не назвать ли ту таинственную мелодию средневекового флейтиста «Пузыри»? Что ж, пусть так. Мне нравится...

Эмиграция a la russe (Этюд для Цветаевой)

...я чувствовал себя так, словно меня перенесли на остров Таити в благословенные моря южных широт, где мне не оставалось ничего иного, как забыть прошлое, мое убийственное второе «я», забыть весь горький опыт и всю грязь прошедших лет и вернуться к жизни, чистой и первозданной.

Эрих Мария Ремарк «Тени в раю»

Эмиграция для русского человека – это не совсем как у других наций. Легко, без тягостного диалога с самими собой уезжают в другие страны итальянцы, греки, турки и много других. Они по стародавней практике не воспринимают своё переселение как нечто драматичное. Это, как правило, обычная трудовая миграция, когда в любой момент можно поехать обратно. А уж навещать родные места и всех близких – в любой момент. Надобны лишь деньги на билет. А заработав в другой стране на достойную старость, вполне могут вернуться, обустроиться удовлетворённо до конца дней своих на родине.

Для нашего брата – музыка играет другая. Это просто «Прощание славянки», если не траурный марш Шопена. Русский менталитет хорошо чувствует, что это отъезд *на чужбину*. Мы переживаем, рыдаем, много пьём – прощаемся. «Отъезд – как ни кинь – всегда смерть», – написала Цветаева сестре. Тут проблема даже не в том, что некоторые волны русской эмиграции были по сути бегством из страха репрессий, под давлением политических перипетий. Русские если не знают, то хотя бы чувствуют, что *там* всё другое: уклад жизни, правила игры и люди. Да, мы – европейцы, да, мы росли на сказках зарубежных писателей, на музыке Баха, Бетховена и Россини, да, мы – носители не только своей, но и мировой культуры. Мы с восторгом замираем перед Кёльнским собором или перед Нотр-Дам. Но. Бесконфликтно у нас получается только роль экскурсанта. Эмиграция даётся нам с трудом.

По наблюдениям автора, эмигранты делятся на две более-менее отчётливые категории. Одни всю жизнь скучают по родине, стараются поддерживать старые связи, ездят туда в отпуск – благо, теперь это не проблема. И за рюмкой нередко обмениваются понимающе: «А вот, к примеру, это у *нас* там лучше!» И болеют они при случае за сборную России. А вторая часть стремится при каждой удобной ситуации пнуть Отечество за его всевозможные недостатки и подчеркнуть, что вот *тут* у нас всё куда правильнее. Их способ – повседневное убеждение себя, что отъезд был совершенно верным выбором. Это даже не зависит от материального успеха в новой жизни. Просто такая форма психологической защиты от конфликта в собственной душе. Дескать, молодец Крысолов, что избавил нас от плохого Хамельна...

Марина Цветаева уезжала непросто. И вовсе не с закрытыми глазами и не с заткнутыми ушами. Европа была знакома ей с детства.

Но то были «экскурсионные» поездки. А вот в начале двадцатых, собираясь, если не навсегда, то надолго... ..Её сестра Анастасия вспоминает: «Она яростно откармливала Алю – из протеста против Запада хотела привести ее – толстую! – из “голодающей России”, пихала в нее все съестное, что могла раздобыть, и Аля толстела на глазах».

А потом, уже в Париже, вот такой диалог с приехавшей в гости сестрой:

– «Может быть, в России было бы легче? – пробую я вмешаться в это отчаяние.

– У меня нет сил ехать... все заново? Не могу. Я ненавижу пошлость капиталистической жизни. Мне хочется за предел всего этого. На какой-нибудь остров Пасхи? Но и там уже нет тишины, первозданное, как на тарусском лугу, на холмах, где березы, в детстве».

Дело, конечно, не в берёзах: они и в Европе растут. Это уже протест осознанной внутренней несовместимости. Договориться с собой и отрезать от себя родину Марина не может. Она – русский поэт, и даже изуродованная революцией и Гражданской войной страна поёт ей свою песню. Крысолов увёл и – бросил... Выживай!

Литературный круг эмиграции тоже отказался её принять. Слишком своенравна и независима. Один только эпизод с её аплодисментами Маяковскому стоил ей бойкота многих белоэмигрантских коллег. Любимый муж и уже двое любимых детей? Да, многих бы это успокоило и примирило с необходимостью жить семьёй и заботами о семье. Но не сложившуюся уже давно творческую личность. Она страдает. Вот ещё один эпизод воспоминаний А. Цветаевой: «Вечером Марина лежала на своем диванчике, где спала (в ее комнате я помню только диван, ее стол и книги), и, пуская папиросный дым, – а на глазах ее были слезы:

– Ты пойми: как писать, когда с утра я должна идти на рынок, покупать еду, выбирать, рассчитывать, чтоб хватило, – мы покупаем самое дешевое, конечно, – и вот, всё найдя, тащусь с кошелкой домой, зная, что утро – потеряно: сейчас буду чистить, варить (Аля в это время гуляет с Муром), – и когда все накормлены, всё убрано – я лежу, вот так, вся пустая, ни одной строки! А утром так рвусь к столу – и это из дня в день...»

Поэт ты или не поэт – всё одно: человек. Тут мне кажется, я понял последнюю главку её «Крысолова». «Детский рай», песня Крысолова, влекущего за собой на погибель детей, – это обещание,

что *там* всё будет замечательно. Куча детских и недетских соблазнов. Цветаева крайне прямо, жестко описывает крушение собственной наивной надежды на то, что «всё будет хорошо». Так нам обещают ещё мамы в детстве, утирая наши слёзы и прогоняя страхи. Эта вера наивна, но – столь же сильна. Потому, вероятно, цветаевское разоблачение этого лживого «рая» и потребовало от неё вовсе не формальных изысков, а прямого и пронзительного текста. Это – своего рода саморазоблачение, покаяние: рай не состоялся. Он обернулся убийственным бытом и творческим одиночеством.

Конечно, есть и вторая составляющая этого вечного поиска «земли обетованной», которая нередко даже доминирует над стремлением к более «вкусной» жизни. Перемена мест (стран особенно) – это ещё и вечный протест свободолюбивых натур. Сидит в человеке этот вечный бунт против того, что он воспринимает как оковы, как зло. Всегда нам ведь где-то жмёт. И вполне естественно стремление отбросить эти раздражители, как неудобную обувь, на помойку. С младенческого возраста мы то криком, то упрямым возражением, то дракой, то бегством пытаемся протестовать или вырваться. Поиск свободы! Но в пространстве эмигрантского опыта это бунтарство, как правило, очень быстро и убедительно натывается на омерзительную правду современного мира: хорошо там, где нас нет. Вас, к примеру, «достала» российская бюрократия? Получите, допустим, германскую. Легче стало?.. Ох, скольких разочаровали такие попытки!..

Наверное, свобода возможна только в одном состоянии: в вечном её поиске. А вот тут приходит на ум цитата из «Падения» А. Камю: «Я не знал, что свободу не уподобишь награде или знаку отличия, в честь которых пьют шампанское. Это не лакомый подарок, вроде коробки дорогих конфет. О нет! Совсем наоборот – это повинность, изнурительный бег сколько хватит сил, и притом в одиночку». Один ли вы или с друзьями и домочадцами – без разницы. Идея свободы – она персональная, интимная, только ваша. Мы сами её наполняем конкретным содержанием и сами пожинаем плоды. Освободил вот Крысолов детей от «плохих» родителей, а что дал? Всё то же Одиночество.

К слову сказать, мне это слово изрядно надоело. Оно вроде бы всем понятно. А что всем понятно, перестаёт всерьёз восприниматься. Это как «болит спина»: у кого она не болит?!. Хочется думать чуть глубже. ... Выносила Марина Цветаева и издержки быта, и невозможность свободно заниматься своей работой, и даже

очередные эмиграции. Ведь возвращение в Москву было по форме реэмиграцией, но тут уж, как говорится, что в лоб, что по лбу. А потом – эмиграция из Москвы в Елабугу. (Формально: эвакуация.) Она выдержала. Не выдержал этих странствий по нисходящей её любимый и неповторимый Мур. Взрослеющий молодой человек, которого судьба бросила в провинциальную дыру, в общежитскую комнатуху с мамой на двоих. Он отверг страстную материнскую любовь, а у Марины к этому времени больше ничего уже и не было. Цитата из Анастасии Цветаевой о сестре: «В 1940 году она запишет: “Я уже год примеряю смерть. Но пока я нужна”». Вот оно, её конечное дно, то, что мы расхоже зовём одиночеством. Точка невозврата: ты никому не нужен!..

Конечно, что Генриху Сапгиру были эти рефлексии? Для него крысоловские звуки – только сказка. Он вовремя заткнул уши и прикрыл глаза. Впрочем, в результате размышления над сюжетом пришло предположение, что это не Крысолов пел завлекающую песню, а дети, как и все мы, *сами* сочинили текст под звуки его дудочки.

P.S. для Марины Цветаевой

Уважаемая Марина Ивановна, мне очень жаль, что не довелось Вам разглядеть славный город Амстердам. Да и по легендарному Хамельну хотя бы побродить. Может, и хватило бы Вам сюжета первоисточника. Но вот, спустя много десятилетий, мы встретились с Вами в этой истории. Почему?.. Есть у нас с Вами одно по жизни общее: эмиграция. Ничего больше, только это. Вы разгадывали эту легенду во Франции, я – в Германии. И вот сошлись мы с Вами в каком-то поэтически инстинктивном пафосе. Мне даже хочется согласиться с Вами в этой выдумке. Вам пригрезилась вода Везера, а мне – амстердамская канализация. Вполне родственные потоки. Различие лишь в том, что в реку ещё нужно войти, а вот канализация всегда рядом. И какая разница: Хамельн ли, Амстердам ли, Париж или Елабуга?.. И мой Дортмунд ничуть не хуже. Принимает она и сливает всех без разбора. Она толерантна *абсолютно*.

Чем бы уши вовремя заткнуть?!

Крысолову же мы не нужны.

А вот сжать рот, сдерживая роковое слово, нам, коллега, увы, не дано...

г. Дортмунд, 2014

приглашенные
Юсти

Александр Лозовой

СЛАДКИЙ РИС

Глава из романа «Бог перекрёстных дорог»

Лопухова была учёный-японист и в данный момент занималась японской этнографией. Ей нужно было выбрать новую тему, которая ранее не разрабатывалась отечественными специалистами, и получить грант. И она откопала такую тему, которая была на глубине канализации, а местами даже ещё ниже.

Лопухова надеялась получить за своё исследование и его популяризацию грант у Японского фонда.

Во всех что-либо значащих для Японии государствах есть представительства Японского фонда, который ставит целью привить гражданам этих стран любовь к Японии. И поскольку в наше время любовь, как правило, бывает платной, то фонд вознаграждает. «Если сделаете что-нибудь для Японии, для пропаганды её истории, культуры и науки в Вашей стране, мы частично возместим Ваши расходы» – кредо фонда.

Грант, как правило, возмещает половину расходов проекта, но предприимчивые японисты настолько завышают смету, что грант покрывает все расходы и ещё остаётся соискателю. Фонд то ли не догадывается, то ли делает вид, что не понимает, потому что в мире не нашлось ещё ни одного япониста, который бы, сотрудничая с фондом, не скрысятничал (взял чужое).

В качестве отчёта о проведённом мероприятии в фонд достаточно предоставить вырезку из газеты. В Токио не разбираются – центральная это газета или районная. Но, возможно, в Японском фонде сидят истинные самураи, которые и сами не лгут и не предполагают вранья от других.

Лопухова выбрала следующую научную тему: «Отхожие места в Стране восходящего солнца. Исчерпывающий анализ». Это была не очень эстетическая тема, которую поднимать в разговоре в

приличном обществе, и особенно за столом, не совсем пристойно. Но Лопухова оправдывала себя тем, что тема совершенно научно-этнографическая.

Для осуществления проекта нужно было провести изучение на месте, сделать экскурс в историю, затем организовать лекции с привлечением иллюстративного материала.

Для заявки на грант (8 страниц на английском языке) Лопуховой нужно было поехать из Ленинграда в Москву в Японский фонд. Лопухова знала японский и английский языки и ещё раз убедилась в правоте слов автора «Капитала», что знание иностранного языка – это оружие в жизненной борьбе.

Сама Лопухова ничего не собиралась изучать, а намерена была использовать для проекта исследование Генри Вилса «On ass around the World» (Бостон, 1889). В этом объёмистом труде описывались нужники по всему миру и почти у всех народов.

Лопухова предполагала выступить с лекциями в трёх районных ленинградских библиотеках.

Смету для японцев Лопухова составляла следующим образом:

- аренда помещения библиотеки – 200 долларов США (на самом деле бесплатно плюс ей самой 100 за выступление);
- изготовление икебан для украшения вечера – 500 (безо всяких икебан можно обойтись);
- осторожная перевозка (несуществующих) икебан – 200;
- пригласительные билеты и их рассылка – 200 (кто придёт по объявлению, тот придёт, безо всяких билетов);
- запись выступления на магнитофон для дальнейшей популяризации (дальнейшая популяризация – только за дальнейшие деньги от японцев) – 200;
- фуршет с японским чаепитием – 500 (ничего не поделаешь, придётся уложиться в свои 100, то есть гонорар за выступление).

Всё это умножалось на три, поскольку должно быть три выступления. И плюс покупка и демонстрация новейшего образца японского унитаза – 600 (по тем временам конца 80-х очень большие деньги).

Отдельным пунктом шло само научное исследование, перевод исторических текстов и подбор иллюстративного материала, посещение платных туалетов в Японии. Это стоило, по аппетиту Лопуховой, 5000 долларов. Но заявила она для скромности 4950.

И ещё 300 долларов на изготовление слайдов для показа образцов нужников.

Все эти деньги для любимой Японии Лопухова готова была якобы выложить из собственного кармана. Это было её личное участие в проекте. И теперь начиналось главное: Лопухова намеревалась просить у фонда 5950 долларов для поездки в Японию на пятнадцать дней, чтобы рыскать в отхожих местах и знакомиться с их историей. То есть для осуществления совместного проекта Лопухова просила у фонда, своего партнёра, значительно меньше половины.

В Москве представителями Японского фонда по традиции работали молодые японки, закончившие отделение славистики Токийского университета Васеда. Молодая японка просмотрела заявку (для отсылки в Токио на утверждение) и поинтересовалась: «Сколько людей в вашей стране после этих лекций впервые полюбят Японию?» Не моргнув глазом Лопухова ответила, что новообращённых будет более тысячи и не менее десяти процентов из них захотят себе построить такие же отхожие места. Так показывает статистика, а если выставить на продажу унитаза в рублях, то японское у нас покупают на все сто процентов. «Тогда давайте это и впишем в вашу заявку», – посоветовала японка.

Лопухова подумала: «Очень нужно успеть до подписания договора о спорных островах. Если подпишут, тогда японцам не нужна будет любовь русских к Стране восходящего солнца и они перестанут выделять деньги».

Лопуховой желательно было ещё попасть на ежегодный День сортира. В Америке есть День сурка, во Франции – День почитания жареной лягушатины, 16 октября празднуется международный День начальника (День шефа), а 17 октября – международный День нищего. И в Японии есть День традиционного нужника.

С древнейших времён в Стране восходящего солнца существовало общество почитателей традиционных уборных, и ежегодно проводятся его собрания. Члены общества обсуждают главную проблему: как при бурном техническом прогрессе сохранять и отстаивать традиционные национальные уборные, так как с их исчезновением Страна восходящего солнца может лишиться одного из своих древнейших ритуалов, и тогда японцы мало что смогут по-прежнему черпать из Океана мудрости.

Поездка в Японию Лопуховой должна была быть многообещающей,

выгодной, если купить там вещи дефицитные в России. Кроме расходов на перелёт и гостиницу у неё останется вполне достаточно иен для покупок, и чтобы ещё более сэкономить, часть еды можно предусмотрительно взять с собой.

Лопухова вспомнила историю, как две московские японистки поехали в Токио на целые полгода. Но чем это закончилось! Они в целях экономии затарили в России чемоданы пакетами растворимых супов, каш и т. п. Они мыслили глобально – купить в Японии дорого, а продать у себя – очень, очень дорого, поэтому отказывали себе в какой-либо японской еде и питались исключительно из привезённых растворимых пакетиков. Через пять месяцев пребывания в Японии у них появились странные симптомы. Японские врачи с большим трудом констатировали такую редкую болезнь, как цинга.

Лопухова получила деньги от Японского фонда и посетила Страну восходящего солнца. Для неё было бы упущением, находясь в этой стране, не посетить театр Кабуки. Лопухова пошла на спектакль, или, вернее, на национальное зрелище.

На сцену выбежали два актёра – в масках мужчины и девушки – и битый час искусно топтались на одном месте, изображая бег. Всё время оборачивались назад и постоянно кричали: «Бегим, бегим, за нами погоня! Бегим, бегим, за нами погоня!» На сцене кроме них больше никто так и не появился. Когда погоня якобы приближалась, актёры ускоряли бег на месте и, сильно сгибая ноги в коленях, били себя пятками по ягодицам. Этим представление началось и этим же закончилось, и у Лопуховой сложилось вполне определённое впечатление о театре Кабуки. Она лишний раз убедилась, что у японцев отсутствует жанр комедии.

На большом листе бумаги у входа в ленинградскую районную библиотеку повесили объявление: «Лекция известной японистки Лопуховой “Исчерпывающий анализ отхожих мест в Стране восходящего солнца”. Будут также представлены икебаны». (Непременный атрибут любого мероприятия на японскую тему, а также каждого японского сортира.) Действительно, в конце выступления Лопухова намеревалась показать несколько слайдов икебаны.

Ниже приводится дословный текст выступления Лопуховой:

«У японцев нам многому есть чему поучиться и что перенять. Когда заходишь в традиционный японский дом, то носом чувствуешь, в какой части находится уборная, и не нужно об этом спрашивать у хозяев. В этом заключается преимущество бумажных

стенок жилища, но и звуки из отхожего места, так же как и запах, разносятся по всему дому. У японцев это не считается неприличным, хотя данные звуки могут быть самыми громкими в доме. Всё остальное японцы делают тихо: разговаривают и поют вполголоса, громко не смеются, а только хихикают, и самый громкий звук у них в быту – это бульканье разливаемого чая.

Для стенок уборной используется бумага типа кальки, чтобы издали был виден силуэт скрюченной фигуры и никто бы зря не ломился в уже занятый нужник.

После каждого посещения уборной полагается мыть руки семь раз. Если представить семью из пяти человек, и каждый из них по нескольку раз в день моет руки семь раз?.. Поэтому в Японии постоянно ощущается нехватка воды не только питьевой, но и для полива риса.

У китайцев когда-то тоже был аналогичный ритуал, но мыть руки полагалось пять раз. Потом во время так называемой “культурной революции” и в связи с бурным ростом населения и нехваткой воды было запрещено вообще мыть руки после туалета, даже хотя бы один раз, под страхом дальнейшего отлучения от сортира. Исключение составляли дети: им после туалета разрешено было мыть правую ладонь, – для того, чтобы чистой рукой здороваться со старшим.

Китайская церемония приветствовать друг друга при встрече многочисленными поклонами в эпоху “культурной революции” была отменена. А сами эти поклоны появились (вместо первоначального древнего китайского пожатия пальцев) потому, что китайцы тоже несколько ленивы (конечно, далеко не так, как европейцы) и не все мыли руки после туалета пять раз. И тогда во избежание передачи заразы вместо пожатия пальцев ввели поклоны.

От ребёнка какая-либо инфекция, по древним китайским представлениям, не должна передаваться взрослому, это было сопоставимо с Божьей карой, а от взрослого к ребёнку зараза могла переходить – это вполне допускалось как испытание здоровья ребёнка на прочность. Смертельный исход для ребёнка воспринимался населением Поднебесной с жизненной философией.

Возвращаемся теперь опять к Японии.

Бывали в японских традиционных уборных и курьёзные случаи. Во время сильных землетрясений мостки над выгребной ямой расходились, и простой японец (а может быть, даже и самурай) проваливался по уши. Тогда усовершенствовали стульчак, подвешивая

его на верёвках в виде качелей к балкам на потолке, и землетрясения уже не были помехой.

Посещая японский дом, гость в качестве благодарности должен сходить по большой нужде. Это означает, что гостя хорошо покормили. Есть и ещё одна причина: этот обычай идёт из глубокой древности, когда японцы жили в страшной нищете и постоянной нужде и имели крошечные участки земли, поэтому всё шло на удобрение. Испражнение в то время у них было буквально на вес з-о-л-о-т-а (написано – потом зачёркнуто) риса.

Рис, выращенный таким способом, именовался сладким рисом, так как остальной, обычный, назывался горьким. И этот сладкий рис был особым деликатесом. Благодаря гостям выращивали сладкий рис, а самих гостей угощали обычным, горьким.

Строительство уборных как специальных сооружений началось приблизительно в начале Новой эры, до этого японцы ходили в лопухи. Следует отметить, что лопухов в Японии меньше, чем в Европе, в частности, на Украине, но они внушительного размера. И японцы ростом меньше хохлов, так что за лопухами их совсем не видно.

Затем стало осуществляться строительство отхожих мест по индивидуальному вкусу. Так, одним сановником была построена уборная на середине арочного моста. Деревянные перила моста были выкрашены в ярко-красный цвет, а у обоих входов на мост цвело по две сакуры.

Всем известно, что японцы очень философско-одухотворённая нация. У них считается, что человек, входя на самый обыкновенный мост, находится в одном психическом состоянии, а перейдя мост, душа его облекается уже в другое качество. Так вот, этот самурай решил, что, перейдя на другую сторону речки, ему необходимо не только духовно очиститься, но и нутром. На середине моста он распорядился построить уборную, которую посещал каждый раз, переходя мост.

В сквозное отверстие, выходящее из уборной, была вставлена длинная толстая труба из ствола бамбука, опускавшаяся прямо в воду. Это было сделано для того, чтобы испражнения плавно уходили в воду, а не бултыхались в речку, распугивая мирно плавающих золотых рыбок. Строительство таких мостов с уборными вошло у богатых японцев в повсеместную практику.

Некоторые сановники имели собственные походные уборные. Самых сановников несли на носилках, за ними следовала тоже

на носилках передвижная уборная с кабинкой. Это было вызвано соображениями экономии времени, поскольку у самураев посещение уборной носит ритуальный и длительный характер (примерно около часа), и долгие остановки на открытом и просматриваемом рисовом поле были бы неприличны и неудобны. В случае надобности носилки с уборной вплотную параллельным курсом прислонялись к носилкам сановника, и он переползал в кабинку. Носильщики при этом не сбавляли темпа бега. В уборной на носилках было сквозное отверстие, куда прикреплялся ствол толстого бамбука, из которого были удалены перегородки, и выходила эта труба прямо на дорогу.

В Стране восходящего солнца на морских судах не было уборных. У японцев в основном были малые гребные и парусные суда и расстояния между островами не такие большие, и путешествующие должны были набраться выдержки. Но если кому-то из самураев не удавалось стерпеть, то он должен был от стыда обрить себе голову, а затем тихо и незаметно утопиться. Этим и объясняется тайное исчезновение многих самураев, отплывших от одного острова и не приплывших к другому, хотя погода была благоприятная и не было шторма, чтобы смыть человека за борт.

Если же такое происходило от натуги с простым гребцом, то ему тут же обривали голову, пятьдесят раз били по пяткам бамбуковыми палками (если сто раз – то вполне мог стать инвалидом), и он мог грести дальше.

Японцы не только большие гурманы, но и специалисты по части испражнений. Не говоря уже о том, что по испражнениям определяют болезнь, по ним можно также и уличить человека, своровавшего еду. Например, в многочисленной японской семье, где испытывалось хроническое недоедание, кто-либо мог посягнуть на съестные припасы. Крали аккуратно: из одной баночки несколько рисинок, из другой несколько орешков, из третьей – маленькую сушёную рыбку, из четвёртой – сушёную фигу и т.д., не как европеец – сразу всей пятернёй хапнет из одной банки, а уточнённо, по-восточному. Когда подозрение в воровстве падало на кого-либо, то его заставляли испражняться в лохань. “Ага, это переваренная в желудке сушёная фига?! А их мы уже два дня, как за столом не ели”. И палками по пяткам.

В японских дворцах во время больших приёмов в качестве передвижной уборной использовался большой деревянный пенал с

золой. В случае надобности ящик выдвигался, потом испражнения перемешивались с золой, и ящик задвигался.

Как это утончённо по сравнению со специальными переносными стульчаками в Версале и Лувре! Там во время приёмов использовали около двухсот переносных кресел. Отверстие в сиденьях обивалось красным атласом или бархатом, а внизу прикреплялось жестяное ведро. К каждому креслу приставлено было по двое слуг. При надобности, а европейцы в отличие от японцев менее терпеливы и не только в этом отношении, стульчак для гостя (гостьи) выносили на галерею или в пустующий зал. Потом слуги этот переносной туалет вытаскивали во двор опорожнять. Пронести только одно жестяное ведро по залам среди гостей считалось неприличным. И представьте, какая была беготня по дворцу, у всех на виду, четырёхсот человек с двумястами стульчаками! А если лягушатина оказывалась недостаточно прожаренной и вызывала несварение желудка, тогда слуги со стульчаками напоминали пчелиный рой.

В современной Японии на стенках в общественных туалетах встречаются иероглифы, которые не являются частью дизайна, они начертаны посетителями. Я прочитала их, но смысла не поняла. Перевода не нашла в японо-русском, японо-английском и японо-других словарях. Но звучание этих иероглифов крайне благозвучно и музыкально. Оно не такое крикливо-похабное, как в европейских общественных уборных.

У арабов с древнейших времён это место называется “комната отдохновения”, “покой уединения”.

В заключение мне хочется привести цитату писателя Владимира Набокова, большого знатока всего в мире и, в частности, нужников: “Блаженство отправления естественных надобностей, которое некоторые ставят наравне с блаженством любви”».

В Японский фонд в качестве отчёта Лопухова передала заметку о своей лекции, опубликованную в районной газете.

В Японии Лопухова усвоила для себя два древних традиционных правила и стала соблюдать их в России. Первое – это утром не стричь ногти на руках, иначе задуманные на день дела не получатся. Второе – не стричь ногти на ногах вечером. Если это делать, то в момент смерти своих родителей ты не будешь находиться рядом с ними.

Что касается первого, то у всех людей дела никогда полностью не получаются, что за один день, что за всю жизнь. Второе Лопухова никак не могла проверить – её родители были живы-здоровы.

Роза Хуснутдинова

АЛИ И ГУЛЯ

Известный российский, в прошлом – узбекский, режиссёр Али Хамраев и его жена, бывшая балерина Гуля Ташбаева ехали в туристическом автобусе из аэропорта в заповедник в Южной Африке, где им предстояло провести десять дней в условиях дикой природы. Предполагалось жить в хижинах, совершать прогулки в автомобилях по местам, где обитают львы и леопарды, может быть, поучаствовать в настоящей охоте, как некогда американский писатель Эрнест Хемингуэй.

За окнами автобуса виднелись африканские пейзажи, пустынные жёлтые холмы, рощи с незнакомыми курчавыми деревьями, экзотичные животные скрывались, увидеть их не удавалось.

Вдруг раздался громкий хлопок, водитель остановил машину.

– Лопнула шина, придётся менять колесо, – сказал экскурсовод.
– Можете выйти из автобуса, размять ноги...

Туристы вышли из автобуса.

Али и Гуля увидели неподалёку густую рощу, направились к ней.

Но едва они очутились среди деревьев, как внезапно раздались гортанные крики, похожие на те, что издавал Тарзан в известном кинофильме. С верхушек деревьев на землю прыгнули полуголые темнокожие люди в набедренных повязках, со свирепыми лицами, схватили Али и Гулю, потащили куда-то.

«Эх, не успел снять “Джан” по Андрею Платонову», – подумал Али Хамраев.

Гуля вспомнила своих детей и внуков.

Спустя некоторое время туземцы привели пленников на поляну. Под могучим деревом на возвышении, в подобии кресла, сплетённого из веток, сидел человек с леопардовой шкурой на плечах, с перьями, торчащими из вздыбленных волос. В руке он держал гладко обструганную палку, что-то вроде жезла.

Вождь посмотрел на Гулю, в её красивые уйгурские глаза, на её лёгкое полупрозрачное платье до колен, полуткрытую смуглую грудь, одобрительно кивнул и сказал что-то соплеменникам.

Те притащили второе плетёное кресло, усадили Гулю рядом с вождём, воткнули в её волосы птичьи перья, накинули на плечи звериную шкуру.

Теперь вождь разглядывал Али, его голубые шорты, белую рубашку с короткими рукавами, зелёные глаза и рыжие волосы.

– Гуля, ты же учила английский, скажи ему, что я режиссёр, – сказал Али.

Гуля вытянула руку в сторону Али и произнесла по-английски:

– Это мой муж, известный кинорежиссёр, он снял много прекрасных фильмов...

Туземцы переглянулись. На их лицах читалось недоумение.

– Не учили они английского, не поняли тебя, – удручённо сказал Али.

Вождь похлопал Гулю по спине, направил остриё палки на Али, сказал что-то соплеменникам. Те подошли к Али, их лица не предвещали ничего хорошего. Он понял, что роковая минута приближается.

– Мы из России! – закричал он. – В России жил великий поэт Михаил Юрьевич Лермонтов.

И Али с выражением продекламировал:

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.

Туземцы снова переглянулись, на их лицах читалось удивление.

– Не понимают они стихов, – обречённо сказал Али и поник головой.

Но потом вскинул голову, закричал:

– Где тут леопарды? Мы приехали увидеть леопардов! Вот таких!

И он изобразил царственного величественного леопарда, прошёлся по поляне упругим шагом, подпрыгнул, оскалил зубы.

Вождь засмеялся.

– «Бо-ба-бу!» – выкрикнул Али Хамраев название одной из своих картин.

– Бу, бу, – закивал вождь.

– Так вы знаете кино? – обрадовался Али.

Он снова подпрыгнул, завертелся волчком и закричал, жестикулируя: – Когда Федерико Феллини увидел мою картину «Человек уходит за птицами», он обнял меня и сказал: «Ты великий режиссёр! Я тебя люблю!» Феллини был большой, могучий...

И Али Хамраев стал изображать Федерико Феллини, как он ходит, смотрит, как держит в руке рупор, кричит «Мотор!». Али напел мелодию Нино Рота из кинофильма «Восемь с половиной», станцевал.

Вождь, смеясь, смотрел на Хамраева.

Али понял, что можно продолжать.

– А вот так ходил Чарли Чаплин, великий артист, – и Али поднял палочку с земли, засвистел мелодию из кинофильма Чаплина «Огни большого города», зашагал походкой комика.

Вождь в раздумье смотрел на Али Хамраева.

– Когда ЦК Узбекистана закрыл мою картину, которую я снимал с замечательным оператором Юрой Клименко и талантливым художником Шавкатом Абдусаламовым, я полетел в Москву, к своему учителю Сергею Апполинарьевичу Герасимову, показал ему картину. Он послал её на кинофестиваль в Сан-Ремо, и она получила Гран-при. В картине снималась Гуля, замечательная балерина.

Вождь с одобрением посмотрел на Гулю.

– Я хочу снять фильм по повести Андрея Платонова «Джан». Но сейчас так трудно снимать! В советские времена, например, тебе нужны для съёмок пятьсот лошадей и триста юрт. Звонишь первому секретарю ЦК Узбекистана, он звонит в район, и на следующий день у тебя триста юрт и табун лошадей, снимай! А сейчас за каждый гвоздь, щепку, тряпку реквизита, нужного для съёмок, должен платить, да ещё в долларах! Э-э, что говорить! – махнул Али рукой.

– Он не понимает, – покачала головой Гуля. – Знаешь что, насвисти мелодию из «Лебединого озера», выход Одилии на балу у принца.

Али насвистел.

Гуля быстро скинула с плеч звериную шкуру, соскочила с кресла и начала танцевать партию Одилии, очень темпераментно, в хорошем темпе.

Вождь и остальные туземцы вытаращили глаза.

– Теперь пропой партию Анюты из балета Гаврилина! – обернулась Гуля к мужу.

Али насвистел танец Анюты.

Гуля взялась пальчиками за края шифонового платья, приподнялась на цыпочки и затанцевала, задорно, в быстром темпе, кокетливо улыбаясь изумлённому вождю. Гуля танцевала эту партию почти так же безупречно, как некогда исполняла её незабвенная Катя Максимова.

Туземцы благоговейно смотрели на Гулю. Приблизились к ней, опустили на колени, преклонили головы, стали молиться.

Вождь тоже закрыл глаза, стал шептать какие-то слова.

– Бежим, – шепнула Гуля мужу, и оба на цыпочках побежали с поляны.

Быстро помчались в сторону дороги.

Через несколько минут услышали рёв заводящегося мотора, прибавили шаг.

Туристы уже сидели в автобусе.

– Где вы были? – накинулся экскурсовод на Али и Гулю. – Мы уже отправляемся. Вас только ждали.

– Ноги разминали, – ответила Гуля. – Вы же сказали: «Можете размять ноги».

Автобус увеличил скорость и помчался по гладкой асфальтовой дороге.

На повороте из лесной чащи на дорогу выскочил леопард.

В автобусе ахнули.

Леопард был царственного вида, совершенно великолепен.

Он был почти так же великолепен, как кинорежиссёр Али Хамраев, изображавший недавно царственного зверя перед туземцами африканского племени.

Гуля достала из сумки бутылку воды, протянула мужу:

– Хочешь?

Али задумчиво смотрел в окно.

– Я что подумал, – сказал он, разглядывая пейзаж. – Вот бы снять здесь фильм, из жизни туземцев. Какие лица! Особенно хорош был вождь, такой величественный, хитрый! А какие роскошные птицы на деревьях! Наверное, здесь изумительные восход и закат солнца! Юра Клименко с ума бы сошёл от счастья – снимать здесь! А Шавкат бы захотел сыграть роль вождя.

– Не забывай, нас тут чуть не съели, такая опасность была, – засмеялась Гуля.

– Но ведь не съели! – возразил Али.

И обнял Гулю.

– Мы ещё снимем, снимем шедевр! Вот увидишь! – сказал Али, человек, обладающий многими талантами, но прежде всего – режиссёр.

СЛУЧАЙ В СТАМБУЛЬСКОМ АЭРОПОРТУ

Шумны, цветисты, богаты восточные базары в старинных сказках! Кого только там не встретишь! Косматые верблюды, прошедшие тысячи километров пустынь, стоят, привязанные к столбам, презрительно поглядывая на шумную толпу. Терпеливые ослики с тяжёлой поклажей на спинах семят по базару, вздрагивая, когда хозяин бьёт их кнутом, понукая идти быстрее. Великолепные, покрытые роскошными сёдлами скакуны, на которых разъезжают по базару вооружённые до зубов всадники с кинжалами за поясом. Иноземные купцы в богатых одеждах, прибывшие из дальних стран, бесчисленные торговцы, зазывающие медовыми голосами прохожих в свои лавки, которые сверкают золотыми и серебряными украшениями, очаровывают персидскими коврами, медными и серебряными кувшинами, искусно выделанными кожами, сёдлами, украшенными драгоценными камнями. Роскошь, богатство, сокровища мира увидишь на этих базарах! В пёстрой толпе шмыгают мелкие ворюжки, мечтающие поживиться хотя бы куском лепёшки, кисточкой винограда, а иные отчаянные смельчаки, похожие на «Багдадского вора», изумляют базарный люд своей отвагой и хитрыми проделками. Порой промелькнёт в сопровождении древней старухи луноликая красавица, у которой видны лишь сверкающие глаза. А по ночам, переодевшись нищими, разгуливают по базарам падишахи и султаны с визирями, желая узнать правду о себе. А по вечерам в караван-сараях возле базаров при свете костра, лампы или сияющей луны путникам рассказывают волшебные, дивные истории или читают стихи бродячие сказители, певцы, ашуги.

Современные гигантские аэропорты напоминают старинные восточные базары. Огромные строения из стекла и бетона с бесчис-

ленными отсеками, ведущими к терминалам, откуда можно вылететь в любую точку земного шара, длинный, почти полукилометровый коридор, по которому безостановочно движется поток пассажиров, катящих за собой чемоданы на колёсиках. Тут и шотландцы в клетчатых юбках, и шейхи в белых одеждах, с золотыми украшениями на руках, и тучные индийские раджи в ярких одеяниях с тюрбанами на головах, дисциплинированные немцы, рослые шведы, хиппово выглядящие англичане. Есть тут и россияне, украинцы, кавказцы, прибалтийцы – те, кто составлял некогда дружную семью народов СССР. Ожидающие вылета пассажиры сидят на диванах, стульях, в кофейнях, за чашкой свежесваренного кофе, меняют валюту в пунктах обмена, заглядывают в магазинчики, где можно купить часы, браслет, цепочку, модную сумку, экзотичную шляпку. Не любящие терять время даром сидят за столиками, раскрыв перед собой ноутбуки и усердно работают, время от времени переговариваясь по мобильным телефонам с родными.

Кто летит в чужую страну заключить договор на закупку – отнюдь не диковинных пряностей из далёкой страны! – нефти, газа, современного оружия, модных мобильных. Кто летит на международную конференцию по урегулированию острого конфликта в горячей точке планеты, а кто возвращается на родину после путешествия и отдыха или летит за тысячи километров от дома, чтобы познакомиться с девушкой, которая понравилась ему по Интернету.

А за стенами аэропорта непрерывно взлетают и опускаются похожие на доисторических птеродактилей мощные авиалайнеры, прилетающие сюда со всех концов света. Голос диспетчера непрерывно напоминает пассажирам, какой рейс прибыл, на какой рейс объявляется посадка.

Среди ожидающих пассажиров Стамбульского аэропорта обращало на себя внимание многочисленное арабское семейство, все члены его были в белоснежных одеждах, покрывалах. Глава семейства, женщина с коричневым лицом, на вид – лет под сто, всё время щурила глаза, должно быть, плохо видела. Она то и дело протягивала руку, ощущывая голову, плечо, ухо сидящего рядом родственника.

Обращал на себя внимание также мальчик-негрёнок лет пяти. Он всё время пытался выдернуть ладошку из руки отца, сонного толстяка в шортах и красной майке, пьющего пиво из бутылки.

Освободившись, мальчик полз по полу, как змея, корчил рожицы, как обезьянка, верещал, как птица, ему никак не сиделось на месте. Вот он подошёл к служительнице в фирменной одежде, стоящей за стойкой справочного бюро аэропорта, показал ей язык. Та засмеялась.

Поблизости сидела девушка с белёсыми бровями и такими же белёсыми ресницами, вязала крючком кружевную шляпку. На коленях у неё лежал мобильный телефон. Если звонил, девушка смотрела, кто звонит, и тут же отключала телефон. Время от времени доставала из кармана платочек и утирала слёзы, видно, у неё случилась неприятность.

Две молоденькие девушки-украинки сидели рядышком, держа на коленях рюкзаки, жадно разглядывая проходящих мимо пассажиров, они переглядывались, смеялись. Похоже, девушки в первый раз попали за границу, их всё удивляло и смешило.

Неподалёку от них сидела чинная европейская семья: папа, мама, мальчик лет восьми и девочка, чуть младше, оба увлечённо разглядывали книжки с картинками, показывали их друг другу.

Священник в чёрной рясе, с портфелем в руке, дремал в кресле, иногда просыпался, смотрел на массивные золотые часы на руке, осенял себя крестным знамением и снова засыпал.

Рядом с ним молодой человек, похожий на банковского служащего, просматривал смартфон, скупающе поглядывал по сторонам.

Диспетчер объявил, что совершил посадку самолёт, прибывший из Тегерана. Пассажиров просили пройти в зону контроля, для проверки ручной клади и паспортов.

Через несколько минут в главное здание аэропорта вошла группа пассажиров, прибывших из Тегерана. Среди них выделялась кучка женщин, державшихся вместе. Это были участницы только что прошедшего в Иране Международного фестиваля рассказчиков сказок: турчанка Нигяр, африканка Лулу, норвежка Нора, датчанка Ани, немка Изольда, россиянка Чулпан и тайка Вайюппа. Все они были в прекрасном настроении, на фестивале выступили успешно, получили награды и подарки. Сейчас им предстояло расставание, каждая улетала на родину, в свой город. Все, кроме турчанки Нигяр, её должны были встретить здесь, в Стамбульском аэропорту, муж и маленькая дочка.

Вдруг голос диспетчера тревожно произнёс: «Пассажиров, прибывших рейсом из Тегерана, просим срочно пройти в отсек номер...»

К этой группе женщин тотчас подошли два служителя аэропорта, одетых в полицейскую форму, пригласили следовать за ними.

– Что случилось? Мы ведь уже прошли контроль, – удивились пассажирки.

Полицейские переглянулись, объяснили на английском и турецком языках, что проверку ручной клади придётся повторить. Возможно, и личный досмотр тоже.

– Но что случилось? – послышались недовольные голоса пассажиров.

Оба полицейских молчали. Один из них был молоденький, коротышка с изумлённым выражением лица, второй – постарше, солиднее, с хрящеватым носом, с густыми сросшимися бровями.

Турчанка Нигяр подошла к молоденькому полицейскому и вкрадчиво спросила по-турецки:

– Братец, что случилось? Почему нас снова проверяют? Меня муж с дочкой встречают, мне надо скорей!

Юноша оглянулся на старшего напарника и прошептал:

– Был телефонный звонок, кто-то позвонил в диспетчерскую и сказал, что среди вас есть террористка...

Старший полицейский строго окликнул коротышку, и тот отошёл к нему.

– Какая террористка? Мы с Фестиваля сказочников летим, выступали там, премии получили! – рассмеялась Нигяр.

Она обернулась к подругам и сказала, пожимая плечами:

– Кто-то позвонил в диспетчерскую аэропорта, сказал, что среди нас есть террористка. Шутник какой-то!

– О, майн Гот! – воскликнула немка Изольда. – У меня рейс в Берлин через два часа!

– И у меня через два! В Стокгольм! – отозвалась шведка Нора.

– Какие же мы террористки! – удивилась россиянка Чулпан.

– Террористки?! – вскричала Лулу. – Мы рассказчицы сказок, а не террористки! Пожалуйста! Могу снова рассказать африканскую сказку!

И она мгновенно скинула куртку, наинула на плечи яркий шёлковый платок, стала похожа на гибкую извивающуюся пантеру. Прошла несколько шагов танцующей походкой и сильным вибрирующим голосом произнесла:

– «Слушайте, слушайте, слушайте! Я – владычица джунглей, царица дикого леса, хозяйка деревьев, водопадов, гор и озёр! Никто в этих джунглях не может делать что-то без моего разрешения!»

Нигяр вынула из сумочки маленький микрофон, протянула Лулу:

– На, возьми мой, он заряжен.

Лулу взяла в руки микрофон и запела в него ещё громче, ещё певучее.

– «Никто, никто, никто в джунглях не может пить воду из ручья, пока я не напыюсь!» – говорила Лулу, танцуя и изгибаясь всем телом, всё время меняя выражение лица.

Пассажиры в зале стали оглядываться: кто это говорит? Или поёт?

Мальчик-негритёнок, услышав Лулу, вытаращил глаза и прыгнул к отцу на колени:

– Папа, она рассказывает про пантеру! Нашу сказку!

Шведка Нора тоже скинула куртку, вынула из сумочки микрофон, приладила коротко стриженные волосы и, пройдясь лёгкой танцующей походкой, остановилась перед сидящей в кресле девушкой с белёсыми ресницами, произнесла: – «В городе Стокгольме на самой обыкновенной улице, в самом обыкновенном доме живёт самая обыкновенная семья: мама, папа и их дети, младшего зовут Мальш. Во всём доме есть только одно необыкновенное существо – это Карлсон, который живёт на крыше».

– Карлсон? Вы знаете про Карлсона? – изумилась девушка и перестала вязать.

Россиянка Чулпан скинула плащ, прошла несколько шагов по коридору и остановилась перед девушками-украинками. Певучим голосом Чулпан произнесла: – «Жил старик со своею старухой У самого синего моря. Они жили в ветхой землянке Ровно тридцать лет и три года».

Девушки изумлённо переглянулись.

– Вы из России? Это Пушкин! «Сказка о рыбаке и рыбке!»

Немка Изольда подошла к мальчику и девочке, разглядывающим книжки с картинками, произнесла жалобным голосом: «Когда Карлик Нос шёл по улице родного городка, никто не узнавал его! Все смеялись, говорили: – Какой уродливый, страшный мальчик! Какой у него длинный ужасный нос!»

Девочка, сидящая с книжкой в руках, засмеялась, перелистала свою книжку, нашла нужную страничку и показала рассказчице. Там был рисунок с Карликом Носом.

Изольда продолжила рассказ.

Датчанка Ани прошла мимо сидящих в креслах пассажиров и остановилась напротив спящего священника.

– «Жила-была женщина. Очень ей хотелось иметь ребёнка, да где ж его взять?» – произнесла Ани проникновенным голосом.

Священник проснулся, изумлённо уставился на Ани.

Она продолжила:

– «Это был настоящий тюльпан, дивный цветок. В самой чашечке цветка на зелёном стульчике сидела крошечная девочка. Она была такая нежная, маленькая, всего с дюйм ростом, вот её и прозвали Дюймовочкой!»

Священник покраснел, заморгал. Ани не отходила от него, продолжала говорить.

Турчанка Нигяр остановилась перед арабским семейством и вкрадчивым голосом произнесла:

– «Слушаю и повинуюсь, мой господин! – сказал джинн и низко склонился перед Аладдином».

Глава арабского семейства, столетняя старушка, услышав Нигяр, встрепнулась, раскрыла глаза и воскликнула:

– Кто рассказывает мне про Аладдина? Милая, это ты рассказываешь? Моя любимая сказка! Аладдин! Волшебная лампа! Царевна Будур! О, я счастлива, что эту сказку рассказывают и в наши дни!

Тайка Вайюппа подошла к молодому человеку, в одиночестве сидящему в кресле, пересчитывающему деньги в бумажнике, и сказала: – Ты думаешь, что счастье только в богатстве? Ошибаешься! Хочешь, я расскажу тебе сказку про жадного и щедрого? Как щедрый обрёл счастье и любовь! Мечтаешь ли ты о любви, о, юноша?

Молодой человек с изумлением уставился на тайку, потом закрыл кошелёк и солидным голосом произнёс: – Да.

– Так слушай же! – И тайка начала рассказывать тайскую сказку про жадного и щедрого.

В зале ожидания возник шум, пассажиры стали переглядываться, спрашивать друг у друга: – Что там такое? Кто говорит? Какое-то

представление? Театр? Артисты? А почему они говорят на разных языках? Но, кажется, многие – по-английски!

Участницы Иранского фестиваля продолжали рассказывать свои сказки.

Африканка Лулу стояла перед мальчишкой-негритёнком и говорила ему жалобным голосом: «– О, дорогой Удав! Вытащи меня из ямы! Помоги мне! – Нет! Нет! И нет! – отвечал Пантере Удав. – Никто в джунглях не вытащит тебя из ямы! Ты всегда была грубой и жестокой с нами, теперь никто не поможет тебе!»

Мальчик обнял Лулу и поцеловал: – Я знаю эту сказку!

Шведка Нора стояла перед девушкой, вяжущей кружевную шляпку, говорила: «– Карлсон! Ты вернулся? Я так скучал по тебе, так ждал! – закричал Малыш. – А варенье у тебя ещё осталось? – спросил Карлсон».

У девушки зазвонил мобильный телефон. Она подняла его, послушала и ответила мягким голосом:

– Привет. Я уже не сержусь. Я сама виновата. Скоро приеду. До встречи!

Чулпан из России сидела рядом с девушками-украинками и певучим голосом говорила:

Приплыла к нему рыбка, спросила:

«Чего тебе надобно, старче?»

Ей старик с поклоном отвечает:

«Смилуйся, государыня рыбка!»

Девушки засмеялись, одна из них, прервав Чулпан, выкрикнула:

Уж не хочет быть она крестьянкой,

Хочет быть столбовой дворянкой!

Немка Изольда сидела рядом с девочкой, показавшей ей книжку, рассказывала счастливый конец сказки про Карлика Носа.

А датчанка Ани никак не отходила от священника.

Ани прерывающимся голосом произносила:

– «Дюймовочка вышла взглянуть на солнце в последний раз. Хлеб был уже убран, и из земли торчали одни голые засохшие стебли. “Прощай, ясное солнышко! Прощай!” – сказала Дюймовочка. “Квить-квить-квить! – послышалось в небе. – Дюймовочка! Полетим со мной! – прощбетала Ласточка. – Полетим вместе за синие моря, в тёплые края, где солнышко светит ярче, где всегда лето!”»

Священник шумно задышал, вынул из кармана рясы платок, вытер лицо и шею. Вид у него был растерянный, даже виноватый. В это мгновение он вспомнил вдруг те далёкие дни, когда ещё не был священником, когда рассказывал своему маленькому сыну сказку про стойкого оловянного солдатика. И эту сказку, про крошечную Дюймовочку.

Турчанка Нигяр гладила старую морщинистую руку арабской старушки в белой одежде и нежным голосом говорила: — «О, царевна Будур! — сказал Аладдин. — Ты прекрасней всех на свете!»

Старушка плакала, гладила руку Нигяр. Одна из родственниц старушки протянула Нигяр кусочек халвы в золочёной обёртке и сказала: — Угощайся, милая!

— Нигяр! — послышался вдруг зычный мужской голос.

Нигяр обернулась. К ней по коридору спешил улыбающийся мужчина с сияющими синими глазами. Он держал за руку маленькую девочку.

— Нигяр, мы тебя ждём, ждём! Где твой багаж? — и, подойдя к Нигяр, мужчина обнял её. Это были муж Нигяр и её маленькая дочка Хатидже.

Полицейские, коротышка и его старший напарник, с непроницаемыми лицами смотрели в зал, где выступали, рассказывали свои сказки прибывшие из Тегерана пассажиры.

Старший полицейский вздохнул и сказал:

— Не террористки они. Бабушка тоже рассказывала мне про Аладдина. Иди, скажи женщинам, пусть идут, куда хотят.

— А как же телефонный звонок? Кто звонил в диспетчерскую? — спросил коротышка.

Старший полицейский помолчал, потом вздохнул, сказал:

— Да мало ли дураков на свете! Скажи женщинам, пусть идут, куда хотят.

Через несколько минут турчанка Нигяр нежно попрощалась с подругами и покинула стены аэропорта вместе с мужем и дочкой.

Оставшиеся участницы Иранского фестиваля рассказчиков сказок разбрелись по терминалам, чтобы в назначенный час вылететь в Стокгольм, Москву, Копенгаген, Берлин, в Африку, в Бангкок, чтобы встретиться там со своими родными и близкими.

Но кто же звонил в диспетчерскую Стамбульского аэропорта? Кто заставил женщин волноваться? Даже устроить представление в

аэропорту? Кто знает! Может, некий злобный пассажир, летевший вместе с женщинами в самолёте из Тегерана, рассердился на них за то, что они не давали ему уснуть, болтали много, а когда он захотел полюбезничать с одной из них, то встретил такой насмешливый взгляд, что оскорбился, решил отомстить. А, может, в диспетчерскую позвонил какой-нибудь незадачливый участник фестиваля, проходившего в Иране, ему не повезло, выступил неудачно, даже забыл текст во время выступления, все над ним смеялись, и дети, и взрослые. Человек обиделся, разозлился и решил отомстить победительницам. Да мало ли дураков на свете, как сказал старший полицейский своему напарнику, мало ли на свете злобных, завистливых людей, желающих уничтожить весь мир, если им плохо!

Но мы ведь не из этой породы людей, верно? Так будем же наслаждаться жизнью в этом подлунном мире, радоваться тому, что когда человеку рассказывают сказку, услышанную в детстве, сердце его теплеет, и он снова испытывает радость, нежность, любовь и снова верит, что жизнь удивительна и прекрасна

свои

траектория

Дмитрий Авалиани

САМУРАЙ

Каллиграфемы и рисунки

лэггитѣль

Синѣа / нѣба

йѣголушѣр)

ИЗВЕСТИЕ

БЕЛЫЙ

КОЗЯКОВ)

гудыгуа

гудыгуа

гудыгуа

Сямырдай

Йедрай (амчрай)

Декотрве

Самый нечестный

Самый честный

Самый лучший

Гамбургер и голубцы

Гуаганамер

ИНТЯУЛЖУ

ИНТЯУЛЖУ

ИНТЯУЛЖУ

Воспроизведено по художественному изданию: Дмитрий Авалиани
«Самурай» (21 лист в папке, Москва, 2003 г. — 15 экземпляров).

Наталья Осипова

что ты дерево размахиваешь ветками
словно случилось что-то там у тебя
это не там у тебя это здесь у меня

над путями и тополями
большая низкая луна
перечеркнута плоским облаком
словно знак
бояться мне или надеяться
вспомнилось соседи сказали
сад наш прекрасно цвел прошлой весной
но никто не приехал

Валерий Галечьян ПРИМИРЯЮСЬ С КОНФУЦИЕМ

справляюсь с делами	силен	с другими	ст з
стал наполовину седым	не слишком	худ п	а
как встарь	об	о	р д
од	п	ж э	а
п правляю	р а о	ник т	ние
ри	з к	а	самого себя
а с	о	ми	и
л	ван	п	з с
т ов	умен	оп	н ч
а	простых	т	у р з е
рь	одежды	арт а	я а
берегу	пищи	к ы	е
у	питья	т о	т
единение	не с	т к	начальное
бд	т ы р о	р	л
от	ж	ы	не у овишь
пускаю	у сь	в л	н
у	позицией	а ю	о
со святым	пусть	щих	ж с
возможность встречи	е н о	прим а	и я
в в	п н	и к	д з
жи ую	е	т	а
р	р е	ивы	впечатления
над текстом	в с	с у щие	внезапно
телом	ор х	даю	в з
голосом	о	сильное	о никающего
крепок	дой		п
			в волнах

примиряюсь с конфуцием

недоверный
надевший
норм поведения прах

в
ы
пот б
р
ошу

на свалку старья
всему как поступать
не
вы учишься
м

п
р
е о
с ч
е и
к щ
а
ть

бл жд
за у ения
м тн

сочинения
постоянно писал

с
уть
п

не познал

с
ложным
подлинное
простое

м
за ещал
в

ничтожные нормы
правила
подобно мотыльку
летел на огонек шаланды
сидя на невском

б
ерегу
ничего не ст
спокойно подгоняю

л
одку
сх
художников

сл
авлю
пр
среди

п отоков
р
те м
ч н
е
ний

не вы
на
деляю
облака
ц
ветом
при

р
еке
вдал
в гребешках
волос воды
мелькает черноглавая русалка
вдохновения не жалко
луна спит на облачных подушках
размышляю о подружке
на вино
на с
л
е а
г
аю
стихи
завожу песенку
запинаюсь с морячкой на лесенке
ветер дует в спину
к познанию мудрости сделал шаг

ЯВЛЕНИЯ БОЖЕСТВ

В ВИМАНАХ
НА ВСЕХ Х

В П Р
Т У Т И

ВМИГ
БОГИ ЯВЛЯЛИСЬ

О Ч
В Н

ГИРОСКОП

волок
вита
на

курс
на

метание
бомб

вы правлял

ГОРДА КРИШНЫ

р д б
а в о
к о м
е р б
т ц и
ч ы л

и к д
ш в а
л а к
в а к
а а

к р и
о т б
н ы
а л

ХОСМ МЕРТВЫХ

мохен
джо

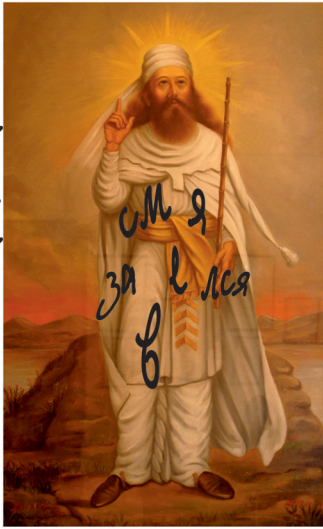
ядерного

жар
не
перенес

дар

ЗАРАТУСТРА ШКОЛА

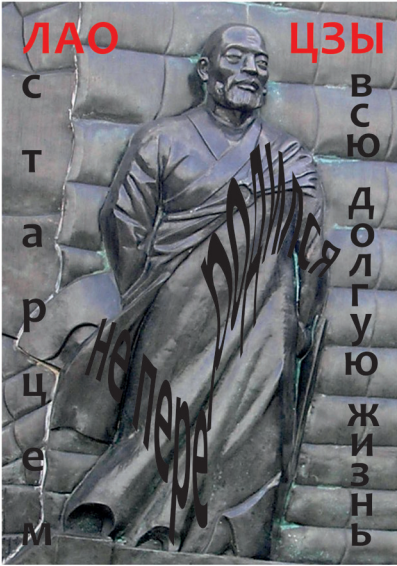
роу
виз
и
с
р
з
у

лю
у
в
е
с
е
л
ь
ч
а
к
о
м

ц
н
в
о
в
н
в
е
р
я

ЛАО

ЦЗЫ

с
т
а
р
ц
е
м

в
с
ю
д
о
л
г
у
ю
ж
и
з
н
ь

ТАЙНА ЗНАНИЙ

«Шамбал»

УЧИЛ
ПО

т
о
т
н
а
р
о
д
н
а
в
р
о
т
я

Вилли Мельников

ЧЕЛОВЕКОЛАНДШАФТ: НАЧАЛО ИССЛЕДОВАНИЯ

Взаимодействие человека и ландшафта называю «алфизикой и метахимией» их формирования друг друга.

Вспоминаются слова Станислава Ежи Леца, который ещё в 1950-х годах заметил, что самым лучшим доказательством существования высокоразвитых внеземных цивилизаций является то, что с нами до сих пор никто не связался. Это и парадокс, и горькая ирония, и одновременно – текстовой ландшафт, а ведь афоризм – это визитка текстового ландшафта: минимум жирности и максимум смыслоёмкости. Как говорится, если афоризм – тонко сказанная мысль, то роман – это мысль, которую тонко размазали...

Ландшафты, на мой взгляд, – разновидность (а чаще всего, увы, праздно-невидность!) текстов-в-себе, саморазвивающихся по своим, фрактальным законам. Можно сказать, что Вселенная сколь фрактальна, столь и матрична. Хотя, как говорит сам Бенуа Мандельброт, предложивший в 1975 году понятие «фрактал» (от лат. «fractum» – дробящийся) в своём манифестарном труде «Красота фракталов», это два взаимоперетекающих смысла. Фракталы – это графический способ решения квадратичных уравнений с комплексными переменными, и ландшафты, полагаю, это наиболее разгерметизированный, очевидный, очевиднейший пример саморазвития природных фракталов в этом, видимом мире и, возможно, в не воспринимаемых органами чувств человека других пространственно-временных нишах. Но зачастую, как известно, если хочешь получше спрятать предмет – положи его на самое видное место. Чем очевиднее какая-то вещь, тем труднее она понимается. В этом смысле можно сказать, например, что солнечные протуберанцы – это самые заметные, но самые не замечаемые вскрики звёзд о помощи.

Ландшафты развиваются по фрактальным законам. Причём самые старые ландшафты: природные, урбанистские или пост-

индустриальные – иллюстрируют «множество Жюлия» или «ковёр Серпинского». «Папоротник Хаусдорфа» и «молния Гаусса» описывают процессы, происходящие на границе столкновения естественной среды и деятельности человека, привыкшего называть это рекультивацией. Стремление цивилизации показать Солнцу, кто на Земле хозяин, смахивает на «аттрактор Лоренца». Изумление же людей непредсказуемостью собственных действий и её последствий подобны «спиралям Ферхюльста» и «рядам Галуа»...

Какую же пользу можно извлечь из взаимодействия с проявлениями фракталов, из разговора с ними? Прежде всего – взглянуть на себя со стороны. Человек сам подобен текстовому ландшафту, который подвергается и эволюции, и инволюции, и мутациям.

Ландшафты можно научиться прочитывать. Эти тексты распределены вокруг нас с разными степенями концентрации в пейзаже. Не стану утверждать, что это уже готовые тексты, будь то разветвления асфальтовых трещин или неравномерное распределение выщербленных кирпичей в старой кладке, либо это ветвление древесных крон, или просто разводы облаков. Хотя это тоже всё процессы и предметы, и субстанции, и развивающиеся, и преобразующие себя и друг друга, опять же – по фрактальным законам. А грамматический и интонационный строй любого языка, его идиоматика и фразеология, галерея исключений также предстают в виде переплетения фрактальных структур. И если владеешь некоторыми современными и древними языками, то можно извлечь немало эффективного сырья для создания будущей стратегии достижения полигlossии: прочитывать ландшафты, одновременно прослеживая профиль и динамику изменения своего внутреннего психолого-иммунного статуса. Уверен, всевозможные сочетания языков и ландшафтов когда-нибудь станут выписывать в рецептах – как капли и таблетки!

Всем известно, что, проходя через один какой-то отрезок привычного маршрута по городу или вне его, у человека (а вы все, наверное, это на себе это испытывали) падает настроение, и он всячески пытается избежать этого участка местности, сельской или городской, и идёт даже в обход длинной дорогой, хотя знает, что на это понадобится намного больше времени, но лишь бы только не проходить через такой, казалось бы, удобный участок-«сократилровку» (так и слышатся в этом словечке из моей юности: «Сократ» и «ил...»).

Есть места, в которые нам снова и снова приходится возвращаться, причём неосознанно. У нас может изначально не быть никаких ассоциаций, злых или добрых, связанных именно с этим участком дороги. Но одним постоянно хочется его избегать, а другим к нему постоянно возвращаться. Если поискать критерии неслучайности этого методами фрактальной стереометрии, то можно будет доказать алгебре и гармонии: они – кузины! И – использовать результаты этого поиска на пользу людям как симбиоз контрастов – так я привык это называть. Алгебра и гармония – это два зеркала, которые отражаются друг в друге. Вспомнить хотя бы картину Рене Магритта – бесконечно «расксеренный» в зеркале человек, стоящий спиной к зрителю: но в зеркале непостижимо отражается только спина! В данном случае, это – портрет запредельного учителя, преподающего мастерство прочтения ландшафта вокруг и в себе самом.

Чтобы не быть голословным, скажу, что есть языки, которые накладываются на ландшафты, в которых живёт народ-носитель данного языка, или жил, когда этот язык звучал на земле. На одном из таких языков – сиги-со, который объединяет природу, человека и их взаимные преобразования, говорит западноафриканский народ – догоны.

То, что считалось национальным ритуальным орнаментом догонов, оказалось их письменностью. Сами догоны называют этот язык «хтачингу». Знаково говорящими фигурами им могут служить по особенному расположенные столбы и доски их жилищ; изменяемые время от времени разрежения в растительном настиле крыш хижин. И что особенно интересно для нашей темы: в их языке существует объёмистый класс понятий, обозначающих перепады настроения различных ландшафтов как в связи с присутствием в них человека, так и вне его. Аналогов данных слов не знает более ни один язык мира, кроме двух, родственных догонам по знаковым системам. В этом, как сперва покажется, нет ничего странного. Вот только один из них – кмендиуро – живёт в Южной Америке, а другой – наферджягу – в Австралии. Временной строй их языков не признаёт, что прошлое уже мертво, а будущее ещё не родилось. Прошлое, настоящее и будущее – просто родственные качества настоящего, примеряющего то одно, то другое платье. Более того, человек своим визитом в какой-либо

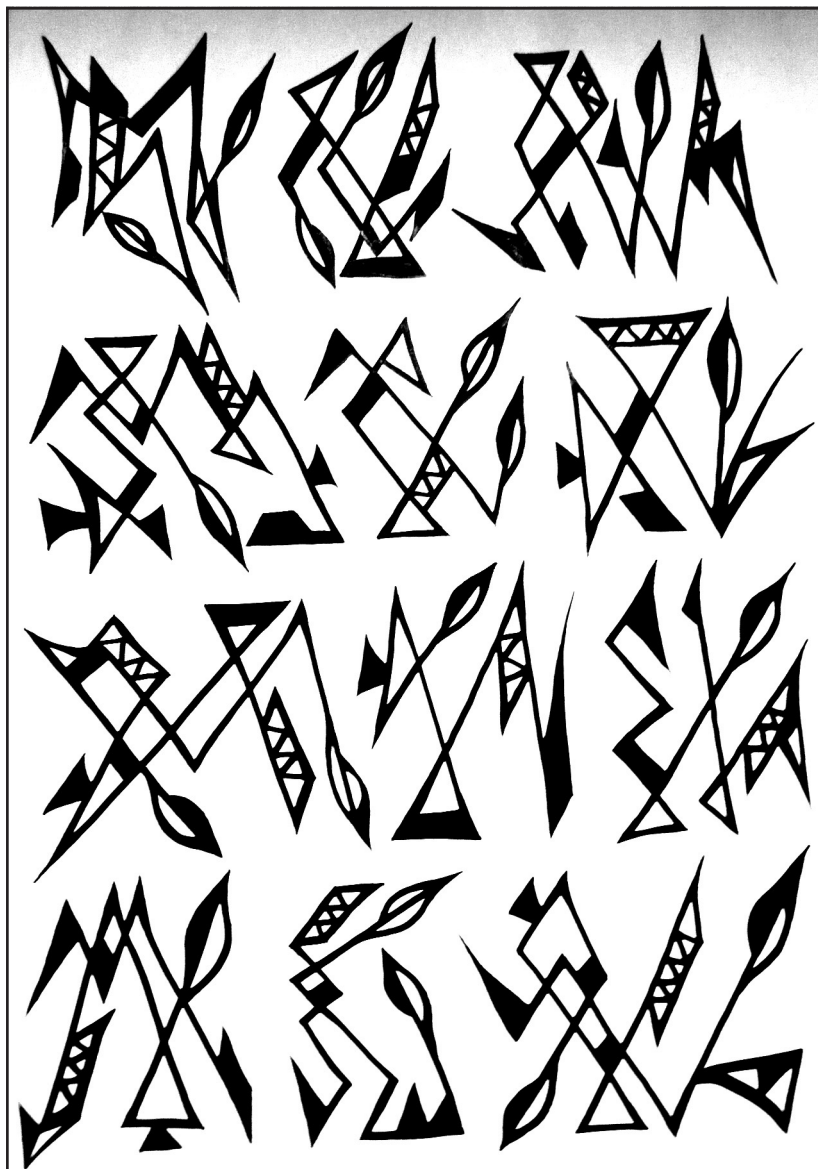
ландшафт влияет на скорость и направление хода времени там, а также на вкус, вязкость и съедобность времени, его приливы-отливы и пригодность времени служить одеждою и снадобьем от болезней. К тому же, внутри «тела времени» живут и разговаривают между собою и с человеком многоцветные внутренние времена, и человек может стать переводчиком при них – тогда смерть ему не грозит! «Йугэнна-мтэведу-нфайё!» – восклицают догонские шаманы прежде, чем приступить к некоторым ритуалам; это можно перевести: «Приручишь речи времён – и твоя смерть умрёт раньше тебя!» Что же, постижение очередного языка всегда казалось мне ещё одним шагом во вневремя...

Пожалуй, закончу своим стихотворением на языке догонов. У них необыкновенно красивая письменность, удивительно картинные знаки. Когда пишешь или думаешь на этом языке, тебя сопровождает ощущение: дышишь совершенно не родственными языками. Словно держишь в руках букеты, составленные из фразктальных фигур разных семейств.

Когда я учился в Московской ветеринарной академии, моими однокурсниками были три девушки и юноша из республики Мали. Они стали моими друзьями и учителями своих племенных языков, оказавшихся догонскими диалектами. Ребята прекрасно успевали в учёбе, часто оставляя позади многих советских студентов. Может, тогда и родился русский глагол «догонять»?..

Итак, авторский перевод моего первого стихо-оттворения на языке сиги-со с нагорья (догоны):

Я вырезаю из раздумавшего набегать прилива
измятый закатом лоскут неба, срок действия которого утрачен ещё до
рождения тех,
кто предсказал моё появление в предчувствовании этой луны.
Скалу настрогаю, чтобы сделать из неё одеяло для ветра!
Слишком устал погонщик забытья, чтобы сейчас я выпасал его стадо
затмений
среди лениво лиловеющих прозеленей покровоточащего берега,
Чья неразгаданная насмешка поселила меня в сердцевине коры, ждущей
от догорающих имён-расщеплений древообразных всплесков предзвёздий.
Через раздумавшую потечь реку в лаву вулкана вмерзают голоса тех,
кто не отказался утолить мою жажду предсказанием моей догадки
подарить вам всем этот воскрешённый своей непереводикостью язык.

Оригинал стихотворения Вилли Мельникова
на догонском языке «сиги-со с нагорья».
Репродукция Ольги Пуриховской

Елена Твердислова

«ЖИВОЕ ХОДЯЧЕЕ ЧУДО»

I

Александр Самуилович Эстрин (1889–1981) и Анна Яковлевна Смотрицкая (1891–1967) – в свое время известные путешественники по Индонезии, бывшей Ост-Индии, или Нидерландской Индии (до 1949 года), собиратели предметов жизни и быта народов Дальнего Востока. Их коллекции сейчас хранятся в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого и (в основном зоологические) в Анатомическом музее имени П.Ф. Лесгафта, всё – в Санкт-Петербурге... Однако мало кто знает, как складывалась их судьба и сколько трагических моментов им пришлось пережить. Были испытания, которые они выбирали сами, как, например, прославившие их экспедиции, но были и от них не зависящие: Гражданская война, вынудившая их бежать на Дальний Восток, Ленинградская блокада, наконец, “пятый пункт” вплоть до смерти Сталина в 1953 году. Была написана о них книга, ее сокращали, корёжили, не утвердили, от нее осталась статья, а рукопись пропала. Одаренные от природы и внимательные к человеческой натуре, они не любили копошиться в недостатках, их притягивала культура, она дарила им радость, спасала от невзгод, наполняла существование смыслом. Как без нее?

Я помню дядю Сашу (Александра Эстрина) и тетю Анюту (Ханна Рысья Смотрицкая) столько, сколько помню себя. Рядом с нашей бабушкой (Кларой Смотрицкой-Косупко), которая меня и сестру больше чем воспитывала – выхаживала, они присутствовали неизменно, почти каждый выходной, в хорошую погоду брали нас гулять, старались сами посмотреть и нам показать что-нибудь новое. Так мы впервые попали наВДНХ, где меня с сестрой долго водили вокруг фонтана «Дружба народов» и рассказывали о деталях одежды и облике каждой фигуры: с косой – русская, с венком на голове

– украинка, в платке – белоруска, за ними грузинка, армянка, туркменка в штанах. Но запомнились нам сосиски, которые мы ели, вопреки всем запретам бабушки, прямо тут, сидя на скамейке. Память у детей гастрономическая. Именно тетя Анюта и дядя Саша угощали нас мороженым в кафе. Может быть, потому, что из окна этого кафе видна была Красная площадь, по которой нас тоже, разумеется, не раз водили, они тогда заговорили – между собой – о том, не побывать ли нам в мавзолее, отношении к которому было как к чему-то любопытному, экзотическому – вне оценок самого явления. В Парке им. Горького нам покупали сладости... Однако об их подлинной жизни я тогда не задумывалась и не догадывалась, не знала ничего, разве что бабушка мимоходом скажет, глядя на гобелен с верблюдом: «Саша привез из Каира», – или на блюдо – огромный лист со всеми прожилками, точно человеческая ладонь, вырезан из единого куска дерева и по бокам две аккуратные ручки – «из Индонезии», – оно долго еще служило нам хлебницей, пока я не поняла, что цены ему нет: теперь оно у меня висит на стене. Переезжая на новую квартиру, родители легко уступили мне пару деревянных башмачков из Голландии (спустя много лет я подарила их Галочке, внучке А. Эстрина и А. Смотрицкой, на ее юбилей), японскую ширмочку, которой можно прикрыть ночничок и спокойно читать, но главной для меня драгоценностью оставались три обезьянки из той же Японии: ничего не слышу, ничего не вижу, ничего никому не скажу. Не послушалась ни одной: вижу себя, слышу других, рассказываю всем...

Чудом были не только памятные вещички, но то, что они уцелели, несмотря на войны, разруху и на тот печальный факт, что у самих Эстриных не осталось от тех незабываемых времен и странствий по миру ровным счетом ничего. До войны они жили в Ленинграде: «Более изысканной квартиры, чем у Анюты, я ни у кого не видала: сколько красивых, изящных вещей, и все на своем месте», – как-то заметила мне мама – до войны она ездила к ним в Ленинград на каникулы.

Но самое любопытное – в моей памяти не сохранились их рассказы о путешествиях. Очевидно, они никогда не вспоминали ни о своих экспедициях, ни о событиях или случаях, произошедших с ними. А происходило немало, достаточно вспомнить очерк

¹ Назаров О. Послание с острова Буру // Вокруг света. Декабрь, 1997. № 12 (2687).

О. Назарова в журнале «Вокруг света»¹. Их всегда тихий, приглушенный тон разговора меня настораживал, будто их обидели, я чувствовала желание за них вступиться, но не знала, как это сделать, а потому помалкивала и больше слушала, чем говорила. Подполье, вывернутое наизнанку.

Тетя Анюта была и первой моей учительницей по литературе. Я рано начала читать, и она приносила мне книги, о которых обязательно расспрашивала, благодаря чему я стала понимать, что существуют художественные образы, герои, автор, а еще обложки и художники, которые к ним делают картинки. И как бы между прочим замечала о евреях: осторожно, ненавязчиво, но чтобы я понимала: не все евреи – плохие. И если человек еврей, это вовсе не значит, что он дурной человек. А как еще объяснить пятилетней девочке про антисемитизм, да еще официальный? И вообще, что такое еврей? Сами они за границей считали себя русскими, любили Россию и рассматривали свое происхождение как что-то сугубо личное: бывают же люди голубоглазыми, а бывают черноглазыми, какое это имеет отношение к делу, которым они занимались? Жизнь заставила и над этим задуматься.

Оба они выросли вроде бы в неравных материальных условиях: Смотрицкие жили в достатке, в отличие от бедной семьи Эстриных, где мальчика с малых лет готовили к труду и обучали не игре на фортепиано, а ремеслу по металлу. Но социальную неравнозначность нивелировала черта оседлости, приравнивая друг к другу богатых и бедных. Думается, естественная страсть к путешествиям (в последние годы жизни бабушка, пока могла сидеть, без конца перечитывала «Фрегат “Паллада”» Гончарова) была отголоском того отграничения, которое было им навязано. А потому как им было не приветствовать новое, молодое государство с интернациональными лозунгами, не рваться сюда, не работать на него, находясь на другом конце света? Революция несла раскрепощение, равенство, позволяла каждому найти свое место в жизни. Эта романтическая идея подвела больше всех других идей.

² В семье Смотрицких все дети получили добротное образование: окончили русскую гимназию, умели рисовать и не просто владели музыкальной грамотой, а занимались музыкой с одним из крупнейших впоследствии музыкантов и педагогов Генрихом Нейгаузом, который жил с ними на одной улице и давал частные уроки. Самая младшая из сестер Ева стала пианисткой, Анна тоже училась в Одесской консерватории как пианистка (по ее стопам пошла потом внучка Галя, которая, в отличие от бабушки, консерваторию окончила, правда, Московскую).

...Анна рано начала зарабатывать, до отъезда из дома в Елисаветграде² давала частные уроки (с 1907 по 1918), которые позжегодились за границей. Потом выехала из Питера воспитательницей детской трудовой колонии, с которой добралась до Уфы, но в 1919 году покинула ее, бежав от напавших на них банд Семенова и Унгерна³ во Владивосток, оттуда в Шанхай. Работала где и как придется, большей частью прислужкой, поступила бонной в семью русской актрисы, с которой приехала в Японию, остановилась в Иокогаме и тут встретила А. Эстрина, что изменило ее планы⁴. Никаких документов, фиксирующих их брак, нет: прожив большую и долгую жизнь вместе, Эстрин и Смотрицкая не были расписаны, как, впрочем, и моя бабушка с дедом, — сведений об их бракосочетании ни в одном архиве я не нашла. Это было время, когда личное признание играло более весомую роль, чем подтверждающая его бумага.

У Александра Эстрина в чем-то судьба «бегства» совпадала с перипетиями линии жизни Анны, с той лишь разницей, что она спокойно уехала из дому на поиски работы, тогда как Александру пришлось бежать тайком. Он начал с Питера, где проживал брат и где всегда везло с работой: будучи мастером по меди — специальность, освоенная им еще в детстве, — он не знал простое, но смутное желание словно гнало куда-то. Через несколько лет, чтобы отправить его учиться в Париж, семья пошла на большую жертву: была продана корова. С его профессией да плюс освоенная им еще в Питере специальность по газосварке устроиться было нетрудно, но начавшаяся Первая мировая война заставила Александра сняться с

³ Эта знаменитая история, ставшая у нас доступной лишь в 90-е годы, далеко не до конца изучена, хотя и написана о детях-колонистах книга «Детский ковчег» Владимиром Липовецким, в которой, однако, А. Смотрицкая не упомянута, как я понимаю, по очень простой причине: группа, с которой она была, в панике разбежалась после того, как сопровождавшие их мужчины были расстреляны. Подробностей пока не знает никто.

⁴ Самую точную версию их встречи содержат «Воспоминания» А. Эстрина: «Здесь, в Японии, я встретил русскую девушку Анну Яковлевну Смотрицкую, она была родом из Елисаветграда. Во время революции она работала в газете «Известия» в Петрограде, но всю жизнь мечтала стать учительницей. И она ею стала. В 1918 г. было голодное время, и школа переехала в Уфимскую губернию, но в 1919 г. колчаковцы заняли эту местность, разогнали школьников и учителей, причем всех мужчин расстреляли. Анна, спасаясь от белых, добралась до Владивостока, а затем попала в Шанхай. Там она поступила бонной в семью русской актрисы. Вместе с ней она приехала в Японию. Мы ближе встретились в 1919 г. и поженились».

Похоже, О. Назаров был знаком с этими воспоминаниями.

⁵ Там же.

места и в 1915 году отправиться «искать страну, где не было войны, – в Америку»⁵. В вихре революционных событий он уже на Дальнем Востоке, рукой подать до Японии, и подталкиваемый единственным желанием – не оказаться в рядах Белой армии, куда мог угодить, т.к. у Японии был договор с Колчаком (представлявшим тогда там легитимную власть России в противовес захватившим ее большевикам), отправляется в Индонезию – нидерландскую колонию. Вот как этот факт комментирует член-корреспондент, профессор В.Г. Тан-Богораз: «В 1921 году Эстрину предлагали очень выгодное место на о. Борнео – участвовать в строительстве нового завода. А в это же время на Яве стала снаряжаться большая голландская зоологическая экспедиция. Эстрины не могли устоять. Они бросили все и нанялись в экспедицию – Эстрин полевым работником по зоологии, Смотрицкая – заведовать хозяйством. Многие их упрекали в том, что они не ценят денег. Но русские души чересчур взбудоражены, чтобы цепляться за деньги. Их тянет на другое и дома, и на чужбине»⁶. А. Эстрин, спустя годы вспоминая этот эпизод, просто заметил: «Все удивлялись моей нерасчетливости. Они не понимали, что интерес выше денег»⁷.

Первая остановка для Эстрина – Филиппины, отсюда – к северной части Борнео, далее – Суматра, а затем о. Ява и Батавия (нынешняя Джакарта), острова Ва-Катан, Амбон, Серан, Ломбок, Бали, и каждый – сокровище... Здесь же о. Буру, почти приключенческая жизнь в местах, полных экзотики: «Плодородный остров, на котором растет всё, <...> кокос, бананы, капок, картофель, каджанг, европейские овощи, каяпути и т.п. В лесах много даммаровой смолы. Остров богат реками и обильными дождями и очень пригоден для рисоводства. <...> На лугах встречаются стада из сотен оленей» – так писал в одном из первых своих отчетов об этой экспедиции в 1921 году один из ее участников голландец Герард Хенни⁸. Стоит заметить, что эти места были известны России: в Батавии останавливался Николай II, здесь было русское консульство.

Следом за Буру последовали острова Молуккского архипелага, знаменитые острова пряностей или королей, по определению заезжих купцов.

⁶ Цит. по: *Трисман В.Г.* Предметы культуры и быта населения южных Молуккских островов // *Собрание А.С. Эстрина*, в: *Культура народов зарубежной Азии и Океании*. Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1969. С. 257.

⁷ Александр Самуилович Эстрин. Воспоминания...

⁸ Из архива Л.И. Гневушевой.

К тому времени, когда оба они, Эстрин и Смотрицкая, присоединились к голландской экспедиции, он уже успел пожить в Индонезии, неплохо тут освоился, ориентировался в местных нравах и даже овладел – наряду с обычаями – малайским языком. Всё это не было запланировано, возникло спонтанно, как, впрочем, и бывает в действительности, когда самое важное и главное приходит неожиданно и даже непрошено. Поездка не просто их сблизила, она открыла им их подлинное увлечение – собирание предметов быта других народов, их обоих влекла жизнь иных людей, стран и цивилизаций, в этом они заметно отличались от преимущественно зоологической экспедиции голландцев.

Александра всю жизнь не покидало чувство прекрасного, он искал (и находил!) его в простых вещах, прежде всего – в природе, поражаясь, например, красоте гор, когда оказался в Швейцарии на лечении от туберкулеза, к счастью, ушедшего без следа. Это случилось еще до Первой мировой войны, в его «французский» период, ведь и заболел он, будучи в Париже. Кто знает, откуда берется чувство прекрасного? Не родной ли Мстиславль, белорусский город Могилевской области, эдакий «маленький Вильнюс» или еще «белорусский Суздаль», научил его видеть красоту, причем в самых простых вещах, в труде? А город умел трудиться, и приучали к этому сызмальства. Историческая карта Мстиславля запечатлела, как город соединял между собой литовцев, русских и поляков, а находясь на территории Речи Посполитой и Великого Княжества Литовского, бурно развивался с учетом многонационального состава населения. Не отсюда ли берет начало то, что теперь называют толерантностью, что было всегда свойственно Эстрину? Однажды он ехал в поезде из Парижа в Швейцарию вместе со священником, которого студенты дразнили вороной (по-видимому, за его одежду) и каркали, глядя на него. Эстрина такое поведение чрезвычайно смутило. Заметив это, священник удивился: «Вы же не католик? Почему краснеете?» – «Потому что, – ответил Эстрин, – молодежь не уважает ни священника, ни старого человека, образованного. Если бы они имели хотя бы долю ваших знаний!»⁹. Нечто подобное произошло с ним и в Америке, когда, видя бесправность негров, он выказал одному из них уважение¹⁰.

⁹ Из архива Е.И. Гневушевой.

¹⁰ Александр Самуилович Эстрин. Воспоминания...

Александр Эстрин умел и стремился учиться, русской грамотой он овладел поздно, но благодаря учебе в хедере знал иврит. Он рано стал понимать, что работа должна соответствовать запросам собственной природы, а потому, руководствуясь личным интересом к культуре быта и эстетике труда, к любому его виду относился с большим почтением, подтверждением чему и служит его собирательство. Да разве иначе решился бы молодой человек в неполные двадцать пять лет самостоятельно путешествовать по стране, о которой имел слабое представление, и коллекционировать предметы именно труда и быта, не интересуясь он их функциональным назначением и не зная он им цену? Благодаря этому коллекция Эстрина и Смотрицкой, собранная только на о. Яве, зафиксировала и отразила экономику нидерландской Индии тех лет, ее приоритеты в производстве, в частности, каучука, сахарного тростника, кофе, корицы, ваниля, мускатного ореха, какао, чая, хинина, табака, копры¹¹.

Разумеется, не флюберовским «воспитанием чувств» была для Александра Эстрина жизнь, а чем-то совсем иным, унося его всё дальше от родного очага. Более того, ни Александр, ни Анна, пускаясь в путь, не ставили перед собой каких-либо конкретных целей, заниматься, например, коллекционированием экзотических предметов и вообще подходить к месту, в котором они оказывались, с позиций ученых. «Один специалист, — вспоминает А. Эстрин, — меня спросил: “Как вам, не получившему образования, удалось собрать настоящую научную коллекцию?” Я не знал, что ответить. Я никогда не собирал вещей, если в них нет осмысленного содержания. Коллекция должна показать эволюцию в производстве предметов пищи, одежды, утвари и эволюцию орудий этого производства»¹².

Соблазнительным представлялось продираться сквозь тропические леса, бамбуковые рощи, кишасщие неизвестной живностью и опасными змеями. Кто мог тогда предположить, что их экспедиция запечатлеет один из важных моментов в истории этой страны на пороге общественно-политических перемен и многое из того, что они тогда невольно фиксировали, станет быстро уходить в прошлое. Наступавшая во всём мире новая жизнь, всколыхнувшая

¹¹ Гневушева Е.И. Трисман В.Г. Этнографические коллекции А.С. Эстрина в МАЭ // Очерки русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. 9. М.: Наука, 1982. С. 128.

¹² Александр Самуилович Эстрин. Воспоминания... Из архива Е.И.

привычные устои и традиции, быстро начала теснить старый, но уже разваливающийся строй, а Первая мировая война и Октябрьская революция придали этим процессам темпа.

Анна Смотрицкая с большой трепетностью относилась к тому, чем занимался ее муж. У нее от природы было изумительное чувство послушания, которое, как правило, дается с годами, она умела спокойно принимать требования жизни, с готовностью бралась за любую работу, будучи пианисткой, не стеснялась мыть посуду, стирать на целый коллектив, да еще иностранцев, когда вообще не знаешь, кто ест и что, в котором часу и сколько; не отказывалась давать уроков музыки и языков. Не отсюда ли ее неизменное внимание к любой заинтересованности со стороны детей? Одному только их импульсу она сразу давала дыхание — так было со мной, в которой она угадала будущего литератора, так было потом и с Галей, ставшей музыкантом. В экспедиции она была незаменимой помощницей потому еще, что со всей ответственностью проделывала те виды работ, которые не каждому лягут на душу: составлять опись приобретенных предметов со всеми прилагающимися к ним табличками, дощечками, названиями, историей.

А страна, куда они оба попали, и в самом деле была необыкновенная: три тысячи островов, и все разные, так сказать, островное государство, омываемое водами Тихого и Индийского океанов, влажный климат, жара 35 градусов чуть ли не круглый год. Все острова далеки от спокойствия, неслучайно его территорию назвали «тихоокеанским огненным кольцом» — так часты тут землетрясения и извержения вулканов. Индонезия, то есть «Островная Индия» (в бытность свою), или Ост-Индия (название возникло из обозначения Малайского, а потом Индийского архипелага), давно была лакомым кусочком для европейцев. Но чем же была она так привлекательна для исследователей? Именно здесь обнаружено место обитания первобытного человека, ну и, конечно, страна специй и пряностей. За владение ее землями и богатством вели войны Голландия, Англия, Франция, снова Нидерланды, к участию в этой монополии привлекались в начале XX века США, и всё больше приходилось сталкиваться с сопротивлением коренных жителей. В те годы кто и что мог у нас знать об Индонезии, кроме того, что она была колонией Нидерландов и что в ней правили голландцы? Не так уж

бескорыстны были их исследования, и Александр с Анной, видимо, это понимали, ощущая доверие со стороны местного населения. Ведь в отличие от голландцев они легче входили в контакт с аборигенами.

Наблюдая за тем, *что* и, главное, *как* собирают члены экспедиции, с которой они пустились в путь, как оформляются находки, а они практически никогда не покупались, только выменивались, Эстрин и Смотрицкая невольно вовлекались в волнующий обоих процесс. Им были интересны люди, их быт, нравы. «Я старался понять, как живут люди. С острова Буру я привез модель дома с двускатной крышей, крытой пандановыми листьями. Очень небольшие участки земли, со стол величиной, расчищались, обрабатывались даже не мотыгой, а палкой из прочного растения. Такие участки засаживались бататом, таро, картофелем. Они ограждались ротангом»¹³. Были внимательны Эстрины к предметам домашнего обихода, сделанным вручную мискам, ступке с пестиком, мотыге, изящно оформленной ручке с пером, музыкальным инструментам. Александр, однажды совсем по другому поводу заметил: «Люди часто принимают только полезную сторону, красивую же не замечают». Эстрины не прошли мимо и прядильных станков, которые делались мужчинами, но ткали на них, разумеется, женщины. Под нить, которую сучили, приспособляли скорлупу какого-нибудь хлопкового дерева. Ткани бывали тонкие и грубые, для яркости их окрашивали свиной кровью.

Постепенно у Эстрина и Смотрицкой начала складываться собственная коллекция, и к концу их пребывания в Индонезии она насчитывала 79 ящичков различных предметов не только домашнего обихода, но и минералов, сельскохозяйственных культур; коллекция содержала не менее интересную зоологическую часть, музыкальные инструменты, сумки, коробки, корзины – Эстрин привез одну из таких, но сделанную наполовину, чтобы ясен был способ плетения. Плетеные вещи пользовались спросом и их выменивали.

Со своей коллекцией Эстрин и Смотрицкая уехали вместе с экспедицией в Амстердам, где провели какое-то время в ожидании визы в Россию. Анна почти год проработала на швейной фабрике – на что-то надо было жить. Их не оставляла надежда на возвращение домой в Россию. Александр за это время успел съездить во Францию, к

¹³ Александр Самуилович Эстрин. Воспоминания...

друзьям, и побывать на Суэцком канале. (Поездка удалась: сын еще долго помнил в их квартире шкаф с египетскими папирусами, который родители, покидая блокадный Ленинград, перепоручили кому-то из соседей. После войны сын приезжал сюда, искал шкаф, но никто ничего конкретного сказать не мог ни о шкафе, ни о соседе¹⁴).

Время шло, а виза не приходила. Ни Эстрин, ни Смотрицкая не собирались оставаться за границей, даже мысли такой не возникало – для кого же они тогда старались и собирали столь дорогие им вещи и предметы? А ведь находились охотники купить их коллекцию и за немалые деньги, жизнь могла бы быть вполне сносной, во всяком случае, хватило бы еще не на одну поездку – в мире так много интересного! Но желание привезти свое огромное богатство на Родину было неколебимо. Почему? Наверное, и сами бы они не ответили на этот вопрос. Тайна души не поддается расшифровке. Ни чувства горечи или досады, никаких признаков жалоб или сетований по поводу социального неравенства, в котором пришлось жить, трудностей дореволюционного детства. Впереди их ждет свобода, которую они уже тут, за границей, предвкушали, не испытывая при этом ни капли гордости за свой альтруистический поступок, не видя ничего особенного в том, что всё ими собранное, полторы тысячи экспонатов, они отдадут в дар музею, тогда уже ставшему ленинградским Этнографическим музеем имени Петра Великого. Только берите! Новое время бросало вызов новым людям.

Этот факт приводит К. Федин, цитируя письмо А. Пешкова (Горького), исполненное восхищения «новыми людьми»: «он – рабочий, металлист, она – учительница. Бежали от Колчака и четыре года путешествовали, живя – она – уроками языков, он – сваривая металлы, а попутно собрали изумительно полную – по словам Академии – коллекцию... Вот – люди наших дней. Они

¹⁴ Это подтверждают и письма В.Г. Трисман А. Эстрину. См. письмо от 18 января 1976 года: «Жилец (хозяйин?) Вашей б<ывшей> квартиры сказал мне, что сын Эстрина после войны в 1946 г. был у него, искал “какой-то шкаф”. Очевидно, это был именно тот шкаф, с этими вензелями, я уже тогда нашла странным, что Вы приехали из-за “какого-то шкафа”. Теперь понятно: м<ожет> б<ыть>, он есть (был) тот человек, которому Александр Самуилович доверил шкаф с вещами. С тех пор, как я там была, прошло уже 10 лет. Жив ли он сейчас?»

¹⁵ Федин К. Горький среди нас. М., 1968. С. 211 и 249. Правда, в тексте Федина, цитировавшего Горького (Собр. соч.: В 6 т. Т. 6, 1954), была допущена досадная ошибка, искажившая фамилию Эстрина. Он сам сообщил об этом в издательство, ему принесли извинение и обещали в следующем издании эту

живут в горах Атласа, в древней Нумидии, в Бразилии и Паталонии, могут жить на луне...»¹⁵. Это восторженное письмо было написано Горьким Федину в 1924 году вскоре после встречи с Эстриным и Смотрицкой под большим впечатлением личного знакомства с ними. Горький тогда остановился в Берлине, кто-то посоветовал им, тщетно добывавшимся от советского консульства визы в Россию, обратиться к нему с просьбой помочь получить ее, чтобы отвезти в Россию свой клад.

Больше всего интересовало Горького, почему им хочется вернуться в Россию, где они были гонимы и где им несладко жилось. «Мой отец, мой дед, мой прадед и я сам никогда не были гражданами, не имели гражданства, – с горячностью отвечал Александр Самуилович, – а теперь я – гражданин, у меня есть моя страна, моя родина...»¹⁶

Горький напрямую связался с секретарем Академии наук С.Ф. Ольденбургом: «Дорогой Сергей Федорович, знакомые мои, Эстрин и Смотрицкая, за время четырехлетнего пребывания на Востоке в Голландских колониях собрали 25 ящичков различных предметов, имеющих, как мне кажется, серьезное этнографическое значение. Они хотят передать все эти вещи в один из музеев, например, в Музей Академии наук. Будьте любезны, Сергей Федорович, облегчить, с присущей Вам добротой и вниманием к людям, задачу Смотрицкой и Эстрина»¹⁷. Оба не только получили визы, но и бесплатные билеты на пароход, а кроме того, благодаря ходатайству Горького, заручились письмом полномочного представителя РСФСР в Германии, освободившим их от таможенных пошлин за свою коллекцию как предназначенную в дар АН¹⁸.

Академик С.Ф. Ольденбург писал о них в Отчете, прослеживая деятельность Российской Академии наук за 1923 год: «Другим поступлением МАЭ обязан совершенно исключительно по настоящему времени факту. Двое русских граждан А. Эстрин и А. Смотрицкая, случайно очутившись на о. Яве, из интереса к этнографии предприняли путешествие по собственной инициативе на Молуккские острова и собрали большую коллекцию по быту

¹⁶ Из беседы с А. Эстриным, записанной Л.И. Гневушевой. См. ее архив.

¹⁷ Архив АН СССР. Ф. 250. Оп. 3. № 77.

¹⁸ Федин К. Горький среди нас... С. 211, 249.

¹⁹ Отчет о деятельности Российской Академии наук за 1923 г., составленный академиком С.Ф. Ольденбургом. Л., 1924. Гл. 3. Отчет об академических учреждениях. Музей Антропологии и этнографии (МАЭ). С. 118–119.

разных первобытных народов и по возвращении в Россию принесли ее в дар РАН. Коллекция эта, заключающая в себе 788 предметов, особенно ценна по тщательному и вполне научному подбору объектов и послужит прекрасным дополнением к музейному материалу по Индонезии»¹⁹.

Стоит заметить, что 25 тщательно упакованных и описанных ящика содержали более 1500 коллекционных предметов и весили 80 пудов, сюда входило 500 зоологических предметов с о. Амбона, где они прожили месяц, всевозможные инструменты по изготовлению саго – лепешек из саговой пальмы, начиная с обработки пальмы, помола муки и кончая формочками для выпечки и даже кисточкой, очищающей эти формочки. Ими приобретались и такие предметы как, например, украшения, орнаментированные стрелы, календарь и т.п., которые удалось приобрести (всего 20 предметов) из Западной и Новой Гвинеи; несмотря на то что сами они там не побывали, их коллекция оказалась первой в МАЭ о жизни и быте папуасов, став своеобразным дополнением коллекции из Восточной Новой Гвинеи, которую привез когда-то Н.Н. Миклухо-Маклай.

Итак, Эстрин и Смотрицкая вернулись на родину, поселились в Ленинграде, жизнь вроде бы вошла в обычное русло. Не сразу обзавелись квартирой, сначала были лишь маленькие комнаты с большим коридором, удалось отделиться от соседей и, пользуясь черным ходом, сделать квартиру отдельной. Какое-то время жили сообща с сестрой-двойняшкой Александра – тоже Ханной (у которой через год после их сына Александра, родившегося в 1926 году, появилась дочь Тамара), и анкеты фиксируют (может быть, не случайно), что А.Я. Смотрицкая с этого года и по 1928-й работает воспитательницей в детских домах Ленинграда. Многие так делали, дабы держать при себе своих малышей. А через несколько лет вновь вернулась к тому, что было еще одним ее призванием, – она преподавала математику в школе и в Институте народов Севера, одновременно учась в Педагогическом институте им. Герцена на физико-математическом факультете, который и закончила в 1936 году (без госэкзаменов).

И снова зов – на этот раз к нанайцам. Можно вообразить, как рвался на полевые работы Александр Эстрин, если летом 1929 года,

²⁰ Из записей, сделанных В.Г. Тан-Богоразом: Выставка по технике хозяйства гольдов; коллекция Эстрина А.С. // ААН СССР /ЛЮ/. Ф. 250. Оп.

не дождавшись командировочных, на собственные средства отправился на сборы материалов о гольдах (*нани*, как называли себя они сами) для знакомства с их бытом. За три месяца ему удалось собрать коллекцию из 495 предметов по промыслам, ремеслам и культуре этого народа, проживавшего на Дальнем Востоке, и в 1931 году она была передана в Отдел Сибири МАЭ²⁰. Анализируя представленную в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого коллекцию по народам Тихоокеанского побережья, В.В. Антропова (которая работала над этой коллекцией вместе с А. Эстриным) и Ч.М. Таксами особо выделяют собранные Эстриным 500 предметов, запечатлевших разные стадии процесса труда: обработка рыбьей кожи, столярное и слесарное ремесла и т.п.²¹.

«А.С. Эстрин имеет природные способности к этнографии и большое желание посвятить себя этой трудной работе», — отмечал В.Г. Тан-Богораз, известный этнограф-сибировед²², полагая, что «трудова́я психология и опыт заводского рабочего дали возможность собирателю освоить трудовой опыт далекого амурского мастера серьезнее, полнее и с более точным анализом»²³. Со всеми стараниями и деликатностью он настойчиво проводил мысль о профессиональности непрофессионала Эстрина, пытаясь ввести его в круг специалистов.

Со стороны специалистов внимание привлекал основной принцип его собирательства: показать не только сам предмет, но также способ его изготовления и применения. И, конечно, классификация предметов труда, их точное распределение. Не зря Тан-Богораз обращал внимание на проведенное А. Эстриным тщательное и «точное разграничение отделов техники: 1. Работа по металлу, холодная и горячая ковка; 2. Работа по дереву; 3. Работа по выделке кости и рога; 4. Работа по выделке кожи — звериной и рыбьей»²⁴. Безусловно, тут есть налет времени, тогда было принято придавать трудовому человеку большую значимость, однако, думается, случай с Эстриным и вправду подтверждает ту истину, что человеку

²¹ Антропова В.В., Таксами Ч.М. Коллекции Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого АН СССР по народам Тихоокеанского побережья СССР // Страны и народы Востока. Вып. 6: Страны и народы Бассейна Тихого океана / Под общей ред. чл.-кор. АН СССР Д.А. Ольдерогге. М.: Наука, 1968. Главная редакция восточной литературы. С. 13.

²² Цитата взята из набросков В.Г. Тан-Богораз к статье об Эстрине и его собирательских способностях. См.: Тан-Богораз В.Г. Архив АН СССР. Ф. 250. Оп. 3. Л. 2.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

труда культура труда ближе и понятнее, чем, скажем, художнику (и то смотря какому) или интеллектуалу. Но это наблюдение приоткрывает глубинные свойства натуры Эстрина, который именно труду отдавал предпочтение, находил в нем эстетические качества и увлечению им предпочел другие свои таланты, например, пение.

Спустя много лет спрашиваю его сына: «Известно, что дядя Саша, находясь в горах и захваченный их красотой, запел – для себя и этого пейзажа, который перед ним открылся. А когда закончил, услышал аплодисменты. Рядом стоял человек и смотрел с восхищением на него. “Хотите я поставлю вам голос? У вас прекрасный голос, но надо немного над ним поработать”. И предлагал учить бесплатно, но дядя Саша отказался... Так вот, – продолжаю я свои расспросы, – что он пел? Ведь, поди, любил напевать?»

Шурик (сын) задумался. Пел? Арию Неморино (из оперы Доницетти «Волшебный напиток»). Значит, думаю я про себя, у него был тенор, лирический, уточнит Галя.

«А что еще он любил напевать?» – «Как ни странно, – продолжает Шурик, – я запомнил пятую и шестую симфонии Чайковского».

Ну конечно, эта музыка соответствовала его романтическому мироощущению, совершенно исчезнувшему в его «московский» период...

После нанайской экспедиции в 1929 году А.С. Эстрин поначалу вновь вернулся к своей непосредственной специальности металлста-сварщика, кем он был на Петроградском заводе, а вечерами слушал лекции по этнографии в Институте этнографии. В эти же годы он вместе с академиком И.А. Орбели (директором Эрмитажа) работал над музейными экспонатами в Эрмитаже (оба носили бороды, были приблизительно одного роста, и их часто путали) и какое-то время – с 1930 по 1932 год – в МАЭ – над описанием коллекций, собранных им и женой. Успел поработать в Палате мер и весов, причем снова сварщиком... Всё это было до войны, и оба – Александр и Анна – полагали, что им везет, в периоды жесточайшей слежки и арестов за ними не приезжали, никого из них не сажали. Правда, был один «странный» случай: А.С. Эстрин внезапно пропал, не было его больше месяца, Анна не знала, что делать, боялась открыто его искать, терпеливо ждала, вернулся... с выбитыми зубами – где провел время, можно было не спрашивать. Они искренне полагали, что он легко отделался.

Скорее всего, помогло социальное происхождение из рабочих – в НКВД такое иногда спасало.

Действительно, рабочий по специальности (справедливости ради добавим – не простой, а высококвалифицированной, требовавшей знаний, навыка, сноровки), Александр Эстрин на собственном опыте знал, что такое ручной труд, и умел его ценить. С детства освоенная профессия металлста позволила ему учиться в Питере, он занимался в кружке рабочих, где лекции читал ни много ни мало сам Петр Францевич Лесгафт, известный врач, общественный деятель, создатель воспитательной системы в России; в музей его имени впоследствии попадет часть их коллекции с о. Буру – преимущественно зоологическая. Другое везение – во Франции, посещая клуб эмигрантов в Париже, он прослушал курс лекций Луначарского, который нередко их читал прямо в Лувре. «Возможно, впечатление от музея, где так бережно сохранялись предметы культуры древних цивилизаций, от черепков разбитой вазы до античной скульптуры или табличек из глины с древними письменами, в которых сохранилась история целых государств и народов, вдохновило его, простого рабочею, спустя 10 лет, в труднейших климатических условиях собирать этнографическую коллекцию уже для России, для ее музеев» – так считает невестка А. Эстрина, описывая с его же слов его странствия²⁵.

Постепенно очень близкими Александру стали художники, скульпторы, особенно Роден, рисунками которого, а тот подарил целую папку своих эскизов, увы, они с женой во время ленинградской блокады топили свое жилье, и это спасло их от смерти, несмотря на горечь невозполнимой художественной утраты.

Александра и Анну вывезли из Ленинграда по Дороге жизни в 1942 году. Назад они уже не вернутся. Хотя им обещали отдать их квартиру, в которой уже поселились чужие, однако Анна, приехав в Ленинград оформлять возвращение, увидела, что город по-прежнему лежит во льдах, застывший и окаменелый, на санях везут трупы, мимо еле тащатся онемевшие от холода и голода доходяжки, бог весть во что одетые. Она потеряла сознание прямо на улице, и ее на первом же самолете отправили назад в Москву. Вот так, с 1945 года, Москва стала их последним городом странствий – пристанищем и прибежищем – после Кизляра, Армении, Караганды. «Нищета была такая, – замечает их сын, – что чай пили в складчину».

²⁵ Эстрина А. Бегство из дома...

II

Так получилось, что именно голландцы открыли Эстрина и Смотрицкую во второй раз: всё началось с Вильгельмины Герардовны Трисман. По удивительному стечению обстоятельств она, голландка, вышла замуж за русского и в 20-х годах, вслед за мужем, с которым познакомилась в Роттердаме, приехала в Ленинград. А в 1945 году, возвратившись из эвакуации, поступила работать в МАЭ. Она и вызволила Александра Эстрина и Анну Смотрицкую из забвения, тогда, казалось, полного.

Справедливости ради стоит заметить, что в музее еще долго сохранялся зал с их коллекцией; внучка Галина успела тут побывать летом 1988 года с отцом, и последний раз – в 2003 году, когда от зала осталась всего одна витрина, остальное было закрыто и унесено в запасники из-за ремонта.

Сведения о найденных и привезенных Эстриным и Смотрицкой предметах, в том числе и зоологических, которые требовали более тщательной обработки и внимания, я почерпнула из изданной ротاپринтным способом маленькой книжечки, содержащей очерк Е.И. Гневушевой и В.Г. Трисман «История двух этнографических коллекций и их собирателя». Книжечка хранилась у Александра Александровича Эстрина. Он-то мне и пояснил, что это своего рода дайджест неизданной книги, написанной о них теми же авторами. На основе этого очерка была сделана статья с небольшой редакторской правкой²⁶. Любопытно, что в этой статье В. Трисман не раз ссылается на воспоминания А. Эстрина, записанные Л.И. Гневушевой, которые хранятся в ее архиве, но держатели архива ничего не нашли. Драматичную судьбу рукописи и ее авторов запечатали письма Трисман и Гневушевой А. Эстрину, которые сохранились, они проливают свет на судьбу утерянной рукописи. Но сначала немного предыстории.

Будучи сотрудницей Отдела Индонезии Этнографического музея имени Петра Великого, В.Г. Трисман в 1967 году начала работу над статьей «Культура и быт народов Южно-Молуккских островов» и пришла к выводу: «Коллекции, собранные А.С. Эстриным и А.Я. Смотрицкой, – не только огромная научная ценность, но и яркое доказательство подвига их собирателей», – сказано ученым, специально занимавшимся анализом их сборов²⁷. Дальше – больше. В.

²⁶ Гневушева Е.И., Трисман В.Г. Этнографические коллекции А.С. Эстрина в МАЭ // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. 9. М.: Наука, 1982. С. 128–140.

²⁷ Трисман В.Г. Предметы культуры и быта населения южных Молуккских островов... С. 260.

Трисман захотелось познакомиться с ними лично. С присущей ей настойчивостью и целеустремленностью она начала их искать, по архивным документам нашла их прежний адрес, узнала, что в их квартире давно живут другие люди, которые понятия о них не имеют, ходила по подъездам, беседовала с жильцами, никто о них не мог ничего сказать. Последний раз Александра Эстрина видели в Ленинграде в 1946 году, он заходил в канцелярию музея за документами для оформления пенсии. Первая открытка А. Эстрину от Трисман относится к 1969 году – она пришла через два года после ухода из жизни жены. Не она ли *оттуда, сверху*, попыталась привезти в движение застоявшийся маховик, и он, медленно расклевываясь маятником на тяжелых часах, начал действовать?

Письма Трисман, запечатлевшие ее общение с Александром Эстриным на протяжении десяти его последних лет, драматичны и в то же время полны человеческой любви, участия и заботы. «Вы мне за всё это время розыска стали действительно родным и близким человеком», – признавалась она, интересуясь, когда у него день рождения, хлопотала (и выхлопотала!) для него персональную пенсию, стремилась даже обеспечить его личным телефоном. «Что касается меня, – настаивала она, – то я претендую только на то, чтобы Вас должным образом оценили и Ваш труд». Если у нее были какие-либо неприятные, а то и просто негативные сведения, она предпочитала писать его сыну Александру Александровичу. Нельзя не восхищаться ее тактом, деликатностью и поистине дипломатическим умением общаться, причем каждого из них она называла по-особому, хотя оба тезки: старшего, как правило, «дорогой Александр» или «друг мой Александр», а младшего – «Саша», добавляла иногда сердечное «сын»», воспринимая его как «крестного сына».

Переписка позволяет воссоздать историю утерянной рукописи.

В мае 1970 года В.Г. Трисман получает письмо от москвички Елизаветы Ивановны Гневушевой, известного специалиста по Индонезии, педагога и ученого с большим литературным стажем, ей, в общей сложности, принадлежит свыше десятка книг, повествующих не только об Индонезии, но и о тех, кто ее открывал и ею занимался. Зная о том, что Трисман исследует собирательскую деятельность Эстриных, она дает Трисман мудрый совет: писать о них популярно, но Трисман не считала себя писателем, не имела «нужных связей в издательских кругах», и Гневушева предлагает ей соавторство.

Обрадованная таким поворотом событий, Трисман тотчас набрасывает план книги: 1) Отчий дом 2) Странствия 3) Индонезия 4) Поездка к гольдам-нанайцам 5) поиски В.Г. Трисман А.С. Эстрина.

К июлю 1971 года Трисман получает по своему запросу отчеты голландской экспедиции, чтобы *документировать* работу Эстрина и Смотрицкой, пересылает А. Эстрину фотографии начальника той экспедиции – Х.И. Токсопеуса, к тому времени уже умершего (фотографии в домашнем архиве Эстриных не оказалось). Работа над книгой идет полным ходом, полученные материалы Трисман немедленно переправляет Елизавете Ивановне Гневушевой. Книга практически написана и находится в сфере непосредственных интересов Гневушевой. Работа, однако, приостанавливается: закрывают типографию издательства Восточной литературы, где должны были издавать книгу, здание подлежит сносу. Елизавета Ивановна знала все издательства, ее реакция была быстрой, характеристики точные: книга по профилю годится для издательства «Молодая гвардия», но нужные люди сейчас в отпуске; или для МГУ, но оно отличается медлительностью. Наступило долгое и тягостное ожидание. Вилли (так иногда подписывалась Трисман), при всем свойственном ей оптимизме, не без оснований предполагает худшее: Елизавета Ивановна явно чего-то недоговаривает, но тут же саму себя успокаивает, мол, существуют трудности, которые сложно преодолеть, но они преодолимы.

В октябре 1972 года от Вильгельмины Герардовны приходит радостное и полное бодрости сообщение, что за издание берется зам. директора Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР, профессор, доктор географических наук, лауреат Государственной премии Соломон Ильич Брук. В январе 1973 года новая информация: рукопись будет представлена на ученом совете уже в их Институте Востоковедения АН СССР (Ленинградский филиал), где и должны ее напечатать, ведь Эстрины – именно отсюда. Но вдруг опять поворот: Гневушева пишет Трисман, а та, в свою очередь, Эстриным (февраль 1973 года) о сведениях, полученных от Александра Борисовича Беленького (известного историка-востоковеда, полиглота, владевшего в том числе и индонезийским языком, автора нескольких книг об Индонезии), что рукопись будут представлять в московском издательстве «Мысль», при этом он не скрывал удивления по поводу подобной задержки. В

мае Трисман оптимистично уточняет название книги: «Рассказ о двух этнографических коллекциях и дальних путешествиях и их собирателях». Опубликовать ее будут в Академии наук.

Октябрь 1973 года: книгу ставят на обсуждение на ученом совете института. Она будет печататься от имени музея. Однако в феврале 1975 года Трисман сообщает, что книга не принята к печати, отправлена на доработку, требуются основательные сокращения, на которые, считает она, надо пойти, спасая материал, фотографии, документы, против чего категорически возражает Гневушева, отстаивая первоначальный вариант. Позиция Трисман следующая: если не издать книгу в любом, даже в таком усеченном виде, она пролежит без движения еще лет 20 (на сегодняшний день – все 40). Свою позицию она деликатно назвала «дипломатической».

Отредактированная и сокращенная рукопись была в итоге принята Сектором «Австралия, Океания и Индонезия» к печати благодаря майскому Международному конгрессу музееведов. Стоял ноябрь 1976 года, и, посылая в июле 1977 года экземпляр Эстриным, Вильгельмина Герардовна советовала «Саше» заклеить полосочкой фамилию Гневушевой, если та не захочет принять книгу в подобном виде. «А рукопись, – писала она, – я потом сдам в архив. ...В будущем, кто найдет, обязательно продолжит мой труд. Для этого я должна (ему, ей?) всё приготовить в архиве, чем я сейчас и занимаюсь». Глубоко символические слова, но еще символичнее, что это ее письмо от 13 ноября 1979 года было к А. Эстрину последним.

Поражаешься титанической мощи этой женщины – доброй, красивой, преданной, которая в эти же годы занималась переводом огромного труда своего соотечественника, амстердамского бургомистра Николаса Витсена «Северная и Восточная Тартария», вышедшего – а сколько сил ушло на одни поиски средств для издания! – в 2011 году в трех томах (100 печатных листов!).

И всё же, где рукопись той книги, от которой не желала отступить Елизавета Ивановна Гневушева и которая в конце концов стала в их соавторстве с Вильгельминой Герардовной Трисман камнем преткновения? «Надо найти рукопись! – говорит мне Галя. – Не может же в самом деле, чтобы написанная книга пропала!» Еще как может, думаю, «рукописи не горят» – всего лишь красивая фраза. Но рассуждения не успокаивают, что-то внутри меня зашевелилось, повернулось, а когда Галя произнесла: «Ты филолог – возмись

за это!» — воспоминания обступили, как просители перед самым закрытием богадельни.

Почему рукопись так и не была принята к печати, несмотря на то, что несколько раз обсуждалась в Москве и в Ленинграде, в самых разных издательствах, в том числе и в Академии наук? Да, в середине семидесятых многое снова ушло в «запретные темы», вот почему из книги был удален раздел о детстве в Мстиславле и все с ним связанное. Оставшийся от полнокровного повествования малюсенький очерк, точно палочка после съеденного эскимо, мало что говорит об их жизни в целом. Может, этого и добивались от авторов — обойтись без подробностей жизни, не связанных с собирательством? Но и то, что осталось, впечатляет.

Как и то, что нигде рукопись не сохранилась, даже в частном архиве В.Г. Трисман, о чем мне поведала ее дочь Лидия Андреевна, которая ныне живет в Голландии. Я перерыла все архивы, где рукопись могла бы быть: естественно, самого музея, Института восточных рукописей РАН — всё это в Питере, обращалась в другие инстанции и к самым разным людям, кто мог иметь к рукописи хоть какое-то отношение. Нет смысла перечислять все кабинеты, которые я посетила в музее и с кем имела беседу. Помню, что в один из приездов моих в Питер специально для того, чтобы «облазить» архив музея, я узнаю, что сотрудница, у которой, единственной, были от него ключи, серьезно заболела, и я приехала зря. Я обошла всех заведующих, но они только разводили руками и пожимали плечами, кто-то мне посоветовал: «Идите к Ефиму Анатольевичу». — «А кто это?» — «Наш заместитель, он вам поможет».

Бросилась к нему, вошла в кабинет и, когда начала объяснять причину прихода, вдруг разрыдалась, не в силах что-либо объяснить. Он вскинул голову (до этого сидел, уставившись в какие-то бумаги у себя на столе): «Успокойтесь, что случилось?» Я стала рассказывать про архив, который закрыт, про Эстрина, о котором все забыли, и неожиданно снова заплакала: «Неужели и после смерти они будут гонимы?» И тут Резван очень спокойно и твердо произнес: «Я занимаюсь другой проблематикой, но обещаю Вам, всё, что будет в моих силах, я сделаю. Мы обязательно издадим о них книгу. Они это заслужили». — «А чем вы занимаетесь?» — спросила я больше из вежливости и неловкости, что от отчаяния слезы лила перед чужим человеком. «Кораном и его лексическим составом». — «О, тогда я

Вам пришлю книгу моего мужа. Может, она вам пригодится. — «А кто ваш муж?» — «Чингиз Гусейнов, он...» — «Коран Гусейнова у меня на столе». Сколько, однако, в мире совпадений, а порой кажется, что ничего не получится! Я вдруг успокоилась и поняла, что теперь надо набраться терпения, и рано или поздно, но что-то обязательно получится, тем более что тут, в музее, были конкретные люди, которые еще помнили, как Трисман разыскивала Эстрина, — сотрудница-«индонезийка» Е.В. Ревуненкова, она настояла на том, чтобы я написала об Эстриных; была у меня после этого еще и беседа с Н.Г. Краснодарской, нашедшей для меня Лидию Андреевну — дочь В.Г. Трисман, и почти перед самым моим отъездом мне позвонила Даша — держательница ключей архива музея, ей стало лучше, она приехала: «Смотрите вот здесь, где стоят поперек невысокие биографические папки, в них каталог — переписка — неопубликованное личное дело...» Всё было замечательно, но никаких следов ни рукописи, ни писем, ни упоминаний — ничего!

В Москве мне посоветовали начать с кафедры индонезийской филологии Института стран Азии и Африки в Москве, что я и сделала, надеясь, что, может быть, мне что-то подскажет архив Елизаветы Ивановны Гневушевой, которой, увы, к этому времени уже не было в живых. Мне сказали, что в этом вопросе лучше всего обратиться к Елене Алексеевне Кутовой, от нее я узнала про доктора филологических наук профессора Юрия Николаевича Гаврилова, который направил меня к Погадаеву Виктору Владимировичу, известному специалисту по Юго-Восточной Азии, но он с 2001 года живет в Малазии и преподает в университете Малайя. Наконец я вышла на хранителя архива Е.И. Гневушевой в Москве Вилена Владимировича Сикорского. Он искал несколько дней, ответ его был неутешительным — ничего.

Нигде и никто текста не видел и не находил. Смириться с этим невозможно, будто не там ищу... Может быть, рукопись затерялась в каком-нибудь частном архиве?.. Покоя не дает, что от работы Е.И. Гневушевой, написанной в соавторстве с В.Г. Трисман, не осталось ничего, кроме статьи с описанием двух коллекций — индонезийской и нанайской (гольдской), ни черновики, ни обрывки, ни первоначальных вариантов, набросков, чего угодно! И только диву даешься, как на таком небольшом материале они сумели так много рассказать и описать.

Но для романа материала более чем достаточно. Так, наверное, полагал и Рудольф Фердинандович Итс, известный этнограф, знаток этнической истории Восточной Азии, Сибири, Дальнего Востока, профессор и доктор исторических наук, не говоря о том, что он был заведующим кафедрой этнографии и антропологии исторического факультета ЛГУ, сотрудником и директором Ленинградской части Института этнографии АН СССР, наконец, писателем, автором занимательных и приключенческих книг. О его замысле – к сожалению, нереализованном – пишет в письмах к Эстрину Трисман.

Их переписка была для нее тоже важной частью жизни: «С охраните пока и мои письма Вам, может быть, они тоже пригодятся», – писала она, по опыту зная важность источников. Она отдавала себе отчет в том, что это был завершающий этап пути А.С. Эстрина.

...И будто они с Анной опять на о. Буру, где живут «сорные куры»²⁸, которые придумали использовать солнце, вместо того чтобы самим высидывать птенцов: снесенное яйцо они укрывают листьями, процесс их гниения создает нужную температуру. А как гонялись за этими яйцами аборигены, которым надо было терпеливо объяснять, что если перетаскать и съесть все яйца, мудрых кур не останется.

Собранная Эстриным и Смотрицкой только на этом острове коллекция насчитывает 648 предметов, причем все они были в употреблении, что давало представление об их назначении. И стоит заметить, что на многие годы эта коллекция оставалась самой полной и единственной в стране, представляя жизнь и быт о. Буру. Но еще интереснее была ее зоологическая часть, сделанная уже, так сказать, для себя, по собственному почину, что называется во вне рабочее время, хотя работы было предостаточно. Начальник экспедиции Х.И. Токсопеус в отчете от 1 апреля 1921 года особо подчеркивал, что благодаря Анне Смотрицкой, которая взяла на себя заботу о личинках насекомых, ему удалось не только собрать, но и сохранить все их виды, существующие на Буру, а позже отмечал роль супругов именно в зоологическом собирании, хотя это и не входило в их прямые обязанности. «У них богатые и причудливые сборы, – писал Тан-Богораз об их коллекции, переданной в Музей А.Н. Лесгафта, – летучие собаки калогы с острыми зубами, с перепончатыми крыльями, бабочки в пядь шириной, бабируса, малайский кабан

²⁸ Замечание взято из отзыва М.А. Членова на готовившуюся к печати статью Л.И. Гневушевой и В.Г. Трисман «История двух этнографических коллекций и их собирателей».

с затейливыми клыками, изогнутыми в кольца. Пышная природа экватора опалила им душу, играла на воображение. Как же не схватить жадными руками все это великолепие и не перенести его в далекую холодную Россию?»²⁹ Характеризуя деятельность этих «русских душ», профессор В.Г. Тан-Богораз в очерке, им посвященном, заметил: «Нет им износу и нет утомону, такая уж пара неутомная», добавив при этом: «Живое ходячее чудо»³⁰.

P.S.

Поставила последнюю точку в 2 часа ночи уже наступившего 10 октября 2013 года. А когда начала эти поиски? Кажется, в 2009 году возникла идея хоть что-то разузнать о наших Эстриных, и меня в семейном кругу откомандировали в Питер... С тех пор прошло... лучше и не думать. В 10 утра мне позвонил Вилен Владимирович Сикорский, держатель архива Е.И. Гневушевой, и сообщил, что нашел в ее архиве большую папку с материалами об Эстрине.

На следующий день поехала к нему. Побеседовав со мной, вручил мне папку: «Я уже вряд ли успею этим заняться, а вы распоряжайтесь!» Я была потрясена. А он всё уговаривал меня: «Сделайте из этого фильм! Какой получится сценарий – ведь вся их жизнь – увлекательное приключение!» И правда – сплошное кино.

Я развернула папку. В ней были запись, сделанная Гневушевой: «Александр Самуилович Эстрин. Воспоминания», – и тот самый черновой вариант рукописи, который запечатлел все стадии переделок и сокращений первоначальной версии книги об Эстрине и Смотрицкой, написанной в соавторстве Гневушевой и Трисман, которую я тщетно искала более трех лет. И тут же – сокращенный вариант этой же рукописи, письма Эстрина к Трисман с очень любопытными дополнительными сведениями и уточнениями, рецензии, выписки из заседаний по поводу... и другие материалы, сопровождавшие этот многострадальный труд столько лет.

Пройдя мысленно вместе со всеми ними – А. Эстриным, А. Смотрицкой, В. Трисман и Е. Гневушевой – их путь, я почувствовала, что они мне стали еще ближе и роднее – своей скромностью, аскетической, пронзительностью существования и... несгибаемостью.

Собирательский энтузиазм, возродившись, преодолел все препоны и вернулся к нам, чтобы поведать о собирателях.

²⁹ ААН ЛО. Ф. 250. Оп. 3. № 86. Л. 2, 3.

³⁰ Там же... С. 259.

Эсфирь Коблер

ДЯДЮШКА ЛИ

Фрагмент из книги «Сны и сновидения»

Сколько себя помню, я всегда была вместе с дядюшкой Ли. Помню его острую седую бородку, смеющиеся глаза, лучистые морщинки на лице. Дядюшка Ли был неизменно весел и добр. Мне повезло. Я ведь была чужой девочкой. Он подобрал меня, когда мне было два года. Давно уже шли опустошающие войны между Востоком и Западом. Дядюшка Ли рассказывал, что нашел меня возле трупа матери – совсем молоденькой женщины. Видимо, она прикрыла меня своим телом, когда в хижину ворвались воины. Когда они с гиканьем и свистом унеслись из деревни, разгоряченные и пьяные от крови, дядюшка Ли пошел туда, стараясь найти тех, кому можно еще помочь. Увы! Воины убили всех. Убили просто так, потому что несколько десятилетий война была их единственной работой. Только меня нашел он на окраине села в убогой хижине: наверное, воины устали и не так тщательно обыскали дом.

С тех пор я всегда была с ним. Дядюшка Ли играл на скрипке и зарабатывал на пропитание тем, что ходил от села к селу, из города в город, наигрывая свои чудные мелодии. Инструмент этот совсем не знали на берегах Жёлтой Реки. В детстве один католический монах забрал дядюшку Ли с собой в Европу, пораженный его смышленностью и незаурядным музыкальным талантом. Ли обучался в католической школе, потом у иезуитов; брал уроки игры на скрипке, и его ждало блестящее будущее великого музыканта. Но когда ему исполнился двадцать один год, он решил уехать на Родину, уже раздираемую к тому времени жестокой войной Запада и Востока.

В рассказе использованы тексты из книг: Лао Цзы «Книга пути и благодати», перевод и комментарии И.С. Лисевича; стихи китайского поэта VIII века Ли Бо.

– Я услышал тихий зов, – говорил дядюшка Ли, – и все, что я забыл, живя в Европе, вдруг в один миг всколыхнулось во мне. Я вернулся сюда, на берега Жёлтой Реки. Страна погрузилась в кровавый хаос, но Великая культура не иссякла. И я пошел со своей скрипкой по берегам рек и озер, чтобы подать помощь и надежду всем, кто в них нуждался.

За годы странствий многие узнали и полюбили дядюшку Ли. Он приносил покой. В чайных, где мы отдыхали, в хижинах бедняков, в богатых домах, возле старинных пагод и буддистских монастырей нас всегда встречали приветливо и вежливо. Со всеми дядюшка Ли был предусмотрителен и ласков. Рядом с ним и меня удостаивали внимания.

Дядюшка Ли не только играл на скрипке, но и возвращал всем старинные истины.

– До отъезда в Европу, – говорил он, – я был необразован. В монастыре иезуитов я изучал европейскую культуру и музыку. Но, услышав Зов и вернувшись на Родину, я обратился к тысячелетним знаниям моего народа.

Пока люди, прикрыв глаза, упивались музыкой, им совсем не известной, дядюшка Ли, окончив музицирование, начинал читать стихи великого Лао Цзы.

Вместивши душу небесную и земную,
объявши единое –
Сможешь ли их удержать?!

Перегоняя дух ци до предела смягчения –
Сможешь ли оборотиться дитятей?!

Омыв и очистив мистический взор –
Сможешь ли бельма его устранить?

За годы страшной войны люди забыли философию и правила. Многие комментарии были утеряны или пылились, никем не востребованные, в тиши библиотек. Услышав бессмертные стихи, души людей оживали. И часто я видела, с каким благоговением встречали и провожали дядюшку Ли.

Я подросла, и однажды дядюшка Ли обратился ко мне с такими словами:

– Цинь Ли, тебе пять лет, и у тебя прелестный голосок. Мы будем разучивать отрывки из китайских опер, и ты будешь петь то, что я тебе покажу. Надо, чтобы люди не забывали свою культуру, чтобы война отступила перед душой. Помни, что душа бессмертна.

Так я стала ученицей дядюшки Ли. Конечно, я многого, почти ничего, тогда не понимала, но точно знала, что дядюшка Ли самый добрый человек на свете. Все птицы и звери, бездомные кошки и собаки признавали его и давали себя лечить, а люди с нетерпением ждали его появления. Когда он приходил в деревню, устраивался праздник, когда подходил к монастырю – монахи выходили навстречу.

Но кругом бушевала война. И если дядюшка Ли видел убитого, он предавал его земле, если раненого – оказывал помощь. Неважно, из какой армии был пострадавший. О дядюшке Ли уже при жизни ходили легенды. Говорили: «Есть человек, который придет и утешит. Есть человек, который оплатит с тобой твоих близких, омоет твои раны. Есть человек, который помнит Путь и никогда не сходит с дороги. У него есть волшебная музыка и девочка, которая поет серебряным голоском».

Однажды мы вошли в сожжённую деревню. Смерд испепеленных тел стоял в воздухе. Пепел покрывал землю и носился над головой, как демон, который питается духом войны и, удовлетворив свою утробу, ложится на землю, свернувшись, точно змея. Посреди огромного пепелища стоял мальчик лет семи. Черноволосый, оборванный, грязный и босой. В руках он держал отрубленную солдатами голову своего отца, он держал ее за волосы, и кровь капала темными каплями, а глаза мальчика горели красными углями, как у волка.

Дядюшка Ли молча подошел к мальчику. Взял у него из рук страшное сокровище, и так же молча закопал в землю. Потом, ничего не говоря, сел возле мальчика, знаком приказав мне сесть рядом с собой, и просидел так весь вечер, всю ночь и всё утро. Когда солнце встало прямо над головой, он поднялся, взял мальчика за руку и повел за собой.

Позже Вэй И говорил, что если бы дядюшка Ли сказал хоть слово, он или убил бы его, или убежал и погиб сам. Но дядюшка Ли знал Великую науку: когда нужно говорить, когда молчать. Ибо молчание важнее пустых слов.

– Молчи, – повторял дядюшка Ли, – и Дао само придет к тебе; когда ты весь погрузишься в себя, бесконечность находит тебя.

Со временем дядюшка Ли стал обучать медитации и меня, и Вэй И. Мы были хорошими и послушными учениками, потому

что любили его. Он заменил нам родителей и предков, учителей и друзей. У нас была своя маленькая семья, в которую мы – я и Вэй И, не хотели никого допускать. Часто, когда дядюшка Ли помогал кому-то, мы ревниво следили за ним. Нам он давал очень много, а мы хотели еще и еще.

Меня дядюшка Ли обучал пению, как я уже сказала. Со временем к традиционной китайской опере он прибавил и итальянские арии. Очень сложно было переходить от одного к другому. Голос переставал слушаться, но я так почитала дядюшку Ли, что старалась сделать невозможное. Для Вэй И он нашел другой путь. Он обучал его древним танцам, а для разминки мы каждое утро часа два делали гимнастику и изучали приемы и движения из боевых искусств монастыря Шаолина.

Казалось, дядюшка Ли знал и умел всё. Однажды я пренебрегла почтением и прямо спросила его, когда он всему обучился.

– Знать всё невозможно, – улыбнулся дядюшка Ли. – Я вернулся на берега Жёлтой Реки совершенным невеждой. Не знал ни традиций, ни культуры, ни ремёсел, ни искусств. Поняв это, я отправился в монастырь Шаолинь на послушание и провел там пять лет. Из двадцати четырех часов, которые даны человеку, двадцать часов я учился, а если уставал или монахи отдыхали, я играл на скрипке. Мое трудолюбие заметили и постарались дать мне так много, как я мог усвоить. Я уже стар. Скоро я пойду по пути предков. Я хочу дать вам, моим приёмным детям, всё, что дали мне и монахи в Европе, и монахи Шаолина.

Весной, когда расцветает вишня, берега Жёлтой реки особенно прекрасны. На закате воздух нежен и чист. Часто, пройдя долгий путь, мы усаживались под бело-розовой шапкой цветущего дерева. Доставали лепешки и чистую воду и любовались таинственным жёлто-палевым закатом, отражённым в реке тысячу раз.

В такие минуты дядюшка Ли объяснял нам, что человек, чей внутренний взор не замутнен страстями и желаниями, чьё сердце подобно вот этому чистому ровному зеркалу вод, отражает в себе всё – от близкой пагоды до далекой звезды. Когда человек достигает столь высокой ступени обуздания и погружения, то он способен овладеть самым недоступным, самым неуловимым, сокровенным. Для его духа нет преград, он может опуститься по лестнице времён к первоначалу мира, когда Предвечное Имя еще не прозвучало.

– Если вас обуревают желания и страсти, – говорил дядюшка Ли, – научитесь смирять их. Иначе вы не овладеете сокровенным. Замутненному зеркалу вашего сердца будет доступно лишь бытие, вызванное к жизни Именем вещи. Но Бытие и Небытие есть тайна – высшее знание дается лишь проникновением в Тайну из тайн.

Вэй И долго не хотел ни слушать, ни слышать, ни смириться.

– Кругом война и боль, – говорил он, глаза его сверкали, и он вновь напоминал раненого волчонка. – А ты предлагаешь мне забыть кровь, струи которой текли из отрубленной головы моего отца, и распоротый кинжалом живот моей матери. Недеяние хорошо для тех, кто погружён и удален от мира. А что делать тем, кого мир вещей коснулся кинжалом или пулей?

– Постигни Дао. Ведь Дао это не только Дух первоначальный, начало Пути, но бесконечное милосердие.

– Милосердие! А где оно? – в такие минуты гнева Вэй И удалялся от нас, бросал в досаде камни в воду, чтобы замутить зеркало вод.

Я так любила дядюшку Ли, что сердилась постоянно на Вэй И, но дядюшка только улыбался и гладил меня по голове.

– Послушай, что говорит Старец с Берегов Жёлтой Реки, – обращался он к Вэй И. – «Когда отверзаются уста и вздымается язык, горе и немощи неизбежны. Не лучше ли сосредоточиться на внутренней благодати, пестовать и возвращать духовное Семя и Дух, возлюбить ци и говорить реже».

– Да, – вздыхал Вэй И, – если бы весь мир так думал и был так устроен, я бы первый поклонился Дао, потому что все были бы такие, как ты, дядюшка Ли. Но десятки лет Великой войны говорят мне о другом.

Прошли годы. Дядюшка Ли постарел, но был всё так же добр и приветлив. Я и Вэй И достигли совершенства в своём деле. Мой голос звучал звонко и нежно, выражая все оттенки чувств, которые я хотела передать. Часто мне легче было спеть, чем сказать, и я видела, как радуется дядюшка Ли, слушая мой голос. Вэй И научился превосходно управлять своим телом. Он стал рослым красивым юношей с густыми чёрными волосами и совершенным телом. Мои маленькие груди набухали, когда он смотрел на меня.

Вэй И внимательно изучал всё, что давал ему дядюшка Ли, но так и не смог смириться с бесчинствами и опустошением,

царившими на берегах Жёлтой Реки. Он часто цитировал любимый стих из Лао Цзы:

Когда Великое Дао пришло в умаление,
Явились «милосердие», «справедливость» и «долг».
Когда вышли наружу мудрость и знания,
Возникла большая ложь,

Когда между родственниками воцарились раздоры,
Возникли «сыновья почитательность» и
«родительская забота»,
Когда в стране начались беспорядок и смута,
Явились «верные подданные»...

Эти горькие строки так отражали чувства Вэй И!

Со временем мы стали частью легенды о дядюшке Ли. К счастью, никто из посторонних не догадывался, что испытывали мы, его приёмные дети. Потому что для нас пришло время любви, и она расцвела, как цветок хризантемы, — пышно и ярко. Мы больше времени проводили друг с другом, чем с дядюшкой Ли. Мои глаза не могли оторваться от Вэй И, а он, сидя у моих ног, читал любимые стихи, чаще всего Ли Бо:

Твой, словно облако, наряд,
а лик твой — как пион,
что на весеннем ветерке
росою окроплён.
Коль на вершине Цюньюйшань
не встретился с тобой, —
увиджусь у дворца Яотай
под светлою луной.

Мне льстило, что стихи, посвященные одной из самых красивых женщин Поднебесной Империи, теперь предназначались мне.

Мы продолжали свой путь, но теперь он был для меня вдвойне приятен и легок.

Между тем, что-то изменилось вокруг. Все меньше воинов попало на нашем пути, все больше полей было засеяно рисом и пшеницей. Воины, наслышанные о нас, почтительно уступали нам дорогу. Произошло чудо. Дядюшка Ли, вооруженный только своей скрипкой и своими знаниями, одержал Великую победу. Он даже выпрямился, как струна на его скрипке. Его слова и дела разили вернее, чем стрела, пущенная из лука.

Сколько бы ни длилась война, она когда-нибудь кончится. Закончилась и эта страшная война, длившаяся 50 лет. И победу одержал дядюшка Ли, потому что Дао дышит во всем. Именно это понимание сумел вернуть дядюшка Ли народу.

Великое Дао разлито повсюду,
Оно может быть и справа, и слева,
Все сущее произрастает на нём безотрывно.

Выполнив свою миссию, дядюшка Ли почувствовал себя уставшим. Мы купили маленький домик на берегу Жёлтой Реки и наслаждались покоем и тишиной.

Весною во дворе цвели вишни и яблони, а осенью расцветали хризантемы. Но более всего радовали яркие пионы, в которых утопал наш маленький сад, и небольшой ручей, протекавший через него к берегам реки. Дядюшка Ли целыми днями сидел у ручья, в тени деревьев, и лицо его были умиротворенным и просветленным. Три спокойных года, насыщенных взаимной любовью и размышлениями, поэзией и музыкой, провели мы в этом доме. Но ничто не вечно в подлунном мире. Когда-то мы все вступаем на Вечный Путь.

Вчера мы похоронили дядюшку Ли. Сотни людей пришли проститься с ним. Я спустила урну на воду, укрыв ее цветами белых лилий. Так хотел дядюшка Ли. Вопреки обычаю и учению Дао, я плакала, жалея о расставании, и не скрывала своих слез.

Сегодня я проснулась в объятиях Вэй И. Его черные волосы перемешались с моими волосами. Руки и ноги наши сплелись, как ветви ивы, колеблемые ветром над водой.

— Когда я погружаюсь в тебя, — шептал он мне, — я словно опускаюсь в чашу лотоса и, опьяненный его ароматом, чувствую мир как единое естество.

Раньше я видела прекрасные закаты. Теперь я увидела прекрасный рассвет. Багровое солнце выбросило яркие лучи на горизонте, а потом внезапно поднялось над рекой, золотое, заставив светиться золотом всю Жёлтую Реку. Золотой рассвет прекраснее и дороже всех богатств мира, потому что он — это поцелуй Вэй И, нежное прикосновение его рук, трепетный ветерок его дыхания. Я с благодарностью подняла глаза к небу и увидела в облаках весёлую улыбку дядюшки Ли.

Наталия Юлина

КИТАЙСКИЙ ДНЕВНИК

Главы из романа «Чокан Валиханов»

ЮРТА

Посмотришь, все люди идут караваном,
И негде им стать долговременным станом.
Юсуф Баласугунский
«Знание, дарующее счастье» (бейт 1386)

Нет, это не Валиханов, посмотри получше, это инженер-строитель, видишь, они с Бекком прошли в мастерскую... А мы поднимаемся вверх к памятнику, чтобы увидеть все сразу, понять замысел архитектора. Жара, и чугунный Чокан притулился к холму, как казанская сирота. Стихийный солнечный террор. Даже истукан, кажется, трепещет.

Здание слышится мелодией, по казахской традиции, идущей от пяток, но не такой уж сложной. Мы, по русской традиции, слушаем мелодию как недоступную в принципе.

Когда спускаемся, жара оглушает, и мы входим в музей пустые. Лишь на Шолпон и погода, кажется, никак не влияет. Гордое, напряженное лицо девочки, попавшей в переделку. Когда еще и попадать в переделку, как не в детстве. В зрелом возрасте переделать тебя кто захочет, вернее, кто сможет?

Сразу за нами двери музея. Бек открывает их, за ним его свита. Бек окликнул: «Шолпон». Что с лицом ее стало! Взгляни – красота. Другие глаза, рот. Нос, кажется, тоже на глазах хорошеет. Вмиг девушка оказалась рядом с кумиром. Но тотчас, два слова услышав, к нам возвратился усталый боец после боя. Погашены чувства, ус-

нули стремленья, воля в кулак, чтоб хотя бы себя не утратить. Что-то тихо сказала Сереже, он не расслышал, пришлось повторить.

Любопытство мучило меня. Улучив минуту, когда Сережа оказался рядом, а Шолпон отошла рассматривать костюм XIX века, спросил у юноши, что такое Бек сообщил своей поклоннице. Сережа очень твердо, хотя и вежливо, ответил: «Она не поклонница, она ученица. Бек велел уезжать ей со всеми сегодня. Шолпон мечтала поработать рядом с учителем». — «Что ж так?» — спросил я. Сережа пожал плечами, улыбнулся: «Нет посадочных мест».

И тут подходит к нам Бек. Я почувствовал себя неловко. Хотя музей определенно нравился, но говорить комплименты мне не по вкусу.

Бек и не требовал никаких восхищенных восклицаний. Сначала несколько слов Сереже, что-то про ракурсы и углы наклона. Потом приблизился к Шолпон, что-то ей сказал, отошел. Шолпон горела ярким, багровым пламенем. Мы, невольные свидетели сцены, старались не смотреть в их сторону. Но в этот момент Бек исчез, кажется, надолго, если не до конца дня.

Итак, мы внутри музея, и нам нет дела до отношений современников. Помещение устроено, как винтовая лестница, — вокруг центра. Все колючее, ежистое, современное, временное, сверкнув белой полосой, остается за порогом. Полумрак, прохлада, ничего яркого, раздражающего. Мы вошли в убежище, имя которому юрта.

В центре узел нарядных веревок с массивными кистями, как на знаменах. Потолок, вылетев из центра, то падает на вас, то взмывает к небу. В местах низкого потолка можно ложиться спать, тем более что под ногами мягкий ковер, — вы уже чувствуете потолок как покрывало. Там, где потолок поднят, ощущение воздуха и неба. Кажется, юрте не будет конца, мы взбираемся все выше и выше, и самое интересное впереди, хотя, может быть, не на прямом пути, а как-нибудь в сторону. И шаги, и звуки голоса пропадают в момент появления, потому что все затянато коврами и полотнами. В этом неотражающем, сноподобном мире бессмысленны условности, ибо вы внутри одной из них, и собственная непредсказуемость вставлена в правила игры. Музей настраивает на восприятие самого себя. Слушай, как отзывается твоя душа на этот полусумрак, на эти проверенные традицией порции воздуха, на символы в орнаментах

и культовые предметы. Ведь ты не знаешь их значения, тем легче тебе. Ты увидишь просто линии рисунка, просто веревки и кисти, просто копыта и конские черные волосы на них, и неразгаданность чужой жизни будет шевелиться в тебе и расти от эмбриона заинтересованности, что в тот день зародился, до самостоятельной черты твоего характера, черты уважения и восхищения другими народами, другой жизнью.

Возвращаемся. Сойдя с ковра и обувшись, выходим. Сразу придется закрыть глаза, потому что солнце, хотя и прикрытое легким облаком, до такой степени обелило пространство, что зрение его больше не воспринимает. Тот самый дуб оказался единственным деревом в округе. Валиханов на холме упирается затылком в знойное марево и, кажется, не приходит в себя. Белый песок крошится в белую пыль, и пылью накрахмаленный воздух топорщится и царапает кожу. Жарко не той ослепительной, ясной, трезвой жарой, обыкновенной в этом климате, но толчками и прилипаниями жара идет по жилам, по коже, по волосам.

Перед музеем работает бульдозер, то и дело скрываясь в клубах пыли под оглушительный грохот. Мы, и с нами Шолпон, ныряем в пыль и выныриваем из нее. Шолпон превратилась в девочку в ситцевом платье. Жара не позволяет людям надолго задерживаться в выдуманном, будь то чувство превосходства или холодное презрение. Впрочем, очевидно, любовь размягчила сердце юной поклонницы.

Любовь, неразделенная или разделенная формально, может, если она переживается долго, переделать характер. Любовь, вообще-то, может все. Может замкнуть человека на себя, может, наоборот, открыть его миру. Может ожесточить, может размягчить. Может, наконец, разбудить в человеке гения, может — зверя. Шолпон сделалась человеком. Ее простые мысли, просто выраженные, производят больше впечатления, чем напускная серьезность. Правда, излишняя целеустремленность осталась, и в этом есть опасность, что, перерастая собственные эмоции, человек начисто отвергнет себя прежнего или усомнится в своем ближнем. Скажет, да, это была не я, или да, теперь это не он. Он это, он. Да и ты тоже все ты.

Снаружи становится невыносимо, и мы ищем спасения внутри музея. Теперь, входя в музей, ощущаешь духоту на клеевой под-

кладке. Исчезли люди, а вначале было их много, что-то прибавали, сновали с разными предметами. В низкой части пространства лежит на спине рабочий, он клеил покрытие пола, да на ковре устланной приступке неподвижно сидит второй. Мы же, не ощущая себя в привычной обстановке, не живем, а мыкаемся, не думаем, а квасимся.

Бесцельно брожу по музею. Вот на копье висит длинный пучок жгуче-черных волос. Подхожу ближе, протягиваю руку. На ощупь волосы как жесткая щетина. Нюхаю. Слышу запах пыли, но вместе с пылью, через нее, пробивается что-то дикое, кровавое.

Показалось? Нет. Приближается топот, стук, ляганье, крики людей. Надвигается пыльное облако. В носу щекочет. Чихаю. Облако оседает, конница промчалась. Вокруг меня только запах пыли, стрекот кузнечиков. Падает, как надвинутая шапка, небо.

ТЕНГРИ

Мне плоть моя шлет много трудных задач,
То смех от нее мне дается, то плач.

Юсуф Баласугунский

«Знание, дарующее счастье» (бейт 3595)

Нет, оно не падает. Где бы ты ни был, что бы ни сделал, небо на тебя не падает. Интересно, чем выше поднимаешься в горы, тем выше делается небо. Там оно высокое, недостижимое. А здесь? Здесь небо очень близко. Оно как платок, накинутый на людей. Защита от злых духов, от злого глаза.

Степь – это высшее достижение Создателя. Разве сравнится с ней лес? В лесу твое сознание все время обо что-то ушибается, прерывается. То на болото наткнется, то на пень. Или горы. Горы – это постоянная борьба. Жизнь свою держишь сжатыми зубами, отпустил – и нет жизни.

Зато степь – просто свобода. Раскаленное сухое пространство. Нет ему конца-края. Нет ему ни смерти, ни рожденья. Сама вечность дышит то благоуханием трав, то черным смертельным жаром. Если ты рожден в степи, то, кем бы ты ни был, счастье твое в необъяснимой радости скачки. Лошадь и ты – вы единой энергии

трепет. Мощь отцов и нетленная тайна вселенной вас несет над землей. Только так вместе с духом бессмертным Аблая узнаешь ты себя, и народ, и священную волю светил. Все мужчины и женщины знают про это с рожденья. Отчего же султану Аллах повелел все про это забыть? Чем он хуже других?

«Чем я хуже? Почему мне нельзя так же, как братьям, как любому простому человеку в степи, скакать, скакать до изнеможения, до засыпания в седле? Вот и скачи себе. Только внутри каравана. Только внутри всех этих условий, условий, условий. Нельзя – странное слово. Для казаха вдвойне. У русских много бессмысленных нельзя. Почему нельзя? Может быть, это правда – звезды? Звезды ведут судьбу мою. Я должен доказать, что достоин своего великого прадеда, кровь Аблая недаром течет в моих жилах. Я должен преодолеть все, и тогда судьба выведет меня наверх. Наверх, в гору.

Идешь. Воздух прозрачен, ни тумана, ни испарений. Легкие, почти бесплотные травы, легкие перья облаков. Легкость преодоления. Ты все туманное, мутное, вонючее превзошел, оставил внизу. Оставил овцам, пастухам, женщинам. Здесь другое. Другая радость, другая печаль. Ты приблизился к Богу, Небу, Тенгри.

Тенгри не шутит, и если у тебя мало сил – ты погиб.

Есть выход, – можешь спуститься. Но если ты покинул выси, жизнь такая рутинная, брэнная, бледная. Все, все бессмысленно, безмысленно; бежит, не двигаясь, густеет, а пустота. Но в этой пустоте, внизу твоя мать, ее добрые пальцы, коснувшиеся лица. Отец, братья. Все, все твои. Ты их. Ты – они. Рассыпанные всадники, летящие в разные стороны, у каждого свой путь, но все пути в твоём. Ты – трава, сухая, мертвая, но в дождь живая. Ты – трава, шелестящая, летящая, бьющая-бьющая, пьющая ночной туман, холод. Исчезающая, выжженная трава.

Брось, ты такой маленький, и так страшно все вокруг. Китай. Убьют ведь. Сам хотел. Опасность. Неизвестность. Это все для меня. Это написано в моей судьбе. Я знаю, что справлюсь со всем. Я утру нос этим тухлым гасфортам. Обо мне будут знать в Европе. Елена сойдет с ума, когда я уеду в Париж. Папаша ничего не поймет, ему надо быть старшим султаном, Европа ему безразлична. Федор Михайлович обрадуется. Вот кто теплый человек. Может быть, как он задумал, книгу напишу. Настоящую, как у него...» Так думал

Валиханов, теперь купец Алимбай, сидя под большим вроде бы дубом, на всю окрестность единственным деревом, пока его люди распрягали лошадей, отгоняли подальше овец, ставили юрты.

Только начали готовиться на дневную стоянку, а Алимбай уже ускакал. Еще не успело солнце коснуться раскаленным краем остывающей земли, как он появился. Перед ним на коне сидит девушка, почти ребенок, худой и перемазанный грязью, в нечистом халате. Первыми увидели всадницу погонщики овец. Они остановились и зацокали языками. Караван-баши Мусабай улыбался. Алимбай так ничего и не объяснил. Купил ли он девушку, украл ли, или она сама убежала из дома, спутники так и не узнали.

Уже на следующий день она оказалась другой. Не красавица в смысле канонов казахской культуры, но русский глаз был бы поражен скульптурной тонкостью лица, наивным и отстраненным взглядом широко поставленных узких глаз. Девушка прижилась. Пастухи, то ли в шутку, то ли из уважения к Алимбаю, звали ее «апа» — мать.

В первую ночь он был счастлив. Они отошли от лагеря и наткнулись на огромное дерево перед небольшим холмом. Он говорил девушке забытые, родные слова. Шолпон едва исполнилось тринадцать, но в степи это уже девушка. Девушка с родным запахом, родным голосом.

Постепенно Шолпон сделалась тенью Алимбая. Она боялась остаться без него даже на минуту. Из всего запаса добра в караване для Шолпон подошла только одежда мальчика-погонщика, сына пастуха. Всадница ничем не отличалась от пастушка, кроме головного убора, платка, под ним она прятала густые длинные волосы. Как все казахи, родившиеся, кажется, на коне, а к семи годам уже настоящие мастера верховой езды, она держалась в седле так, будто ее хрупкое тело выросло из лошади и в любой ситуации оставалось с нею единым целым. Зато горные тропы и изнурительно долгие переходы она переносила тяжело. Ни одной жалобы от нее никто не слышал, но лицо ее каменело от напряжения и делалось землистым.

Чем выше они поднимались, тем больше росло ощущение, что они уходят под землю. Если внизу было нарядно, радостно, свободно, весело, занято, любопытно, то здесь просто мрачно. Многоцветье сменилось одним серым: от белого до черного. Долина раздвинулась и стала огромной преисподней: гигантские куски черного крошились

в серый бесхозный мусор. Вода тоже была неприкаянной. Она не знала, куда течь, и перетекала из пустого в порожнее. Снег желтоватыми ватными ошметками валялся в узких щелях.

Но стоило остановиться на день в каком-нибудь месте, где ни кусты, ни деревья уже не росли, а разреженный воздух и высота заставляли сердце бешено биться от небольшого даже движения, как Шолпон снова делалась беззаботной девочкой, как будто чем больше были преодоленные трудности, тем больше ее опяняла радость от того, что они позади. Лиловое небо высоты, недостижимо прекрасные белые вершины, стоящие вокруг, все было Алимбаем, потому что все было божеством. Это божество любило Шолпон, и она удивлялась этому.

А для него унылые, однообразные, многочасовые морены, чередование грязного снега и черных сыпучих камней – все, благодаря присутствию Шолпон, приобретало пятое измерение, измерение, может быть, не счастья, но предвкушения счастья. У него было не понятное ему самому чувство возвращения в детство и одновременно наступления будущего.

Караван-баши решил заняться торговлей. Нужно было продать чугунные тяжелые котлы, они портили спины вьючным животным. Расплачивались киргизы привычными «деньгами» – овцами. В восставшем Кашгаре, по слухам, овцы были в цене.

Начальники кошей разошлись по разным аулам. Алимбаю досталось кочевье Бурсука. Дальше мы будем цитировать дневник Валиханова. Часть его он отправит домой вместе с казаками. Казачий отряд провожал караван до границы.

Вот отрывок из дневника:

«7 августа 1858 г.

Мы с Шолпон вошли в юрту. Бурсук сидел к нам лицом на почетном месте, под ним стеганный войлок за неимением ковра. Справа от хозяина на телячьей коже сидела его жена. Она благосклонно кивала нам, ничего не говоря, потому что рот ее был набит табаком. Слева от входа в юрту сидели дочери Бурсука. Там же села Шолпон, наряженная по этому поводу женщиной.

В честь гостей Бурсук приказал зарезать барана. Барашек, хоть и плакал, был зарезан прямо в юрте, освежеван, и скоро над очагом закипел котел с мясом.

Народу набилось много, ведь по обычаю гость обязан положить первый кусок в рот каждого присутствующего. Голодные собаки собрались на том месте, где резали барашка, и с лютым аппетитом обнюхивали пол. Неподвижные до того лица людей оживились, глаза заблестели, киргизский артист заиграл на балалайке и запел «доит, доит».

Вечером в нашу юрту набилась молодежь. Парни и девушки затеяли игру. Девушка выбирала парня, и он должен был или исполнить какой-нибудь трюк, или спеть песню. Предпочиталось второе. Юноша, как правило, с нескольких попыток взять нужный тон наконец исполнял песню, идущую от пяток. Если удачно, получал от девушки сочный поцелуй, в противном случае – тумачи.

Шолпон плохо понимает по-киргизски. Киргиз-кайсаки, т.е. казахи, и дикокаменные киргизы, т.е. собственно киргизы, говорят на татарском, как у нас принято называть все тюркские наречия, но есть разница в произношении. То же можно сказать о бухарцах, причем как западных, так и восточных, проживающих в Алтышаре, куда мы направляемся. Я несколько раз жил среди дикокаменных киргизов и даже добирался до столицы Западной провинции Китая Кульджи, где много жителей Алтышара, поэтому языковые трудности для меня почти не существуют. Для Шолпон, слышавшей речь только своего аула, уловить смысл тяжело. Но она, сидя в сторонке, светилась счастьем, на лице разгорелся румянец, руки она то прижимала ко рту, то ладонями стучала по земле. Я радовался больше за нее, чем сам по себе...»

Как-то ночью Алимбай проснулся и обнаружил, что в юрте нет Шолпон. Он вышел. Шолпон сидела рядом с юртой, спиной к нему. Голова её была запрокинута, но, услышав шорох, она вздрогнула и быстро обернулась. Тихо прошептала одно только слово «Тенгри».

Алимбай устроился рядом на камне и обнял девушку. Звезды там, где их много, казалось, прятались в тумане, а там, где между тяжелыми, кособоковыми светилами виднелось синее нечеловеческое пространство, и было то место, где жили теперь предки.

Если не молиться, трудно долго смотреть на безлунное, звездное небо в горах, тем более трудно говорить. Но Шолпон сказала: «Странные звезды. Я вижу, они не любят меня». Алимбай крепче прижал к себе девушку, но она отодвинулась и заплакала. Ему

никак не удавалось остановить поток ее слез, и пришлось увести ее, плачущую, в юрту. В эту ночь он чувствовал себя скорее отцом девочки, заблудившейся в бездне неизведанных чувств и мыслей.

Через три недели путешествие продолжилось. Вот подошел караван к Иссык-Кулю. Разбили лагерь недалеко от воды. Небо чистое, а над невидимым берегом могучие кучевые облака. Пастухи объяснили, что это не облака, а горы. Белые-белые вершины над облаками так высоко, что если не знаешь, то не поймешь, что это горы.

Совершили намаз. Наступила тишина. Стемнело. Вода еле плещется. Костер пахнет совсем не так, как в степи. Вплелись какие-то мелкие травки. Наркотики? Уходить от костра не хочется. Что-то черное, дышащее враждебно, окружает людей. Пробирается между сидящими поближе к огню, слушает речи. Дерево не дерево, чернеет-исчезает туда, в сторону гор. Туда за перевал, в степь. Чокан не хочет в Китай, не хочет в высокие изнурительные горы. Он хочет домой. Хочет скакать на коне. Скакать на коне. Под звездами, под знакомыми созвездиями, они все пристальней вглядываются в него.

Он смотрит на Шолпон, смотрит на Шолпон. Последнее время близость с Шолпон не дает успокоения. Скорее наоборот, чувства обостряются: выходишь из юрты и видишь, что вся природа делалась живой. Ветки-руки дерева тянутся, тянутся, не к тебе, но сквозь тебя, насквозь, навывлет. Тебя-то нет, а они есть, они будут, они будут всегда, они встанут вместо тебя. Разум в них древесный, могучий, тянущий-тянущий. От того, что он видит, а вернее, от того, что творится с растениями, он сжимается, раненный своим несовершенством, своей незащищенностью, своим несоответствием травам, листьям, скалам. Своей нелепой отчужденностью от самого себя. Как будто меняется зрение. Он видит другое. Это другое пугает.

Из архива Третьего отделения:

«...За прошедшую неделю хозяин никаких особых действий не предпринимал. Достаточно активен, хотя часто не вникает в бытовые проблемы экспедиции. Его кош предоставлен самому себе...»

Кош – это часть каравана, принадлежавшая купцу Алимбаю. Караван составлялся из нескольких кошей, у каждого был

свой хозяин. Над всеми кошами стоял караван-баши Мусабай. Осведомителем был Махмуд – маленький морщинистый уйгур. Он ведал провиантом, в разговоры с Алимбаем не вступал и вообще не был на виду. Донесения поступали, пока караван продвигался к китайской границе, после ее пересечения связь прекратилась.

Когда до китайских пикетов оставалось несколько дней хода, Шолпон исчезла. Как и в какой момент это произошло, никто не мог сказать. Две недели караван не уходил из становища дикокаменных киргизов по просьбе Алимбая. За это время он пережил, кажется, больше, чем за всю предыдущую жизнь. С большим трудом он узнал, что девушку выкрали по приказанию кокандского чиновника, приехавшего в кочевье для сбора налога. Когда Алимбай пытался объяснить с ним и даже соблазнить большим подарком, тот сделал вид, что не понимает, о чем идет речь. Он натолкнулся на стену. Последние пять дней он почти не выходил из юрты.

Из докладной записки Махмуда:

«...Воля его парализована. В некоторые моменты он не понимает обращенных к нему слов. Однажды, когда хозяин вышел на охоту, пастухи, оказавшиеся недалеко, услышали жуткий, звериный крик. Подбежав, они увидели, что хозяин неподвижно сидит на камне. Рядом никого не было...»

Две недели прошли, и караван снова пустился в путь.

Рано утром, когда сумерки в юрте мало отличались от ночной темноты, Чокан вышел наружу. Сделав несколько шагов, он остановился. Камни и глиняные наносы – все было холодного синего цвета. Он взглянул вверх. Прозрачное небо с двумя неподвижными лучистыми звездами. Восток чернел огромными горами. На границе с лимонно-желтым небом они светились лиловым. Вся долина, вся земля вокруг вместе с восемью маленькими юртами, казалось, находится в большой синей яме. Постепенно глина вслед за небом стала лиловой, потом темно-кирпичной. Он будто перестал видеть и ощущать, превратившись в кусок глины, такой же, как кругом.

Вышел из этого состояния легко, с чувством собственной бесконечности, но дрожа от холода. Вернулся к себе в юрту.

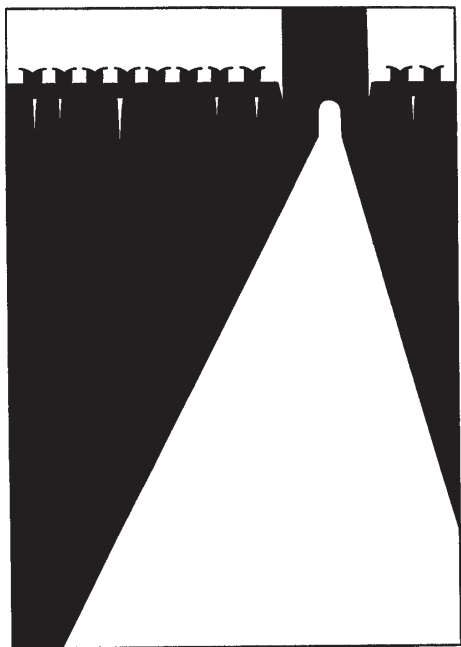
Александр Лаврухин

Графика

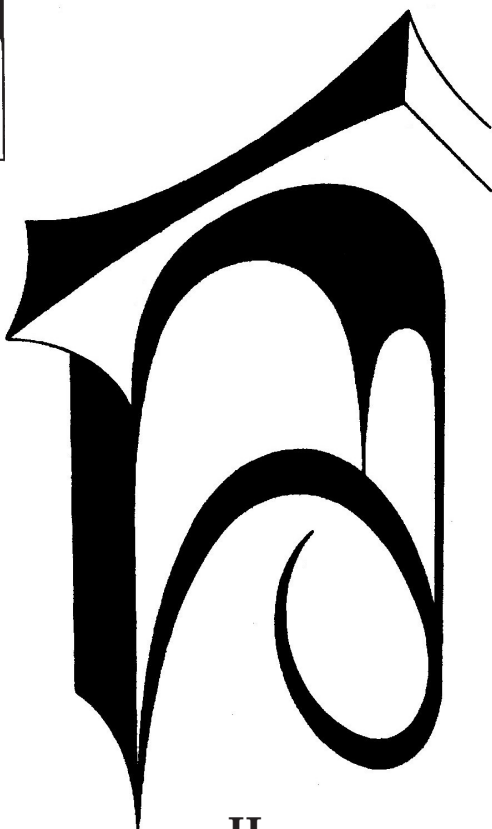

Графический аккомпанимент к «Слову о полку Игореве»

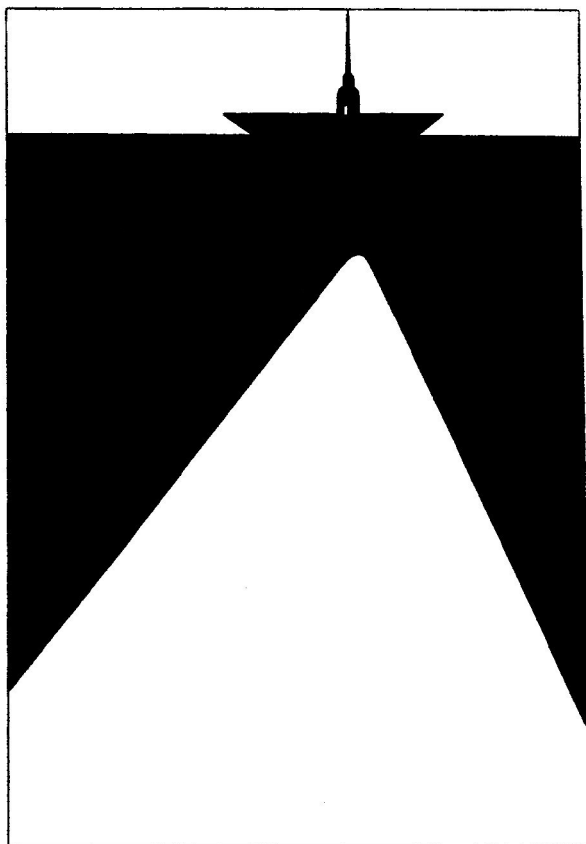
Образы
пространства

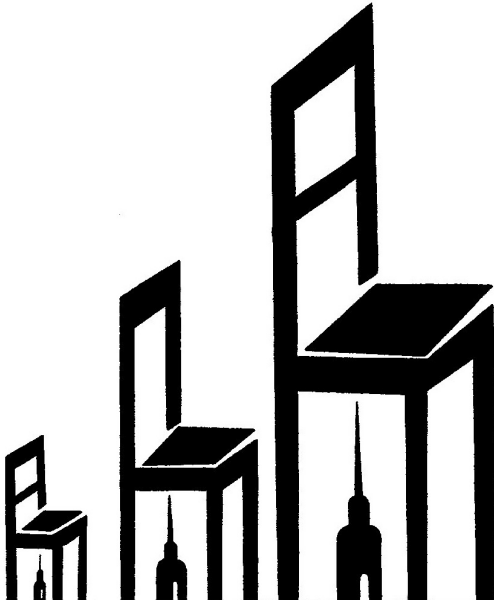
I

II

III

IV

141

V

Андрей Цуканов

Поэты Нью-Йорка
Живут в Нью-Йорке
Говорят на английском
Пишут стихи на русском
И летают в Россию
Как перелетные птицы
Читать
Свои стихи

Нет поэта в своем отечестве

Сижу
Думаю
Мысль

А что если
Россия прилетит в Нью-Йорк
Куда тогда
Полетят
Поэты Нью-Йорка.

Столько лет заполнял я канистры
Невидимыми миру слезами
Слезинка за слезинкой
Соленые — как кислота соляная
Пробовал на себе — так и есть
А когда иссохла последняя капля терпения

Взобрался на крышу одного из жилых
Монстров мегаполиса
Затащил туда две канистры
И планомерно шагая вдоль крыши
Возвращал обратно миру
Невидимые ему слезы
Соленые – как кислота соляная
Пока запыхавшиеся от лестничной беготни полицейские
Не прервали затянувшийся перформанс
Интересно, кого они спасали и от чего
Экспертиза от химии показала, что в канистрах
Была чистейшая питьевая вода Poland Spring
Экспертиза от медицины показала
Что я здоров во всех отношениях
Дай Бог каждому
Поначалу меня хотели осудить по какой-то статье
Но прошли многолюдные демонстрации
Те, на головы которых я лил
Невидимые миру слезы
Соленые – как кислота соляная
Согласно экспертизе – чистейшую питьевую воду
Многолюдно выступили в мою защиту
И многолюдно приветствовали меня
Когда я вышел – свободный, как птица
И молча смотрел на небо и не мог оторвать от него глаз
Ведь я пробовал на себе действие
Невидимых миру слез
Соленых – как кислота соляная
Ведь я, стоя над бездной, собирался
Слившись с последней их каплей
Шагнуть вниз
А когда я отвечал на дружественные приветствия своих защитников
То вдруг представил себе
Как бы я удивился, когда, летя вниз вместе с последней каплей
Невидимых миру слез
Соленых – как кислота соляная
Попробовал бы ее языком и обнаружил вкус Poland Spring
А потом мы многолюдно пошли в паб

Пили пиво, виски и кока-колу
Закусывали креветками, гамбургерами и картошкой

А сейчас я сижу под дождем в цветущем сквере
Рядом с тем самым жилым монстром мегаполиса
Смотрю на дарящее влагу небо
И не задаю ему глупых вопросов
Смотрю на подрагивающие под напором капель листья куста
С красивыми белыми цветами

Сижу
Думаю
Мысль

Никогда больше не буду покупать канистры
И уж тем более утомлять себя подъемом
На чертов шестидесятый этаж.

Когда в феврале этого года
На Лонг-Айленде выпал снег
Все очень удивились
Особенно удивились гуси

Эти гуси бродят по Лонг-Айленду
Цельми стадами
Оккупируют футбольное поле хай скул
Недалеко от моего комьонити
Гуляют по лужайкам вокруг офиса моей работы
В общем ведут себя по-хозяйски
А ведь всего-то сезонные иммигранты из Канады

И вот в феврале по ним ударило снегопадом

Какого хрена?!
Было написано на их клювах

Все это мы могли получить и в Канаде
Не напрягая крыльев
В общем, их возмущенное шипение
Было вполне справедливым

И я вспомнил

Двухнедельной давности
Разговор двух русских баб
Тоже из иммигрантов
Учащихся на английских бесплатных
Курсах для приезжих
В той самой хай скул
Какие красивые гуси, – сказала одна
Любуясь проходившим мимо гусаком
Огромным важным, полным мужской энергии
Да-а красивые, – ответила другая
Вот бы такого зажарить в духовке
И любовно посмотрела вслед удаляющемуся гусаку.

Каждый раз
Собираясь открывать фейсбук
Этот публичный мультидневник
Испытываю внутреннюю неловкость
Словно собираюсь подглядывать

Открываю
И на меня обрушиваются
Цунамища-цунами-цунамчики-цунамишки
Душевного и умственного стриптиза

Все
Рекламируют
Всё о себе
А если о другом

Это тоже о себе

Сижу
Думаю
Мысль

Человек – саморекламирующее существо
Homo self-advertising
Это доказал фэйсбук

Появляющееся вдруг на экране
И что-то там рекламирующее
Красивое обнаженное тело
Воспринимается
Как очищающий глоток
Свежего воздуха.

Решив однажды утром подышать
Свежим воздухом
Я зашел в городской зоопарк
И бесцельно побрел вдоль вольеров
Огороженных мелкой сеткой
Чем-то напоминающей о колючей проволоке

У вольера, обнесенного особо мелкоячеистой
В два ряда, между которыми было около полуметра, сеткой
Я остановился
Не в силах оторвать глаз
От чернеющего за мелкоячеистым барьером
И потому ставшего малоузнаваемым
Но я-то узнал сразу
Квадрата Малевича
Принявшего вид огромной свернувшейся кошки
«ПУМА» – было написано на прикрепленной к сетке
табличке

Внезапно черный квадрат зашевелился
И на меня глянули его зеленые глаза

И я вспомнил

Несколько лет назад
Я дней пять прожил
В горах Северной Калифорнии
В православном монастыре
С особо строгим уставом
Там не было даже электричества
А в окрестных лесах
Мне так рассказывали
Водились пумы

Однажды после вечерней службы
При свечах и лампадах
Я шагнул сквозь черный квадрат дверного проема
На тропинку
Ведущую в дом для паломников
Она повела меня – в темный лес
И – оказалось – к чуть слышному звуку
Мягкой поступи лап – за спиной
Никогда в жизни
Ни до, ни после
Я так не бегал
Как тогда – от зеленых глаз
К светлomu квадрату дверного проема
Превратившемуся за моей спиной в черный квадрат
Из которого на неяркий свет оплывающей свечи
Приветливо помахивая хвостом
Вышла большая монастырская собака

Да, собака – верный друг и спутник хомо урбанис.

Андрей Цуканов, Людмила Вязмитинова

ГУСИ-ЛЕБЕДИ

Мой муж, известный частный детектив Майкл Горбов, до недавнего времени известный также своим пристрастием к вкусной и обильной еде, решил похудеть. Спору нет, наблюдать, как уменьшается его весьма объемистый до того живот, было радостно. Но совершенная радость существует только на небесах. Через некоторое время я поняла, что блюда типа гречневой каши с оливковым маслом и вареными овощами в качестве ежедневного рациона не вызывают у меня энтузиазма. Иногда мне просто до головокружения хотелось съесть чего-нибудь этакое – из славного нашего прошлого, когда, возвращаясь с задания, на которое меня отправил Майкл, я знала, что дома меня ждет приготовленная им неизменно изысканная и вкусная трапеза. Особенно часто мне почему-то вспоминался жареный гусь с яблоками, приготовленный Майклом в этом году на Рождество.

Кроме того, мой муж решил вести подвижный образ жизни. А поскольку все, что он делал, делалось обстоятельно, мы переехали из Нью-Йорка в пригород, чтобы он мог совершать пешие прогулки по тянущемуся вдоль берега океана пляжу, пустынному в это время года. Было только начало марта, до Рождества, на которое принято готовить жареного гуся, оставалось ждать десять месяцев, до начала купального сезона – не меньше трех. Инспектор Стрингер, звонивший Майклу при малейшем затруднении в делах, что случалось довольно часто, был в отпуске и плавал на каком-то круизном теплоходе. Частных клиентов тем более ожидать не приходилось, поскольку отбывая в арендованный на побережье дом, Майкл никому не сообщил о своем новом местонахождении.

Шла вторая неделя скучной и голодной жизни. Майкл гулял, занимался гимнастикой и осваивал рецепты выпечки ржаного хлеба и квашения капусты. Я приводила в порядок наш довольно

запущенный архив и размышляла о превратностях супружеской жизни. Жареный гусь с яблоками не выходил у меня из головы. И когда Майкл однажды утром, после завтрака, состоявшего из геркулесовой каши на воде и половинки круто сваренного яйца, положил на кухонный стол несколько яблок, понадобившихся ему для капусты, я не выдержала.

– Майкл, – голос мой дрогнул, – я, пожалуй, съезжу в Нью-Йорк. Надо почту посмотреть, кое-какие документы глянуть.

Взгляд моего мужа был ласков и безмятежен:

– Конечно, дорогая, проветрись...

Закончить он не успел: со стороны окна послышался осторожный стук, и, оглянувшись, мы увидели в открытом по случаю теплой погоды окне темноволосую женщину лет сорока.

– Здравствуйте, – пролепетала она по-русски почти без акцента. – Я хотела бы поговорить с мистером Горбов. Вы мистер Горбов?

Майкл нахмурился. Но темно-карие глаза нарушительницы его покоя смотрели с такой мольбой, что он смягчился.

– Проходите, – он оглянулся на нарубленную капусту. – Хотя нет, я сейчас к вам выйду.

Мы вышли на уже по-весеннему припекающее солнце. Посетительница все еще стояла у окна. Однако взгляд ее блуждал где-то в глубине ярко-синего неба. Я подняла голову. Прямо над нашими головами пролетал косяк гусей. «Гуси, – услышала я тихий шепот. – Жареный гусь». Я вздрогнула. Может, у нее тоже муж решил худеть?

– Представьтесь, пожалуйста, – сухо сказал Майкл. – И кратко изложите свое дело. У меня мало времени.

– Да, конечно, – взгляд потенциальной клиентки неотрывно следовал за удаляющимся косяком гусей. – Мэри Буренков. У меня пропал сын. Гусь...

– С яблоками? – невольно осведомилась я и поймала на себе грозный взгляд мужа.

– Да, – неожиданно подтвердила миссис Буренков, – с яблоками. И ржаными галетами. На серебряном блюде, которое прабабушка из России вывезла. На нем такой красивый рисунок – речка по камням бежит, а вокруг лес...

– Серебряное блюдо для жареного гуся – это хорошо, – прервал ее Майкл, – однако речь шла о пропаже сына.

– Сейчас гусь в кастрюле, блюдо не вошло в холодильник, – миссис Буренков полезла в карман и достала сложенный вчетверо лист бумаги, – а записка в полиции, но я принесла копию.

Майкл развернул бумагу и поморщился:

– Это что, шифровка?

– Это формулы, мистер Горбов. Из линейной алгебры. Джон – будущий математик. Отец у него тоже математик, он в Калифорнии, преподает в университете, а я – здесь, недалеко, в местном университете, знаете, нам вдвоем устроиться преподавать в одном месте практически невозможно.

– А вы тоже преподаете математику? – Майкл взглянул на собеседницу и несколько минут не отрываясь смотрел на ее удивительно подвижное лицо. Оно как будто принадлежало двум совершенно разным людям – милой, мягкой женщине и жесткому, точнее, жестко давящему волевому человеку, трудно даже определить какого пола.

– Да, – она улыбнулась. – И отец у меня математик, тоже здесь преподавал. Он много занимался с Джоном, а осенью, когда тот стал студентом, они с мамой уехали в Корею. Папе там предложили очень интересную работу. Но они часто звонят, и сейчас, когда Джон пропал, я даже не знаю, что им сказать.

– А при каких обстоятельствах это случилось? – Майкл продолжал не отрываясь смотреть ей в лицо. – И когда?

– Уже четыре дня прошло, – на глазах потомственной преподавательницы математики выступили слезы. – В полиции сказали, что надо подождать. Что, может, он с девушкой уехал, и, может, гусь – это символ свадебного застолья...

– Вообще-то гусь много чего символ, – Майкл поморщился. – Прежде всего, это перевозчик в иной мир, причем как в низший его слой, так и в высший. Но причем тут вообще гусь? Не на гусе же ваш Джон улетел, тем более, с девушкой.

На глазах покинутой матери снова показались слезы:

– Я не знаю. Мы с ним вместе с утра пошли в университет. А когда я вернулась, на его рабочем кресле перед компьютером лежало блюдо с гусем, к которому вилкой была приколота записка. Вы ее видели.

Майкл нахмурился:

– Скажите, Мэри... Можно я буду так вас называть? – Она кивнула. – А Джон охотно занимался математикой?

Глаза его собеседницы стали жесткими:

– Конечно! Я знаю своего сына! Он сам решил! Он очень дружен с дедушкой. И меня он очень любит. Мы все чувствовали, что математика – лучший для него путь в жизни. А он такой чуткий мальчик. И отец его...

– Но может быть, – прервал ее Майкл, – он еще чем-нибудь интересовался?

Тут на нас с Майклом обрушился горячий монолог, в котором мелькали фразы «он так любит» и «моя мама говорила». Финал был таков: «В полиции ничего не понимают. Какая девушка! Он все время занимался. Вот и в записке на гусе – уравнения из линейной алгебры».

– ОК, – Майкл немного подумал. – Полагаю, все ясно. Но для завершения дела необходимо посетить место происшествия.

Он направился к машине новообращенной клиентки, и минут через тридцать мы уже были возле дома Буренковых. Его осмотр занял у Майкла минут пятнадцать. Он оглядел комнату Джона, полистал книги на русском и английском языках, потом заглянул в холодильник, где хранился жареный гусь, и в завершение внимательно изучил рисунок на блюде, с которого тот был снят.

– Да... – задумчиво протянул он. – Гуси-лебеди над темным лесом.

Территория университета начиналась через две улицы от дома Буренковых. Миновав один из многочисленных в него входов, мы пешком – к немалому удовольствию Майкла – двинулись в сторону математического факультета. Вокруг нас, оккупировав газоны, лужайки и клумбы, во множестве расхаживали канадские гуси. Вели они себя как хозяева территории, от них веяло свободой и самоуважением, поэтому смотреть на них было приятно. Уже подойдя к зданию факультета, Майкл вдруг остановился и направился в сторону странного холмистого газона. Я пошла за ним и, перешагнув кромку тротуара, вдруг почувствовала, что попала в другой мир. Нет, все осталось на своих местах: светило солнце, желтела пожухлая трава, от здания факультета доносились голоса. Но как будто воздух стал другим, и гуси вокруг были какие-то другие.

– Странное место, – сказала я.

– Да, – согласился мой муж, – я что-то в этом духе себе и представлял.

Первый этаж математического факультета был заполнен детьми в возрасте от пяти до шестнадцати лет и царившей там разногласий напомнил мне притчу о Вавилонской башне. Подрастающее поколение изъяснялось на английском и русском языках – как правильных, так и со всеми мыслимыми неправильностями. Оказывается, по субботам – а я в нашем с Майклом затворе успела забыть о днях недели – здесь работала русская школа. Обратившись к вышедшему нам навстречу директору – серьезной пожилой даме, Майкл представился и достал фотографию Джона. К моему немалому удивлению, она сказала, что видела этого человека. Видели его и некоторые присутствующие там родители, и даже дети. Понятно, что они могли видеть его в здании, тем не менее, все говорили, что видели его среди гусей на том самом газоне. Складывалось впечатление, что он часто пропускал занятия, проводя немалое время в том странном месте. На миссис Буренков было жалко и страшно смотреть. Губы у нее дрожали, но глаза смотрели жестко. Майкл взял ее под руку:

– Мэри, нам надо серьезно поговорить. Без посторонних ушей. Пойдемте в вашу машину.

В это время у нее зазвонил мобильник: звонила мама из Кореи. Майкл забрал звенящий мобильник себе, выключил его и пошел к выходу.

В машине он несколько минут молча смотрел на свою клиентку, буквально излучавшую упрямство и растерянность.

– Мэри, – начал он, – я не буду читать вам курс мифологии. Но даже в полиции понимают, что жареный гусь – это символ. Должен вам сказать, что ваш сын действительно вас любит. А вот любите ли вы его – вопрос. И от того, как вы на него сейчас ответите, зависит его судьба.

Майкл помолчал, как бы оценивая реакцию на свою тираду. Ответом ему был упрямый взгляд прямо перед собой.

– Это хорошо, что вы не уверяете меня в своей любви к сыну, – продолжил он, – ответ вы должны дать не мне и не словами. Я полистал книги у него в комнате. Очень любопытный набор, в котором учебники по математике показались мне хоть и усердно читаемыми, но явно лишними. Так вот, там есть книга сказок, наверно, также вывезенная вашей прабабушкой из России, а может быть, она ее уже здесь купила.

– Да, – отозвалась миссис Буренков, – мне бабушка читала. Я помню сказку про гусей-лебедей... Знаете, я еще рисовала их, как на том блюде – как они над лесом летят. Я хорошо рисовала, но папа...

– Да, – прервал ее Майкл, – знаю. Так вот, вспомните, как девочка Маша выручала своего брата Ваню, которого она по своему безволию позволила унести посланным чужой злой волей гусям-лебедям и который должен быть зажарен, но в итоге в горячую печь попали эти самые гуси-лебеди. Там были ржаные пирожки, яблоки и речка. Вот Джон вам и изобразил все это – с уравнениями из линейной алгебры на жареном гусе. Теперь вы должны дать ответ – кто же на этот раз попал в печь. Пойдемте!

Майкл помог клиентке выйти из машины, взял под руку и повел. Я пошла следом, слушая, как он говорит:

– Вообще-то на гусях летят и к счастью, к новой жизни. Все зависит от воли, которая ими движет, – своей или чужой, доброй или злой. Конечно, могло случиться и плохое, но давайте верить, что с Джоном все в порядке.

Вскоре мы подошли к тому холмистому газону. Майкл подтолкнул туда глядевшую на него как зачарованная миссис Буренков и напутствовал:

– Ваш сын любил тут бывать. Он действительно очень чуткий юноша. Это странное, но хорошее место. Поверьте, жизнь не укладывается даже в самые сложные математические уравнения. В ней работают другие уравнения, особенно в таких местах, как это. Побудьте тут. А мы погуляем немного, подождем вас.

Когда мы вернулись домой, Майкл приготовил пюре из картошки – на воде, но очень вкусно, с жареным луком и укропом. К пюре он подал квашеную капусту и черный хлеб – собственного изготовления. Неожиданно для себя я поела с аппетитом и почувствовала себя вполне сытой. Жареного гуся мне больше не хотелось. В Нью-Йорк мне тоже расхотелось ехать. А поздно вечером Майклу позвонила миссис Буренков. Объявился ее сын – в Канаде. Оказывается, он познакомился по интернету с девушкой, которая, как и он, увлекается чем-то – я не поняла, чем, – и она позвала его к себе. Чувствует он себя прекрасно и уже устроился работать официантом. Обещает навестить родителей летом – в Калифорнии. Поскольку – и это самое удивительное – миссис

Буренков решила после окончания семестра ехать к мужу, хочет сменить род деятельности и намерена изучать там какой-то особый вид живописи. Об ее отце не было сказано ни слова.

Через пару дней я все-таки поехала в Нью-Йорк. Майклу понадобились кое-какие материалы из архива полицейского управления, поскольку у нас появился новый клиент. И первый, кого я увидела, войдя в здание управления, был инспектор Стрингер, озабоченный очередным делом и раздраженный тем, что не знает нового адреса Майкла.

г. Нью-Йорк

Борис Ванталов

ЗИМНЕЕ ВРЕМЯ

Я, синица прошедшего времени,
прозябая в новейшей среде,
не клюю электронного семени,
не витаю всегда и везде.

Мозг, во мне истощается сущее.
Лета плещет холодной волной.
Невесомость. Душа неимущая
заполняет сознание собой.

Биолужа,
ты все уже,
испаряешься, балда?
Мне
не лучше
и не хуже.
Нас
все больше
в никогда

Эго, эго,
Что с тобою,
что ты, эго, верещишь,
надоело быть со мною?
Не удерживаю.
Къш!

Зимнее время

Вся рябина склевана. Птиц не слышно тут.
На завод бесперые медленно идут.
Солнце не поднимется больше никогда,
и сознание выльется в речку никуда.

Знатная ловушка

Верую, ибо абсурдно.
Тертуллиан

Эта идея недостаточно безумна,
чтобы быть верной.
Нильс Бор

В холодке равнодушного знания
только колокол сердца звучит,
без него не играет сознание,
арфа мозга молчит.

Мы застряли в тупой безнадежности
тех вселенных, которых не счесть.
Наших снов исчерпались возможности,
нам второго безумья не счесть.

Чего-то там
последние мгновенья.
Так нереально бытие.
Оно – не жизнь.
Оно – стихотворенье.
Оно – ничье.
Оно – как ток,
бегущий ниоткуда.
Оно – вибрации
платоновых пустот.
Оно – сознание,
крохотное чудо,
которое назвали аксельрод.

Пробуждение

Вот в мозгу замерцало понятие,
блики солнца в холодной воде.
Я глядит на свое восприятие,
развалясь на диване нигде.

В голове надо выплавить олово,
раскаленное выплюнуть вон.
И останется арфа эолова,
галактических струн перезвон.

2012–2013 гг.

Наталья Кузьмина

АКВАРИУМ

1.

отчуждение
гранью зеркальной:

одна половина сердца — нигде
другая —
 как будто в воде

но есть ли оно вообще —
сердце?

и если есть
то — где?

2.

воздух —
все равно что вода

гудят провода
в слабом течении
света

ряби белесые облака
 прикрывают лазурь неба

на поверхности
огромные лодки стрекоз

шуршат крылами

следы столкновения
волн
разбегаются под углами

3.

металлургия —
она же —
литература

льется из чаши белый металл
на синий кристалл
слова

блестящие литеры пляшут на дне

совершенная форма тире
расширяется и
светится будто извне

4.

медленно дышат жабрами люди
перебирая плавниками асфальт

глубокая тишина
колеющийся мерный звук
(ни откуда)

равнодушные рыб
пересиливает даже испуг

5.

океан —
в сущности
это аквариум

с фауной
 флюоресцирующей
под луной
таинственной своей стороной

6.

и лица многих людей —
 аквариум

к аналогии понуждают
закрытые
 широко глаза

и три глубокие складки на лбу

 символизирующие волну
убегающую в пустоту

и две безмолвные чайки
парящие
 одна над другой
почти что дугой

7.

воздух —
чист и зернист

вода —
таинственна
и нетленна

исстари существовала лемма

что люди будут как рыбы
совершив сомнительный переход
из воздуха в воду
как раньше рыбы
совершив переход
(только наоборот)
стали людьми...

8.

следует расслабиться
перед неизбежным

будущим
таким далеким
и одновременно близким

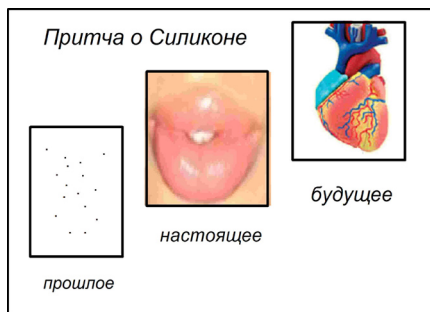
и здесь поможет притча о Силиконе
который был сначала ничем
(попросту пустотой)

потом стал женской губой

и уже говорят
что силиконовые сердца
в некоторых впаяны навсегда

справа дается картинка

она
думается —
ясна

9.

если вчитаться
в мало кому известный
но некоторыми любимый
фрагмент текста:

*«Ни один горизонт не может быть так достоверен
как прочерченный падением камня...
Подводная чешуя, конечно, и плавники, тень, босые ноги
И кто-то еще, как клетки в арифметической длинной
книжке»**

то станет сразу же ясно
что и многие песни наши —
всего лишь ключ к двери
за которой лежит разрушенный город

и гаммы смыслов смещаются
как узоры в калейдоскопе
по воле случайной прихоти:

почему
 например —
падением камня?
а не падением тела
или падением человека

в монстра или скользкую рыбу?

что тогда будет в остатке?
кто-то еще в виде клеток арифметической книжки?

но главное
уже сейчас
легкой тенью небесного крыла
ощущается *Нечто незримое*

* Фрагмент стихотворения А. Драгомощенко.

из-за чего я — это уже не я
и ты — совсем не ты...

10.

липовые аллеи в воде
все равно что
жемчуга нити
(если хотите
в руки возьмите)

что может быть лучше
живых украшений
оберегающих
от экстаза
невольного
или дурного глаза?

опахалами ветвей
они разрезают
лунный дождь
и солнечный ветер

и за мутным стеклом
день бывает светел

11.

ты
собственно говоря —
никто
но сейчас —
собирательный образ

поэтому красива и молода
из ушей идут провода
волосы спицами покалывают лицо

издавая хрустальный звук
 под перестук
колес:
метро качивает
 как «Куантро»

вокруг тебя —
твои двойники
мелкие в крапинах плавники
опоясывают твои талию бюст и бока

два косых игрока
в устаревший английский вист
таращат глаза
чтобы не заснуть в вагоне

ты же мечтаешь естественно о Силиконе

средних размеров кит
в отдалении
притворяется
 что спит
но он думает о себе и тебе —

я изворотлив
 умен и нем
рыбка
 я тебя съем

12.

...надо бы запретить
аквариумный вылов рыб
на коралловых рифах

ибо и в полузабытых мифах
говорится

что людям лучше щипать ламинарии
у собственных подводных террас

свет разума вспыхнул
и тотчас погас

13.

актинии —
все равно что мешки или вазы
заполненные проводами

электричество стекает с них язычками
поэтому и кажутся они маячками

но как говорится —
сунь туда пальчик
и будет зайчик

течение у дна
раскачивает их туда и сюда
и они мерцают
как само Время
в небесной шкатулке

но вот два заморских конька
(*hippocampus* <es> *kuda*)
зависают над ними крючками

и один говорит другому
невинному и слепому:
— это не слепки стервозных женщин
а они сами
собственными телесами

возьми ту
что с усами
а я возьму —

зловещее
как во время войны или чумы

15.

но возможно
что-то и было бы в шоколаде

если бы не надписи на заборах
и огромные щиты реклам:

КУПЛЮ
 например
 ЧЕРМЕТ

но
Анненский
Тютчев и
Фет

наверное
их уже нет
в обобщенном (естественно) смысле

16.

(уже или еще
 может быть
 не решено?)

17.

...где ты, друг мой, курилка?

помнишь ли вечера

близ Диканьки
когда мы вдвоем читали
милые сердцу строки:

*«и тихий оркестр разводил
неумную песню вразброд,
но знали мы: солнце не встанет
как жертвенный город падет
от звуков протяжных словно холмы...»**

и по прошествии стольких лет
нас печаль не забудет
шумом мелкой волны
напоминает
что с нами будет

плавник
и вечно открытый рот —
это еще полбеда

куда хуже — скошенный лоб
и следы
отчуждения
ко всему
что встретится на пути

18.

лети
рыбка
лети...

* Фрагмент стихотворения В. Аристова.

Татьяна Михайловская

ЦЕЛОВАНИЕ ВЕТРА, ВОДЫ И ЗЕМЛИ

(Парные надписи)

I

Путь не имеет начала и конца. Миллионы существ, живых и мёртвых, движутся по нему в разных направлениях.

Дорога начинается с одежды, которую ты надеваешь, выходя за порог, и заканчивается, когда ты снимаешь её с себя.

II

Встреча с близким человеком и потеря его не имеют особого значения, потому что близкий человек всегда в твоём сердце, пока твоё сердце живёт.

Свидание и разлука с близким человеком – самая большая радость и самое большое горе. Первую трудно забыть, а от второго трудно излечиться.

III

Если облака закрывают солнце, то надо надеяться на ветер, который разгонит их. Хотя надежды часто развеивает тот же ветер.

Если край неба коснулся щеки, то этого уже достаточно, чтобы не замечать плохой погоды.

IV

Память о былом, о том, что осталось за спиной, – тяжкая ноша, которая мешает идти вперед, бодро напевая.

Воспоминание о прошлом, о покинутом доме живёт в душе и подгоняет ноги, чтобы быстрее вернуться.

V

Трава, смятая твоим шагом, распрямляется, освободившись от груза, и растёт всё выше.

Растение, сломленное прохожим, стоит, замерев от боли.

VI

Попутчик – точно хрустальный шар, и тебе весело смотреть, как живо играют его грани.

Идущий рядом с тобой часто на самом деле идёт в противоположную сторону, и ты видишь его удаляющуюся спину.

VII

Вода и хлеб, взятые из дома, насыщают в пути лучше, чем полный обед за столиком в ресторане.

Пить и есть хотят все, в дороге надо поделиться.

VIII

Эхо шагов кочует с облаками, перелетая с поля на поле, а ты вслушиваешься и пытаешься распознать знакомую походку.

Отзвук прошедших мимо берез, возле камышового болота, вон за тем бором, – настигая тебя, застигает врасплох, и ты кричишь имя уже вдогонку.

IX

Грунт оседает под грузом идущих, осыпается, ползёт, путаясь в корнях, рвётся вверх, превращаясь в ревущий ветер, за которым музыка не слышна.

Почва – обитель скромных, её легко обидеть, разрушить. Тонкий слой её гостит у самых глаз. Тот прозреет, кто проведёт рукой по волнистому рисунку.

Х

Струны сосен натянуты по холмам до вечной мерзлоты. Протяжённость звука невозможно исчислить из-за погрешностей пульса.

Верхушки сосен тянут на себя небо, и оно спускается к земле, ты кутаешься в него, словно в одеяло, и засыпаешь на полушаге, там, где силы твои иссякли.

ХІ

Поляна машет пёстрой цыганской юбкой. Весело, быстро крутится пыль, пыльца оседает на пальцах, и ты гудишь, словно шмель, облетая своё царство.

Лужайка-лежебока заросла цветами и преградила, перегородив, дорогу. Хочется лечь на землю и, раскинув руки, смотреть в небо. А солнечное жало золотой осы отсчитывает время до заката – пора торопиться.

ХІІ

Родина-орденоносица тонет в тумане за спиной. Оглянешься – её уже не видно. Наплывает впереди туман будущего, и дорога в нём теряется.

Отечество без отчества выплыло перед тобой из тумана будущего. Назад оглянешься – бывшие облака догоняют, прошлое потонуло в пути.

ХІІІ

Собака бежит рядом с тобой только часть пути. На большее ей дыхания не хватает. Но ещё долго ты будешь делить еду: это – себе, это – ей.

Пёс всю дорогу следует за тобой. Даже если кажется, что он куда-то исчез, ты чувствуешь за спиной его дыхание. И утром, проснувшись, ты видишь следы его лап на земле и находишь миску, поставленную для него с вечера, пустой.

XIV

Попутная песня как попутный ветер — ускоряет шаг. Близится жильё, еда и ночлег. Начинаешь подпевать — и вспоминаешь об оставленном доме.

Пение пространства — точно гудение проводов — невозможно прервать. И ты шагаешь под эту музыку, не останавливаясь, пока ноги ещё идут. Чтобы хоть как-то избавиться от надоевших звуков, заткнёшь на минуту уши и в наступившем молчании вспомнишь о потерянном доме.

XV

Опасно бежать по лунному лучу, в то время как мысли твои заняты земными делами. Уж лучше предаться одной стихии — лунной или земной.

Странно ходить по земле, в то время как помыслы твои кружат возле лунного светила. Однако эта странность для тебя источник радости: ты соединяешь собой два мира — земной и лунный.

XVI

Берёза машет ветвями не для того, чтобы в жару охладить твоё разгорячённое лицо. Для чего она это делает, ты никогда не поймёшь, поэтому просто подставь своё лицо под воздушные потоки и закрой глаза. Отдохни.

Дерево плывёт в небесах. Взмах ветвей — зелёный парус, лёгкие вёсла — и земную лодку никому не догнать! Прислонюсь к её мачте, закрою глаза и поплыву вместе с ней.

XVII

На свете живёт всего несколько человек: учитель, ученик и вор. Учитель учит, ученик учится, а вор не может учить и не хочет учиться, он ворует у первого знания, а у второго веру в них.

В мире бесчисленное множество людей. Малая часть их добывает знания и готова поделиться ими. Другая незначительная часть готова учиться, чтобы воспринять эти знания. Большинство же

людей просто присваивает их себе, не понимая ни истинного смысла, ни подлинного предназначения этих знаний.

XVIII

Песок, разогретый солнцем, обжигает босые подошвы. Жёлтые осы летят из-под ног и жалят искрами. Нищий играет свою музыку, а бегущий на цыпочках далеко не убежит.

Земля горит под ногами у всех, кто играет с ней. Нищий просит милостыню, но бегущий на цыпочках сам нищ.

ЧУВСТВА

1. Осторожность

Не презрение, не пренебрежение, не...
а нечто — неуловимое, невесомое,
ни на чём не основанное,
непостижимое, непоколебимое...

2. Недоумение

Правая рука берёт.
Левая рука берёт.
Правая берёт у левой.
Левая берёт у правой.
Обе руки берут —
Где?

3. Справедливость

Мученики пребывают в Раю —
там их освобождают от мук.
Художники пребывают в Чистилище —
там их отмывают от краски.
Правители пребывают в Аду —
там их душат в их лучших намерениях.

4. Покорность судьбе

Паркетный, блестящий, зеркальный –
легко поскользнуться в танце,
сломать каблук, голову, жизнь...
развести руками...

5. Грусть

Всё меньше дубов в лесу.
Они остаются в сказках.
Там на дубу сидит ворон,
Я иду мимо, и он говорит мне:
«Привет!» –
а дуб шелестит листвой...

6. Разочарование

неправедная праведность
недобрая доброта
неискренняя искренность
невероятная вероятность
всего на свете

7. Ирония

Отыскала богиня растерзанного сыночка,
все косточки подобрала,
сложила по порядку –
а уда нет.
Вот и сделала золотой.

8. Усталость

Громкое эхо рождается только в горах.
В городе его не слышно,
даже если рушится дом.

Людмила Вязмитинова

МЕСЯЦЕСЛОВ

Дай, Господи, нам радость в сентябре,
в славянский Новый год,
когда листва, слегка уже пожухлая,
еще стремится свой лепет по горам и долам,
чтоб откровенно жухнуть в октябре...
Дай, Господи, нам радость в октябре
под меркнувшим и уходящим небом,
закрытым влажной хмарью в ноябре...
Дай, Господи, нам радость в ноябре —
не видно звезд на небе в ноябре,
лишь ветер рвет остатки листьев мертвых...
Дай, Господи, нам радость жить зимой.
Она сжигает жизнь морозом лютым,
смеясь над нею в оттепель,
и смотрит огромными холодными глазами
на праздник изменения числа
в обозначенье круга годового,
под этим небом дважды —
в старый Новый и новый Новый годы...
Дай, Господи, нам радость в декабре...
Дай, Господи, нам радость в январе...
Дай, Господи, нам радость в феврале —
последнем из двенадцати фрагментов
извечного круженья Зодиака,
в котором первый — мощный, полноводный,
могильщик-обновитель мудрый март...
Дай, Господи, нам радость в марте мудром —
так тяжело видеть кроткие останки
того, что не вступило в новый круг...

Затянет все апрель зеленой пленкой,
по зелени рисуя акварели...
Дай, Господи, нам радость в акварельном
надгробии над тем, что прежде жило,
чтобы стремиться быть и продолжаться
в цветущем мае, в зреющем июне,
в июле ягодном, столь щедро одаренном
теплом и светом,
что тускнеет память о будущем и прошлом
неярком и нещедрым свете Солнца...
Разбудит память милосердный август
чуть меньшим блеском синевы и света
и в милосердии своем осыплет землю
плодами изобильными, как манна —
для продолжения, для круга,
для круженья...
Дай, Господи, нам истинную радость
среди изобилия плодов, землей рожденных...

Ты, Господи, дал силы мне идти...
Я даже не хромаю...
Круг за кругом...
Минуты капают, так плотно наполняя
артерии и вены,
плотно так,
что им не сдобровать —
известно ведь, и камень капля точит...
Так что же делать —
умереть, уснуть,
стать каменным как будто бытием
и видеть сны, быть может?
Как будто бы кружение не сон,
не боль, не смертное томленье
сошедшего с бессмертного ума!

Дай, Господи, нам радость каждый день,
минуту каждую дай радость прозревать,
что выше Ты кругов и их кружений,

прекрасных столь —
в движеньи звезд небесных
и тяжких столь — в своих земных сосудах.
Минуту каждую дай радость прозревать,
что сопричастны мы Твоей великой тайне —
как дети Божии, как твари на земле,
покорные круженью Зодиака.

На свете счастья нет,
но есть нетварный свет
над тварями
и звезды Зодиака.

ОБ АВТОРАХ

Авалиани Дмитрий (1938 – 2003) – выдающийся поэт, создал свой особый род визуальной поэзии – кинетические каллиграфемы. Сборники стихов: «Улитка на склоне» (1997), «Лазурные кувшины» (2000), «Я суцц? – Тцуся» (2007), «Дивносинее сновидение» (посмертное издание 2011).

Публиковался во многих антологиях и коллективных сборниках.

Ванталов Борис (Б. Констриктор) – поэт, прозаик, художник.

Книги стихов и рисунки: «Стихотворения» (1993), «Конец цитаты», «Уголовник» (графика) (1995), «Стихограф» (совм. с Р. Элининым) (2003), «Записки неохотника» (2008), «Слова и рисунки» (2010).

Публиковался в сборниках самиздата, антологиях, в коллективных сборниках, в альманахе «Черновик», журналах «Крепцатик», «Меценат и Мир», «Арион» и др.

Участник многих коллективных выставок в Ленинграде–Петербурге, Москве и за рубежом.

Член С.-Петербургского союза литераторов. Живет в Петербурге.

Вязмитинова Людмила – литературный критик, поэт. Книги стихов: «Пространство роста» (1992), «Монета» (1997). Книга эссе «Tempus Deliberandi» (в соавторстве с А. Цукановым, 1998), прочитанных в рубрике «Своя колокольня» на «Радио России». Публикации в журналах «Знамя», «Новое литературное обозрение», «Новый мир», «Дружба народов», «Крепцатик», «Урал», «Топос», газете «НГ» (приложение «НГ-Ex Libris») и других периодических изданиях. Член Союза писателей Москвы и Московского союза литераторов. Живет в Москве и Нью-Йорке.

Галечьян Валерий – поэт, прозаик, график. Родился в Ленинграде.

Библиография: «Аналитическая поэзия». Сборник поэм (1991), «Манифест». Сборник поэзии (1994). «Буддийский дневник». Сборник поэзии, компьютерная графика (2004). «От и до...» Сборник поэзии, графика (2004). В соавторстве с В.А. Ольшанецким книги: «Страна роботов» Сказка (1990), «Взрыв». Повесть (1990), «Месть зэка». Роман (1993), «Четвертый Рим». Роман (1994), «Византия». Роман. (2004).

В 1995–2010 годах на персональных и других выставках в Санкт-Петербурге и Москве представил более 500 произведений, выполненных в традиционной и компьютерной графике.

Член Московского союза литераторов. Живет в Москве.

Коблер Эсфирь – прозаик, критик, эссеист.

Библиография: книга эссе «Истоки европеизма» (2007, изд. второе доп. 2009), книга прозы «Время разбрасывать камни» (1999), «Плоть времени» (2009). Автор и руководитель интернет-проекта «Россия – далее везде».

С 2000 по 2009 год печаталась в журналах: «Истина и жизнь», «Вектор творчества», «Литературные незнакомцы», «Мост», «Стороны света» (США), «Край городов», «Рефлект» (США), «Арго», альманахах «Лири», «Диалог», «Комментарии», «Меценат и Мир», сетевых журналах «Топос», «Вечерний Гондольер», «Точка зрения».

Член Московского союза литераторов. Живет в Москве.

Кузьмина Наталия – океанолог, литератор. Доктор физико-математических наук. Книги стихов: «Издали и вблизи» (1999), «Nymphalidae» (2005), «Последовательности» (2011).

Проза и стихи публиковались в журналах «Арион», «Соло», «Крепцатик», «Футурум-Арт», «Меценат и Мир», в альманахах «Черновик», «Тритон», в сборниках «То самое электричество», «Солнце без объяснений», «Как становятся экстремистами», в антологиях «Очень короткие тексты», «Жужукины дети», в электронном издании «Лавка языков» и др.

Член Московского союза литераторов. Живет в Москве.

Лаврухин Александр – художник, эссеист, поэт.

Персональные выставки в музее-квартире А.Н. Скрябина, в музее-квартире М.А. Булгакова, во многих галереях и музеях Москвы, Петербурга, Перми, в музее М. Шагала в Витебске, также в Доме российской культуры в Вашингтоне. Публиковался в различных коллективных сборниках и журналах.

Издания: «Поиски плохой погоды» (2000), «Не столько Петербург» (2002).

Член Московского союза литераторов. Член Творческого союза профессиональных художников. Живет в Москве.

Лозовой Александр – художник, искусствовед. Кандидат педагогических наук. Его работы хранятся в музеях страны, в том числе в Русском музее (Санкт-Петербург), в Государственном музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина (Москва), в Музее современного искусства (Москва), в Архангельском музее изобразительного искусства, в Ярославском музее изобразительного искусства, в Историко-архитектурном музее «Новый Иерусалим», в Zimmerly Museum (штат Нью-Джерси, США), в других музеях и частных собраниях.

Библиография: автор нескольких книг, а также статей по изобразительному искусству. Автор альбома «Варвара Бубнова» (1984), «Некоторые взгляды Варвары Бубновой на искусство» (1999, Саппоро, на яп. языке); один из авторов публикаций и комментариев к I и II тому «Малевич о себе. Современники о Малевиче» (2004), публикации «О чём молчал Филонов» (Experiment, Los Angeles, 2005), «Алгебра и гармония Вольдемара Матвея» в сб. Вольдемар Матвей и Союз Молодёжи (2005); книги «Ошибки великих

мастеров. Закат реализма» (2008), «Монотипия. Техника монотипии» (2010, совместно с К.В. Безменовой), «Цитаты Ветхого Завета», (Сан-Франциско, США, 2011), «Восток. Восток» (2012).

Живет в Москве.

Мельников Вилли – поэт-экспериментатор, работающий со многими языками, фотохудожник, также снимается в кино. Разработал свою методику изучения языков (лингводайвинг). Стихи пишет на всех языках, которые изучает (знает больше 100 языков). На русском языке часто использует так называемую муфталингву.

Автор сборника стихов «Фобософия» (2004).

Участвовал в различных выставках со своими лингвогобеленами, фестивалях верлибра и визуальной поэзии.

Живёт в Москве.

Михайловская Татьяна – поэт, прозаик, литературный критик.

Сборники стихов: «Вечерний свет» (1982), «Солнечное сплетение» (1995), «То есть» (совместно с Р. Элининым, 1998), «Парад-алле» (2005), «Отражения в воде» (2009), «Земные времена» (2011); сборник рассказов «Ерундопель и другие...» (2009).

Публикации в отечественной и зарубежной периодике: альманахе «Черновик», журналах «Меценат и Мир», «Нева», «Крепцатик», «Арион», «Арагаст», «Кукумбер», «АКТ», газете «Русская мысль», в различных антологиях и сборниках.

Автор выставочного проекта «Дом со стихами» (выставки в Государственном музее В.В. Маяковского (2001), в Государственном музее декоративно-прикладного искусства (2006)).

Член Московского союза литераторов. Живет в Москве.

Орлицкий Юрий – поэт, литературный критик, исследователь русского стиха. Доктор филологических наук, профессор, главный редактор научно-информационного издания «Вестник гуманитарной науки» (Москва, РГГУ).

Автор шести стихотворных книг и более 800 статей по теории стиха и прозы и современной русской литературе, трех литературоведческих книг (наиболее значительная из них «Стих и проза в русской литературе», М., 2002).

Организатор и участник двадцати фестивалей русского свободного стиха.

Поэтические публикации в «Антологии русского верлибра», альманахах и коллективных сборниках «День поэзии» (Москва), «Поэзия», «Стрелец», «Своим путем», «Речитатив», «Время «Ч», «Вчера, сегодня, завтра русского

верлибра», «Коломенский альманах», «Итоги века», «Легко быть искренним», «Самое выгодное занятие», «По непрочному воздуху», «Перелом ангела», «Акт», «Черновик», журналах «Арион», «Футурум-арт», «Литературное обозрение», «Аутодафе», перевел Т. Элиота, Э. Паунда, других американских и турецких поэтов.

Член Московского союза литераторов. Живет в Москве.

Осипова Наталья – поэт, прозаик.

Библиография: «Несколько рассказов и стихотворений» (2001). В коллективных сборниках: «Авторник» (2002, 2005), IX Московский фестиваль свободного стиха. (3-4 мая 2002); Русский верлибр и итоги века. Стихи участников фестиваля. Москва. Московский государственный музей Вадима Сидура (2002). «По непрочному воздуху». По следам XI Московского фестиваля верлибра. Москва. Словацкий институт, 29-30 мая 2004, «Актуальная поэзия на Пушкинской-10: антология (2009), «Перекрестное опыление. Антология одного стихотворения (2011).

Член Московского союза литераторов. Живет в Москве.

Поррас Карлос – переводчик. Окончил факультет перевода Университета Лас-Пальмас-де-Гран-Канария (Испания). В 2012 прошёл интенсивный курс для преподавателей испанского языка по коммуникативной методике в языковой школе «Clic International House» (Севилья).

С 2010 проводил занятия по испанскому языку на факультетах истории и журналистики МГУ. С 2012 года ведёт курсы испанского языка как второго иностранного в РГГУ.

Сапгир Генрих (1928–1999) – выдающийся поэт-новатор, прозаик, сценарист. Автор многих книг, в том числе для детей, пьес и сценариев для мультипликационных фильмов.

Сафранский Валерий – поэт, эссеист, фотограф.

Активное участие в деятельности литературного объединения при Хабаровской писательской организации было пресечено совместными силами СП и КГБ и закончилось лагерным сроком.

С 1987 года член московского клуба «Поэзия».

Библиография: «Фрагменты не бытия» (1994) и «Возвращение Нарцисса» (1995).

Публиковался в российской и зарубежной периодике. Лауреат международного фестиваля свободного стиха «Европейский дом» (1989). Участник поэтических антологий. Составитель и автор сборника верлибров «Европейский дом». Автор и организатор коллективной литературной манифестации «уникалистов» совместно с Г. Сапгиром, В. Куприяновым, Н. Искренко, Л. Кропивницким, и др. (1993).

В начале 90-х издавал международный поэтический журнал «Воум!». Член Союза писателей Москвы. С 1995 г. живет в Германии.

Твердислова Елена – поэт, прозаик, литературовед, переводчик.

Кандидат филол. наук. Автор двух поэтических сборников, романа «Рисунок тени», книг о Папе Римском Иоанне Павле II, Чингизе Гусейнове и Филиппе Вермеле, исследований о В. Гавеле и Ф. Горенштейне.

Переводчик с польского сочинений Иоанна Павла II, философии Юзефа Тишнера, прозы М. Хласко, И. Ольчак-Роникер.

Член Московского союза литераторов. Живет в Москве.

Хуснутдинова Роза – писатель, кинодраматург. Автор семи книг: «Как прекрасно светит сегодня луна», «Он прилетал лишь однажды», «Балерина на корабле», «Папа – тучка, мама – солнце», «Лягушка, которая сумела стать царевной», «Путешествие воздушного шарика через Европу», «Сказки братьев Grimm» (в пересказе с немецкого Хуснутдиновой Р.У.). Публикации в антологиях короткого рассказа «Жужукины дети», в антологии «Современная литература народов России», в сборнике «Святочный рассказ». Автор сценариев двадцати восьми мультипликационных фильмов, в том числе «Балерина на корабле», «Бабочка», «Рождественская фантазия», «Шуточный танец», получивших призы на международных кинофестивалях; автор сценариев восьми художественных фильмов, таких, как «Ришад – внук Зифы», «Алпамыс идёт в школу», «Триптих» (Гран-при в Сан-Ремо) и др.

Член Союза кинематографистов РФ. Живет в Москве.

Цуканов Андрей – поэт, литературный критик, переводчик. Книги стихов: «Акт» (1992), «Тридцать три» (1996). Книга эссе «Tempus Deliberandi» (в соавторстве с Л. Вязмитиновой, 1998), прочитанных в рубрике «Своя колокольня» на «Радио России». Публикации в журналах «Знамя», «Новое литературное обозрение», «Арион», «Прогнозис» и других периодических изданиях. Автор учебника по истории философии для школьников (1999). Перевел с английского несколько книг американских авторов, в том числе 1-й том двухтомника Ричарда Пайпса «Петр Струве, биография» (2001).

Член Московского союза литераторов. Живет в Москве и Нью-Йорке.

Юлина Наталия – поэт, прозаик.

Сборники стихов: «Закатный бес» (2002), «Зеленая луна» (2009); книга прозы «Чужая» (2006). Проза публиковалась также в антологии «Очень короткие рассказы» (2000), сборнике «Литературные страницы» (2007), журнале «Меценат и Мир».

Член Московского союза литераторов. Живет в Москве.

Компьютерная вёрстка Осепян Л.О.

Сдано в набор 11.01.2014.

Подписано в печать 31.03.2014. Заказ № .
Бумага офсетная. Формат 60x84/16. Объем 11,5 п.л.
Тираж 250 экз.

Отпечатано в ООО «Астра-Полиграфия»
127282, Москва, ул. Полярная, д. 33Б, строение 1.